ДОН И СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ

В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНИЕ ВЕКА

РОСТОВСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ДОН И СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНИЕ ВЕКА

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
В. Е. Максименко

Ростов-на-Дону
ИЗДАТЕЛЬСТВО РОСТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1990

ББК Т3 (2)2-Т3 (2)4(2РОС37—4РОС) 1 (2РОС 37) 1
Д 67

Печатается по решению редакционной комиссии
по историческим наукам редакционно-издательского
совета РГУ

Рецензент: кандидат исторических наук *Г. Ю. Магаков*

Редактор *Т. М. Климчук*

Редакционная коллегия:
В. Б. Виноградов,
Ю. В. Кнышенко, *Ю. Е. Журавлев* (отв. секретарь)

Дон и Северный Кавказ в древности и средние века.
Д 67 Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1990. 96 с.

ISBN 5—7507—0229—4

В сборник включены статьи по проблемам древней и средневековой истории археологии и этнографии региона. Авторы, ведущие специалисты вузов Дона и Северного Кавказа, рассматривают вопросы хронологии и методики датирования памятников, проблемы формирования и исторического развития этнических и политических объединений в эпоху раннего железного века. Исследуются вопросы межэтнических взаимодействий на Северном Кавказе в средние века, рассматриваются новые аспекты в истории донского казачества XVII—XVIII вв.

Сборник рассчитан на историков, археологов, этнографов, краеведов, студентов исторических факультетов, а также на всех интересующихся историей и этнографией Дона и Северного Кавказа.

Д $\frac{0503030000—072}{M175(03)—90}$ Без объявл.

ISBN 5—7507—0229—4

© Издательство Ростовского университета
1990

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АС	— Археологический съезд.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
ВВ	— Византийский временник.
ВДИ	— Вестник древней истории.
ИАК	— Известия Императорской Археологической комиссии.
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры.
ИРАИМК	— Известия Российской Академии истории материальной культуры.
ИРОМК	— Известия Ростовского-на-Дону областного музея краеведения.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
КСИИМК АН СССР	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
КСИЭ	— Краткие сообщения института этнографии.
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
МИА СССР	— Материалы и исследования по археологии СССР.
ОАК	— Отчет Археологической комиссии.
ПВЛ	— Повесть временных лет.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
СА	— Советская археология.
САИ	— Свод археологических источников.
СГАИМК	— Сообщения Государственной академии истории материальной культуры.
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа.
ТИЭ	— Труды института этнографии.
ЦГАИ СССР	— Центральный государственный архив истории СССР.
SK	— Seminarium Kondacovianum.

О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ РАННЕСКИФСКИХ ПАМЯТНИКОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В. А. КОРЕНЯКО

В свое время я попытался доказать слабую обоснованность отождествления даты наиболее ранних северокавказских скифских памятников со временем изготовления найденных в них ближневосточных вещей [1, с. 67—68]. В сообщении предлагалось датировать наиболее ранние погребения скифской эпохи на Северном Кавказе не VII, а VI в. до н. э — временем после возвращения скифов из переднеазиатских походов. Эта точка зрения не получила поддержки со стороны специалистов [2, с. 293; 3, с. 225].

Цель предлагаемой статьи — вновь привлечь внимание исследователей к этому вопросу, хотя автор и отдает себе отчет в том, что большинство скифоведов отнюдь не склонны видеть здесь какую-либо проблему и не испытывают сомнений, датируя древнейшие скифские памятники VII в. до н. э. Но в Прикубанье, Среднем Предкавказье, на Дону, в Северном Причерноморье известно несколько погребальных комплексов, содержащих вещи, изготовленные на Ближнем Востоке в позднеассирийскую эпоху — до конца VII в. до н. э. Это Келермесские курганы, курганы у хут. Красное Знамя, курган у слободы Криворожье, Литой (Мельгуновский) курган, курган у с. Новозаведенное. Когда и при каких обстоятельствах могли попасть позднеассирийские вещи в раннескифские могилы?

Общепризнано, что переднеазиатские вещи в раннескифских памятниках являются частью военной добычи скифов во время их походов за Кавказ.

Синхронизация вещей ближневосточного производства и содержащих эти вещи раннескифских могил, а соответственно и датировка этих могил серединой — второй половиной VII в. до н. э. могут быть, в принципе, обоснованы данными о некой базе или организованном тыле скифов на Северном Кавказе, куда могли систематически и регулярно перевозиться их трофеи из Передней Азии. Эту гипотезу можно допустить как гипотезу о возможном существовании скифского царства-плацдарма на Северном Кавказе в эпоху переднеазиатских походов. Если бы она была доказана, то одновременно рассеялись бы последние со-

мнения археологов в правомочности прямолинейной синхронизации моментов изготовления вещи и ее попадания в закрытый комплекс.

Гипотеза северокавказского (или северопричерноморского) царства-плацдарма очень привлекательна. М. И. Артамонов, в творческом методе которого сочетались присущее историку глубинное понимание сложности исторических процессов и характерная для многих археологов упрощенность умозаключений по аналогии, колебался между признанием и отрицанием этой гипотезы [4, с. 52; 5, с. 50].

Авторы последующих публикаций в отличие от М. И. Артамонова не испытывали сомнений. В одних работах северокавказское скифское царство-плацдарм выступает в виде фигуры умолчания, в других рассуждения доводятся до логического конца [6, с. 24—26; 7, с. 94—100; 8, с. 6—9; 9, с. 48; 10, с. 12, 17, 32].

В подкрепление гипотезы о существовании северокавказского скифского царства-плацдарма некоторые исследователи ссылаются на Диодора Сицилийского. В. Ю. Мурзин, например, считает возможным «допустить, что в труде Диодора показаны не последовательные этапы проникновения скифов в Северное Причерноморье, а важная роль в их истории самого Северного Кавказа, который был в период переднеазиатских походов своеобразным плацдармом для продвижения скифских военных отрядов в страны Передней Азии» [6, с. 24—25]. Примечательно, что в последней статье В. Ю. Мурзина, в которой по-прежнему отстаивается гипотеза северокавказского царства-плацдарма, ссылок на Диодора уже нет. Вряд ли это случайно [8].

Обратимся к источнику—«Библиотеке» Диодора Сицилийского, составленной во второй половине I в. до н. э. Согласно ему, скифы «сначала занимали незначительную область, но впоследствии, понемногу усилившись благодаря своей храбрости и военным силам, завоевали обширную территорию и снискали своему племени большую силу и господство. Сначала они жили в очень незначительном количестве у реки Аракса и были презираемы за свое бесславие; но еще в древности под управлением одного воинственного и отличавшегося стратегическими способностями царя они приобрели себе страну в горах до Кавказа, а в низменностях прибрежья Океана и Меотийского озера и прочие области до реки Танаиса» [11]. Далее следует пересказ «скифского предания» о связи Зевса со змееногой девой, их сыне Скифе, его потомках Пале и Напе и разделении царства на народы: палов и напов. «Спустя несколько времени потомки этих царей, отличавшиеся мужеством и стратегическими талантами, подчинили себе обширную страну за рекой Танаисом до Фракии и, направив военные действия в другую сторону, распространили

свое владычество до египетской реки Нила. Поработив себе многие значительные племена, жившие между этими пределами, они распространили господство скифов с одной стороны до восточного океана, с другой — до Каспийского моря и Меотийского озера; ибо это племя широко разрослось и имело замечательных царей, по имени которых одни были названы саками, другие массагетами, некоторые аримаспами и подобно им многие другие. Этими царями были переселены и многие другие покоренные племена, а самых важных выселений было два: одно из Ассирии в землю между Пафлагонией и Понтом, другое из Мидии, основавшееся у реки Танаиса; эти переселенцы назывались савроматами. Эти последние много лет спустя, сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню» [11, II, 43] *.

Очевидно, что этот фрагмент из труда Диодора намного уступает скифскому рассказу Геродота. Практически вся история скифов (от их происхождения до савроматской экспансии) рассказана чрезвычайно сжато и довольно сумбурно. Если Геродот старается размежевать миф и историческую реальность, то Диодор сплавляет их воедино. Доверчивый пересказ легендарных сведений (из имеющих отношение к нашей теме можно указать хотя бы на превращение киммерийцев в кимвров [11, V, 32]) характерен для развлекательно-дидактического труда Диодора так же, как и его достаточно ясный лейтмотив — подвиги монархов, добывание ими «славы и господства» и создание обширнейших царств (см., например, [11, II, 2], в котором «царь Нин из Вавилонии» покоряет земли до Танаиса).

Ясно, что текст Диодора не может быть основанием гипотезы о скифском царстве-плацдарме на Северном Кавказе. Отметим, что возможны и другие, более логичные его интерпретации [12, с. 122, 123].

Рассмотрим теперь, может ли служить основанием «История» Геродота [13]. В I книге Геродот рассказывает о том, что при Киаксаре «в пределы его царства вторглись огромные полчища скифов во главе с царем Мадиесом, сыном Протофиея. Скифы вытеснили киммерийцев из Европы и преследовали их в Азии, а теперь вторглись в Мидийскую землю» [13, I, 103]. Затем Геродот конкретизировал эти данные, рассказывая о маршруте движения скифов («пошли верхним путем, гораздо более длинным, оставляя при этом Кавказские горы справа»), об их передвижениях в переднеазиатском регионе, о сроке их владычества

* Здесь и далее римские цифры в ссылках на древних авторов обозначают книгу, арабские — главу, через запятую — параграф.

в Азии (28 лет) и методах этого владычества («помимо того, что они собирали с каждого народа установленную дань, скифы еще разъезжали по стране и грабили, что попадалось») и, наконец, о «кровавом пире» Киаксара [13, I, 104—106].

Нет ни слова, подтверждающего тезис о северокавказском или северопричерноморском скифском царстве-плацдарме и регулярных связях переднеазиатских военных отрядов с этим плацдармом. Наоборот, из текста I книги выводятся два положения, противоречащие этому тезису. Во-первых, имеется косвенное свидетельство о трудности преодоления Кавказа скифской конницей, предводители которой вместо горных проходов Западного и Среднего Кавказа пошли путем «более длинным, оставляя при этом Кавказские горы справа». Во-вторых, общий смысл текста — постоянное пребывание, «владычество» скифов в Передней Азии, их постоянные передвижения в границах региона, в ходе которых они «привели все там в полное расстройство», «разъезжали по стране и грабили, что попадалось». Как писал М. И. Артамонов, «для установления такого рода господства «набега» явно недостаточно, а требуется подчинение страны с организацией какой-то формы управления ею завоевателями» [5, с. 31].

Если и есть возражения против этих предположений, то ясно, что I книга Геродота не содержит никаких данных о скифском царстве севернее Кавказа в VII — самом начале VI в. до н. э.

Наиболее пространный рассказ о скифах содержит IV книга «Истории». Имеющаяся здесь одна из скифских «генеалогических легенд» повторяет фрагмент в книге I [13, I, 103—105], кое в чем дополняя его. Так, здесь Геродот рассказывает о переходе скифов через Аракс, прибытии их в киммерийскую землю, гибели киммерийских царей. «После этого киммерийцы покинули свою землю, а пришедшие скифы завладели безлюдной страной» [13, IV, 11]. Казалось бы, эту фразу можно истолковать в пользу гипотезы о царстве-плацдарме скифов севернее Кавказа. Однако из буквального смысла фразы этот тезис не вытекает. После ухода киммерийцев скифы, провозгласив свою власть над «безлюдной страной» (или ощутив эту власть, оставив ее за собой), ушли в погоню за киммерийцами.

«Известно также, что скифы в погоне за киммерийцами сбились с пути и вторглись в Мидийскую землю. Ведь киммерийцы постоянно двигались вдоль побережья Понта, скифы же во время преследования держались слева от Кавказа, пока не вторглись в землю мидян» [13, IV, 12]. На первый взгляд кажется, что этот текст противоречит сформулированному выше пониманию фрагмента [13, I, 104], как свидетельства трудности перехода через Кавказ [13, IV, 12] — «сбились с пути». Но если иначе воспринимать эту фразу, то из нее вытекает довод, также

направленный против гипотезы «царства-плацдарма», а именно недостаточное знакомство скифов с географией Кавказа, коль скоро они «сбились с пути».

До сих пор шла речь лишь о косвенных свидетельствах «Истории» Геродота, которые, в принципе, можно толковать двояко. Однако имеются в сочинении места с вполне однозначным смыслом, и примечательно, что этот смысл прямо противоречит гипотезе «царства-плацдарма». Еще более примечательно, что археологи-скифоведы предпочитают игнорировать эти свидетельства.

Так, читаем: «...Скифы, преследуя по пятам киммерийцев, вторглись в Мидийскую землю и, покорив почти всю Переднюю Азию, **там поселились...»** (выделено мной. — *В. К.*) [13, VII, 20].

Особенно интересен для нас фрагмент, где Геродот пишет: «Ведь, как я уже сказал раньше, скифы 28 лет владычествовали в Верхней Азии. Следуя за киммерийцами, они проникли в Азию и сокрушили державу мидян (до прихода скифов Азией владели мидяне). Когда затем **после 28-летнего отсутствия спустя столько времени скифы возвратились в свою страну, их ждало бедствие** (выделено мной. — *В. К.*), не меньшее, чем война с мидянами: они встретили там сильное вражеское войско. Ведь жены скифов **вследствие долгого отсутствия мужей** (выделено мной. — *В. К.*) вступили в связь с рабами» [13, IV, 1—4]. Далее следует рассказ о слепых рабах, о сопротивлении «молодых рабов» и победе скифов над ними с помощью кнутов.

О чем еще может свидетельствовать этот фрагмент, кроме одного: скифы, находясь в Передней Азии, не контролировали положения на землях севернее Кавказа и скорее всего даже не имели сведений о происходящих там событиях. Рассказ Геродота прямо противоречит гипотезе северокавказского или северопричерноморского скифского царства-плацдарма. Его прямая интерпретация не допускает иного истолкования. Специальный историографический обзор показывает, что до последнего времени большинство серьезных исследователей понимали фрагмент Геродота из книги IV, 1—4 как отражение исторической реальности, реконструируемой, конечно, по-разному [14, с. 205]. Скифологам — сторонникам гипотезы северокавказского царства-плацдарма не остается ничего иного, как или игнорировать рассказ Геродота, или объявить его мифом, легендой, фольклорной вставкой, от которой нельзя требовать адекватного отражения исторической реальности.

Такая попытка была предпринята Л. А. Лелековым и Д. С. Раевским, которые постарались подвести под тезис о фольклорной природе текста Геродота фактическую базу. Собственно, эта база состоит из единственного факта. Авторы приводят цитату из летописи, по которой в 1371 г. перед столкновением московской

и рязанской ратей рязанцы призывали друг друга не пользоваться оружием, а просто связать москвичей: «Но токмо емлите с собою взени едины, и ремение, и ужища, ими же начнете вязати Москвичь, понеже суть слаби и страшливи и некрепки» [15, с. 71, 72]. Вероятно, было очень трудно найти факт, доказывающий прямо противоположное тому, к чему склонялись авторы статьи; но они с этой задачей справились. Ведь для того, чтобы использовать сообщение 1371 г. для доказательства сугубой «фольклорности» Геродота и неисторичности рассказа о конфликте скифов и сыновей рабов, нужно было бы «отменить» и борьбу Московского и Рязанского княжеств во второй половине XIV в. А между тем этнография степных народов дает множество примеров, когда вместо боевого оружия используются плетки, камчи, нагайки—это происходит не только на охоте, но и в столкновениях между людьми, если нужно не убивать и калечить, а сломить противника, выказав презрение к нему и собственную удаль [см. 14, с. 205].

Анализ письменных источников, следовательно, противоречит гипотезе о скифском царстве-плацдарме, существовавшем на Северном Кавказе в VII — самом начале VI в. до н. э. (по выражению М. И. Артамонова, до «астрономически точно установленной даты» возвращения скифов из Передней Азии). И это при том, что автор этих строк не идет в своих выводах так далеко, как отечественное источниковедение последних лет, в лице И. В. Куклиной отвергающее всякое присутствие скифов в Восточной Европе ранее VI в. до н. э. [12].

Обратимся теперь к археологическому аспекту проблемы. Опорными точками для хронологии скифской архаики долгое время были, в частности, Литой (Мельгуновский) и Келермесские курганы, датировавшиеся VI в. до н. э. Как показала А. П. Манцевич, эти памятники одновременны кургану слободы Криворожье на р. Калитве [16, с. 196—202].

В обширной работе, посвященной зеркалу из Келермесских курганов, М. И. Максимова обосновала его датировку первой четвертью VI в. до н. э. (580—570-е гг. до н. э.). А. А. Иессен, для хронологии которого келермесские комплексы были исходными, неизменно датировал их в основном второй четвертью VI в. до н. э., хотя отдельные вещи, отмечал он, могут датироваться двумя десятилетиями ранее и относиться к началу или к первой четверти VI в. до н. э. [17, с. 113]. Сначала Б. Б. Пиотровский [18, с. 248, 249], а затем М. И. Артамонов [4, с. 43] обратили внимание на то, что закавказско-переднеазиатские аналогии келермесским вещам относятся не только к началу VI в., но и к VII в. до н. э. Однако в посмертно изданной книге М. И. Артамонов не акцентирует на этом внимание и более последователь-

но проводит ту точку зрения, согласно которой «...памятники скифской культуры в Северном Причерноморье не могут быть древнее конца первой четверти VI в., а часть вещей предскифских типов, наоборот, может не только доживать до возвращения скифов, но и некоторое время сосуществовать с принесенной ими культурой» [5, с. 52].

В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин неоднократно излагали свою точку зрения, сводившуюся к тому, что Келермесские курганы относятся то ли к концу VII, то ли к рубежу VII—VI вв. до н. э. Наиболее полно взгляды В. А. Ильинской и А. И. Тереножкина выражены в посмертно изданной книге [19, с. 66, 67, 357]. Остановимся на этих взглядах подробнее, поскольку они хорошо отражают методический уровень, до некоторой степени типичный для нашей скифологии. «Внимательное прочтение работы М. И. Максимовой позволяет установить, что во всех приведенных аналогиях она ориентируется на возможно более поздние хронологические определения. Поэтому данная ею датировка определяет время не позднее первой четверти VI в., оставляя возможность для более ранней датировки» [19, с. 66]. Далее идет ссылка на работу М. И. Артамонова 1968 г., а не 1974 г. Если же говорить о работе М. И. Максимовой, то при действительно «внимательном прочтении» становится ясным, что, во-первых, М. И. Максимова ограничивала датировку келермесского зеркала сверху 570 г. до н. э., во-вторых, часть приведенных ею существенных аналогий датируется временем не раньше первой четверти VI в. до н. э. Выведенная дата — первая четверть VI в. до н. э. ограничивалась М. И. Максимовой и сверху, и снизу [20].

Для подхода В. А. Ильинской и А. И. Тереножкина к источникам и взглядам предшественников характерен также следующий взгляд: «Это не противоречит высказанным в последнее время мнениям о некотором удревнении даты Келермесских курганов. Так, А. А. Иессен считает, что они не могут быть оторваны далеко от времени скифских предметов из Кармир-Блура (здесь следует ссылка на статью А. А. Иессена. — *В. К.*), многие из которых датируются временем, предшествующим разрушению крепости, т. е. концом VII в. до н. э.» [19]. На самом деле А. А. Иессен писал прямо противоположное тому, что приписывают ему В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин: «Во время раскопок урартского города Тейшебаини около Еревана (Кармир-Блур) найдены предметы конского убора, которые теснейшим образом или полностью совпадают с соответствующими образцами из Келермесских курганов и датируются временем разрушения Кармир-Блура — первой четвертью VI в. до н. э.» [17, с. 113].

Подобное историографическое препарирование проводится с комплексами Литого и Криворожского курганов. Криворожский

комплекс был датирован VI в. до н. э. еще Т. Н. Книпович [21]. Позже А. П. Манцевич определила серебряную головку быка как деталь дворцового табурета, изготовленного в Передней Азии в доахеменидскую эпоху, вероятно, в VII в. до н. э. Однако само погребение датировалось ею началом VI в. до н. э. А. П. Манцевич подчеркивала, что «это не противоречит отнесению табуретов к VII в. до н. э., так как в богатых курганных погребениях разница во времени между самыми ранними и самыми поздними предметами может достигать 50—100 лет» [16, с. 201]. Вслед за этой публикацией Н. А. Сидорова вновь обратилась к найденной в криворожском погребении керамической голове барана и определила ее как фрагмент вазы раннего стиля Фикеллура, датируемого второй — третьей четвертью VI в. до н. э. [22, с. 104].

Казалось бы, после статей А. П. Манцевич и Н. А. Сидоровой криворожский комплекс можно было считать безукоризненно датированным. Но, не обращая внимания на заключение Н. А. Сидоровой и на само название статьи А. П. Манцевич, В. А. Ильинская, А. И. Тереножкин и В. Ю. Мурзин упорно датировали криворожское погребение то рубежом VII—VI вв., то концом VII в. до н. э. [7, с. 12; 19, с. 67, 90]. Отметим, что В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин справедливо считают, что время сооружения Келермесских и Мельгуновского курганов определяется временем Криворожского комплекса [19, с. 67].

Еще один важный опорный пункт для хронологии раннескифских памятников — находки в Тейшебаини (Кармир-Блур). Дата гибели Тейшебаини установлена достаточно точно — начало VI в. до н. э., около 590—585 гг. до н. э. [18, с. 42, 115, 116; 23]. Большинство наконечников стрел скифских типов было обнаружено не в кладовых крепости, а в слое, образованном руинами стен, т. е. это наконечники стрел, выпущенных участниками штурма. Кстати, более половины наконечников—трехлопастные (Б. Б. Пиотровский отмечал, что кармирблурские наконечники стрел совпадают «с типом скифских стрел начала VI в. до н. э.») [18, с. 240, 241; 23]. Детали конской узды, имеющие аналогии в раннескифских комплексах были найдены в Кармир-Блуре в ситуациях, которые вполне определенно исключают их наличие в городе до штурма. Один уздечный набор был на костяке лошади, погибшей при штурме; костяные псалии обгорели во время пожара; роговые заготовки и изделия лежали в «комнате привратника», работа которого была прервана нападением врагов, и т. д. [10, с. 29, 94—112; 18, с. 196, 241, 242; 23].

Именно поэтому А. А. Иессен писал, что аналогичные келермесским предметы конского убора из Кармир-Блура датируются временем разрушения Тейшебаини [17, с. 113]. В отличие от него В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин рассмотрели кармирблур-

ские находки более подробно, но явно тенденциозно. Так, они подчеркивали, что наконечники стрел скифских типов были найдены частью в кладовых (что, вроде бы, говорит об их использовании наряду с урартскими), но «забывали», что подавляющее большинство наконечников относится ко времени штурма. Соглашаясь с датировкой гибели Тейшебаини 590—585 гг. до н. э., авторы одновременно писали, что «связи жителей Тейшебаини со скифами относятся к предшествующему периоду», что «исследователи не делали попытки расчленить находки на какие-нибудь хронологические группы» и что «в совокупности с позднеурартийскими предметами они датируют скифские вещи из Кармир-Блура второй половиной VII — началом VI в. до н. э.» [19, с. 34—36]. Тем самым под расплывчатое понятие «предшествующего периода» подгонялись археологические факты, практически одновременные верхней дате Кармир-Блура. К сожалению, эта интерпретация воспринята многими археологами, в том числе кавказоведами, которые утверждают, будто «большинство скифских вещей появилось в Тейшебаини еще в период активного функционирования города, скорее всего в VII в. до н. э.» [10, с. 29, 30].

В конце 1970 — начале 1980-х гг. скифологи предприняли новые попытки для доказательства датировки древнейших скифских памятников VII в. до н. э.

Курганы у хут. Красное Знамя исследователь В. Г. Петренко вначале датировала VI в. до н. э. В 1980 г. появилась ее заметка, в которой изображение на бронзовой обойме дышла колесницы определялось как изображение Иштар и сопоставлялось с рельефом во дворце Ашшурбанипала [24]. В. Г. Петренко считает, что мастером, изготовившим изображение Иштар, мог быть приведенный в плен ассириец или вавилонянин. Она отказывается считать обойму или колесницу военным трофеем, ссылаясь на то, что «узда, найденная вместе с обоймами от дышла, находит ближайшие аналогии в ряде памятников Ставрополья и Прикубанья», а «спектральный анализ предметов упряжи из кургана показал единый состав металла всех ее бронзовых деталей» [24, с. 15—19]. В. Г. Петренко относит бронзовую обойму с изображением Иштар к середине — третьей четверти VII в. до н. э., не датируя, впрочем, пока этим временем само погребение [24, с. 15—19]. У специалистов могли бы возникнуть недоуменные вопросы, если бы не мешала господствующая установка на углубление датировок раннескифских курганов. Если изображение Иштар на колеснице имеет аналогию в рельефах дворца Ашшурбанипала, то почему такие же изображения не могли выполняться при преемниках Ашшурбанипала? Если Иштар — ассиро-вавилонская богиня и канон ее устойчив, то почему ее изображение можно датировать только ассирийским временем и нельзя

отнести ко времени Ново-Вавилонского царства, просуществовавшего до 538 г. до н. э.? Если подавляющее большинство бронзовых изделий из краснознаменских курганов (в том числе обойма) относится по данным спектрального анализа к оловянистым бронзам, то почему набор бронзовых деталей узды и колесницы должен был делать «пленный ассириец или вавилонянин» [ср. 19, с. 86], тем более что оловянистые бронзы господствуют в это время и никто пока не сравнил металл обоймы с металлом переднеазиатским? Кстати, бесспорно ассирийская чаша из кургана у с. Новозаведенного изготовлена именно из оловянистой бронзы (анализ № 20354 лаборатории естественнонаучных методов ИА АН СССР).

В последующих публикациях курганы у хут. Красное Знамя уже уверенно датируются В. Г. Петренко серединой — третьей четвертью VII в. до н. э. Кроме находки бронзовой обоймы с изображением Иштар, В. Г. Петренко ссылается на наличие литой шашечной нарезки на удилах (признак явно несущественный), на находки удлиненно-ромбических наконечников стрел, которые якобы датируются исключительно VII в. до н. э. Делая упор на вещи с возможной датировкой VII в. до н. э., автор раскопок до сих пор не представила полный анализ инвентаря краснознаменских курганов (прежде всего наконечников стрел, среди которых не только двухлопастные ромбические, [9, рис. 52, 54, 56—58, 60]) и никак не оговорила наличие таких предметов, как железные трехпетельчатые псалии, каменное овальное блюдо с бортиком, и других, датировка которых временем не ранее VI в. до н. э. пока никем не опровергнута.

В настоящее время курганы у хут. Красное Знамя оцениваются как памятник, надежно датируемый VII в. до н. э. Н. Л. Членова в последней книге не менее 5 раз настойчиво приводит эту датировку [25]. К аргументации В. Г. Петренко она добавляет ссылку на найденные в кургане № 9 двукольчатые бронзовые удила, хотя мимоходом отмечает их бытование и в VI в. до н. э., указывает на наличие наконечников стрел VI в. до н. э., на что обращал внимание еще М. И. Артамонов, писавший о сомнительности отнесения к VII в. до н. э. кургана № 2 у с. Жаботин [5].

После открытия краснознаменских комплексов оживился интерес и к Келермесу. Л. К. Галанина проанализировала предметы конской узды из Келермесских курганов. К сожалению, на ее хронологические выводы также повлияла установка на датирование комплекса по древнейшим вещам (например, I группе изделий, входивших в уздечные наборы) [26]. Л. К. Галанина считает, что нижний рубеж хронологического диапазона Келермесских курганов «уходит в VII в. до н. э., в то время как верх-

ний ограничивается, по-видимому, самым началом VI в. до н. э.» [26, с. 53]. Аргументация в основном базируется все же на проанализированных выше предвзятых высказываниях В. А. Ильинской и других авторов, приобретших в литературе последних лет видимость безукоризненных выводов. Одним из основных аргументов Л. К. Галаниной служит предложенная В. Г. Петренко датировка краснознаменских погребений, так же как в равной степени В. Г. Петренко опирается на выводы Л. К. Галаниной. Взаимные ссылки смыкаются и образуют круг.

К сожалению, отсутствие полной публикации материалов о Келермесских курганах, сочетающееся с желанием непременно доказать их датировку VII в. до н. э., приводит и к фактическим ошибкам. Н. Л. Членова в частности, указывает на находку в одном из Келермесских курганов «железных двукольчатых удил» [25, с. 33], хотя Л. К. Галанина пишет всего лишь о депаспортизованном обломке, принадлежность которого к Келермесу «не бесспорна» и который она определяет как «редкий пример имитации в железе бронзовых двукольчатых удил новочеркасского типа» [26, с. 35, 36].

Завершая обзор хронологических разработок различных исследователей, остановлюсь на некоторых общих чертах их методики. Безусловно, нередко встречающиеся в публикациях неточности и прямые искажения фактов не имеют отношения к методике археологической науки. Единственное, что они доказывают, так это предвзятость авторов публикаций и непреодолимое их желание во что бы то ни стало углубить датировку памятников. К собственно методической стороне дела относится датирование вещевого комплекса по наиболее ранним вещам или в лучшем случае оперирование некой «средней датой» между наиболее древними и наиболее поздними вещами. Там, где исследователь имеет дело с бесспорно датируемыми вещами, этот прием сразу же обнаруживает свою абсурдность. В нумизматике, например, датирование монетных комплексов по «младшей» монете аксиоматично. Споры здесь ведутся лишь о том, необходимо ли к дате наиболее поздней монеты прибавлять поправку на время ее обращения, и о конкретной величине этой поправки.

Данные нумизматики и связанные с ними датировки античной керамики были важнейшей основой работ археологов — создателей фундаментальных хронологических систем для скифо-сарматских древностей VI и последующих веков до н. э. (труды М. И. Ростовцева, П. Д. Рау, Б. Н. Гракова и других, завершившиеся исследованиями А. И. Мелюковой и К. Ф. Смирнова по вооружению скифов и савроматов). С выходом на памятники предшествующей эпохи (а отчасти и раннего VI в. до н. э.) археологи лишились бесспорных хронологических реперов, хотя сохра-

нилась эйфория былых успехов и видимость аргументированного построения хронологии для раннего железного века в целом (независимо от конкретного времени или территории). В таких условиях место надежных хронологических опор заняли интуитивные предположения и приблизительный, неполный типологический анализ комплексов, что в конце концов вылилось в «игру» с датами, довольно быстро ставшую тенденциозной и сведшейся к «игре на понижение» датировок.

Этому способствовала неразработанность в археологии некоторых важных методических вопросов. Так, многими специалистами не учитываются возможность существования нескольких морфологических разновидностей в течение одного периода, а также длительного бытования вещи и значительного временного промежутка между ее изготовлением и попаданием в закрытый комплекс. Не приводя здесь подробной аргументации, сошлюсь на важные для скифоведения работы А. Ю. Алексеева, выяснившего на примере скифских памятников IV в. до н. э. конкретные различия между «временем изготовления отдельной вещи», «временем накопления инвентаря», «временем сбора инвентаря» и «временем совершения захоронения» [27, с. 83; 28, с. 6—9]. Существенным оказался разрыв между найденными в одном кургане лаковой и тарной (амфорами) керамиками. Эти наблюдения над памятниками той эпохи, когда торговля между греками и скифами была оживленной и регулярной, еще более действительны для VII—VI вв. до н. э.

В этой связи сразу же вспоминается погребение в кургане Темир-Горы, долгое время считавшееся «древнейшим из хорошо датированных скифских памятников» [19, с. 357]. Сомнения М. И. Артамонова в ранней датировке погребения со ссылкой на «неустановленность точной хронологии родосско-ионийской керамики» [5, с. 50], казалось, разрешила Л. В. Копейкина, безукоризненно датировавшая темиргоринскую ойнохою 40-ми гг. VII в. до н. э. [29, с. 147—159]. Но продолжало вызывать удивление то, что Темир-Гора — единственный в Северном Причерноморье скифский памятник с вещью, бесспорно относящейся к VII в. до н. э. [7, с. 98, 99]. Суть вопроса заключается в другом — в разрыве между временем изготовления роскошной ойнохои и временем совершения темиргоринского погребения. Видимо, это уже понял В. Ю. Мурзин [8]. Он не случайно ссылается на погребение 8 кургана № 7 у с. Ново-Александровки [30, с. 153—164]. Новоалександровское погребение абсолютно безукоризненно датируется именно по амфоре. Датировка амфоры совпадает со «временем встречи» всех 9-ти разновидностей наконечников стрел, найденных в погребении. При этом итоговая датировка наконечников стрел выведена не по общему впечатлению от на-

бора и не с помощью «средней даты», а путем взаимоналожения принятых А. И. Мелюковой и К. Ф. Смирновым датировок. В результате такого непредвзятого анализа практически совпали датировка амфоры, «время встречи» всех разновидностей наконечников стрел и датировка наиболее поздней из этих разновидностей. Методические выводы здесь ясны — о них достаточно сказано выше.

С сожалением приходится признать, что ясность подобных методических посылок пока вряд ли имеет шансы преодолеть господствующую установку на занижение датировок и их обоснование датами наиболее ранних вещей в комплексах. То, что авторы публикаций иногда предпочитают балансировать на краю научной объективности и этики указывает скорее на эмоциональные, чем на рациональные истоки и имеет, по-видимому, определенное психологическое объяснение. Нередко проявляющийся в археологии «антикварный подход» связан с незримым господством той установки, которую М. Блок называл «эмбриогеническим наваждением» или «идолом истоков» [31, с. 20—23]. Согласно этой установке, глубокое исследование фактов подменяется их возможно более древней датировкой или этимологическими упражнениями. С другой стороны, эта установка привлекательна для того ныне распространенного типа специалистов, которых академик В. М. Алексеев иронически назвал «обожателями предмета своей специальности» [32, с. 7, 8].

Литература

1. Кореняко В. А. Раннескифский курган у села Новозаведенного на Ставрополье // Материалы конф. «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье». М., 1981.

2. Днепровский К. А. Всесоюзная научная конференция «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье» // СА. 1983. № 2.

3. Ксенофонтова И. В. Всесоюзная научная конференция «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье» // ВДИ. 1983. № 1.

4. Артамонов М. И. Происхождение скифского искусства // СА. 1968. № 4.

5. Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы. Л., 1974.

6. Мурзін В. Ю. Скіфи на Північному Кавказі (VII—V ст. до н. е.) // Археологія. 1978. Вып. 27.

7. Мурзин В. Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984.

8. Мурзін В. Ю. Про утворення Північнопричорноморської Скіфії // Археологія. 1986. Вып. 55.

9. Петренко В. Г. Скифская культура на Северном Кавказе // АСГЭ. Вып. 23. Л., 1983.

10. Есаян С. А., Погребова М. Н. Скифские памятники Закавказья. М., 1985.

11. Диодор Сицилийский*. Библиотека. Цит. по: Латышев В. В.

Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 4.
12. Куклина И. В. Этнография Скифии по античным источникам. Л., 1985.
13. Геродот. История в девяти книгах / Пер. Г. А. Стратановского. Л., 1972.
14. Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.
15. Лелеков Л. А., Раевский Д. С. Скифский рассказ Геродота: фольклорные элементы и историческая информативность // Народы Азии и Африки. 1979. № 6.
16. Манцевич А. П. Головка быка из кургана VI в. до н. э. на р. Калитве // СА. 1958. № 2.
17. Иессен А. А. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.
18. Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959.
19. Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев, 1983.
20. Максимова М. И. Серебряное зеркало из Келермеса // СА. Т. XXI. М., 1954.
21. Книпович Т. Н. К вопросу о торговых сношениях греков с областью р. Танаис в VII—V вв. до н. э. // ИГАИМК. 1934. Вып. 104.
22. Сидорова Н. А. Архаическая керамика из Пантикапея//МИА СССР. № 103. М., 1962.
23. Пиотровский Б. Б. Кармир-Блур. Л., 1970.
24. Петренко В. Г. Изображение богини Иштар из кургана в Ставрополье // КСИА. 1980. Вып. 162.
25. Членова Н. Л. Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). Новосибирск, 1984.
26. Галанина Л. К. Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов) // АСГЭ. Вып. 24. Л., 1983.
27. Алексеев А. Ю. К вопросу о дате сооружения Чертомлыкского кургана (по керамическим материалам) // АСГЭ. Вып. 22. Л., 1981.
28. Алексеев А. Ю. Чертомлыкский курган в хронологической системе погребений скифской знати IV—III вв. до н. э.//Краткие тез. докл. науч. конф. отдела истории первобытной культуры «Контакты и взаимодействие древних культур» (к 50-летию отдела) 27—30 октября 1981. Л., 1981.
29. Копейкина Л. В. Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир-Гора // ВДИ. 1972. № 1.
30. Кореняко В. А., Лукьяшко С. И. Новые материалы раннескифского времени на Левобережье Нижнего Дона // СА. 1982. № 3.
31. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973.
32. Эйдлин Л. З. Чему учиться у Алексеева // Традиционная культура Китая. М., 1983.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА НИЖНЕМ ДОНУ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ ПРИАЗОВЬЕ В VI—V ВВ. ДО Н. Э.

С. И. ЛУКЬЯШКО, В. Е. МАКСИМЕНКО

В результате масштабных исследований, проводившихся на Дону особенно интенсивно в 60—80-е гг., обозначились различия в некоторых группах памятников конца VII—V вв. до н. э. Особо

выделяется немногочисленная правобережная группа погребений, относящихся к началу VI в. до н. э. (Криворожский, Константиновский и другие комплексы) [1]. Все они являются основными в курганах. Для сооружения насыпи использован камень, ямы большие подквадратной формы, прослеживаются следы огненного ритуала. По характеру погребального обряда и инвентарю они схожи с некоторыми раннескифскими памятниками Украины. Появление этой группы памятников обычно связывают с возвратившейся из переднеазиатских походов группой номадов [2—5]. Это предположение не вызывает возражений у исследователей.

Для памятников VI в. до н. э. на территории, прилегающей непосредственно к дельте Дона, выявляется несколько отличная группа погребений (Высочино, Ново-Александровка, Хапры, Ростов н/Д, Койсуг, Азов и др.) [1, 6, 7] со следующими общими чертами погребального обряда: все погребения впускные в насыпи курганов эпохи бронзы; там, где удается проследить, могильные ямы узкие, подпрямоугольной формы, ориентированы по линии запад—восток; преобладает вытянутое положение погребенного на спине (реже — на боку) преимущественно с западной ориентировкой, отмечается положение рук на тазовые кости; в расположении инвентаря закономерности не прослеживаются. Важно подчеркнуть, что именно в этих группах погребений впервые встречаются, бесспорно, импортные греческие предметы. Кроме того, эти погребения территориально занимают определенный географический регион — степные районы, тяготеющие к дельте Дона и Северо-Восточному Приазовью. Внезапное появление в VI в. до н. э. и быстрое исчезновение из донской степи памятников этого круга ставит ряд вопросов, ответы на которые не могут быть однозначными. Поэтому предлагаемая нами схема жизни донских номадов будет носить предварительный характер и, вероятно, потребует в дальнейшем уточнений и изменений.

Остановимся на предыстории рассматриваемой группы (общины) кочевников. Мы можем фиксировать ее тесную связь с возвратившимися из Передней Азии кочевниками. Об этом свидетельствует обилие предметов из резной кости, выполненных в скифском стиле, вооружение, представленное исключительно луками и стрелами — основным оружием скифов, вторгшихся в Переднюю Азию, и предметы конской упряжи.

Отсутствие единой планировки, видимой взаимосвязи погребений в могильниках и курганных массивах, впускной характер погребений и в то же время, отсутствие погребений на сопредельных степных территориях позволяет предположить 1-й тип кочевания у этой группы. В кочевках, по-видимому, участвовала вся

община. Впрочем, уже наметились места постоянных зимовок — междуречье Дона и Кагальника, но постоянно освоенного зимника еще не было.

Сравнительная характеристика погребального обряда и инвентаря этой группы кочевников с соседними позволяет говорить о сходстве духовной и материальной культуры, что в целом характерно и для кочевников VI в. до н. э. Восточной Европы. Эта же общность хозяйственно-культурного типа, близость материальной культуры племен Причерноморской степи этого времени, незавершенность этнических процессов и их неустойчивость, характерная в целом для всего кочевого мира, неустойчивость погребальной обрядности, нашедшая выражение в многообразии форм и во множественности сочетания деталей, не позволяют однозначно определить конкретную этническую принадлежность многих синхронных памятников. Очевидно, формы и характер кочевого хозяйства в совокупности с этническими и политическими процессами в степи в VI в. до н. э. еще не способствовали быстрому накоплению специфичных этнических черт. Погребальный обряд и инвентарь не дают пока возможности судить об археологическом выражении этнического самосознания. Вероятно, оно, если и появилось, то не получило четкого идеалогического и материального выражения, поэтому правильно будет, на наш взгляд, определять этнос по тенденциям развития, и позднейшим этапам истории таких локальных групп, как рассматриваемая.

Следует отметить, что наряду с выделяемой группой погребений этого времени на Нижнем Дону встречаются и безынвентарные погребения со скорченным положением костяка, сосуществующие на одной и той же территории. Место и значение их в серии погребений VI—V вв. до н. э. пока не ясно, хотя и имеются довольно обоснованные предположения [1].

Памятники выделенной группы исчезают на рубеже VI—V вв. до н. э. Более того, несмотря на значительные исследования последних лет, погребений первой половины середины V в. до н. э. в степной зоне не выявлено. То есть, исчезновение из степи памятников исследуемой группы свидетельствует о том, что степь пустеет, в то же время в дельте Дона на самом большом из островов с начала V в. до н. э. появляется зимник, из которого позднее вырастает поселение и городище (Елизаветовское). Новейшие данные позволяют относить начало функционирования зимника к рубежу VI—V вв. до н. э. [8]. Община, существовавшая на месте зимника и городища, оставила и могильник, для погребального обряда которого характерны следующие черты:

1. Все погребения располагаются под индивидуальными кур-

ганными насыпями различной величины, изредка встречаются впускные в насыпи курганов эпохи бронзы.

2. Могильные ямы узкие длинные подпрямоугольные.

3. Ориентировка погребенных преимущественно западная с сезонными отклонениями, положение погребенного вытянутое, на спине.

4. Инвентарь четко расположен в могильной яме относительно погребенного.

Стабильная западная ориентировка погребенных, более длинная могильная яма связаны с обычаем устанавливать в ногах амфору и другие сосуды, четкое расположение инвентаря, по нашему мнению, есть продолжение традиций погребальной обрядности населения степного края в VI в. до н. э. в новых условиях. Новые условия — это дальнейшее углубление седентаризации, появление постоянного зимника, а вместе с ним и формирование постоянного могильника с индивидуальными курганными насыпями, а также более тесное единение общины и завершение этнического процесса. Преемственность между группами прослеживается и в дальнейшем развитии контактов с Грецией. Кроме того, степные погребения у хут. Хапры и у с. Ново-Александровка (VI в. до н. э.) сходны с погребениями V в. до н. э. из Елизаветовского могильника [1, 7]. Их объединяет генетическая близость, хронологическая последовательность, единство территории и преемственность форм хозяйственной организации, что позволяет предполагать постепенное оседание в дельте Дона кочевого населения степи. Именно таким виделся М. И. Артамонову процесс образования Елизаветовского городища [9, 10].

Итак, можно представить, что появившаяся в VI в. до н. э. кочевая община, связанная не ясными пока для нас узами с возвратившимися из Передней Азии скифами, осваивает степи Дона и Северо-Восточного Приазовья.

В сравнительно короткие сроки эта община обживает дельту, появляется место постоянных зимовок, именно здесь возникает крупное поселение с широким спектром хозяйственной специализации от скотоводства и рыболовства до ремесленного производства и торговли.

Происходит превращение зимника в город. Являлся ли этот процесс спонтанным или же он ускорен экономическими, политическими, природно-географическими или иными факторами?

Обратимся к оценке этнической ситуации в низовьях Дона в V в. до н. э. В литературе она представляется сложным клубком разнообразных версий, возникавших в разное время и часто основанных на одной и той же сумме исторических фактов. Осно-

вой оценочных суждений являются находки из Елизаветовского городища и могильника, данные античной традиции и ретроспективная оценка с позиций этнополитической ситуации III—II вв. до н. э. на Дону и в Приазовье. Подробный историографический обзор этой темы проведен в монографиях В. Е. Максименко и Д. Б. Шелова, что избавляет нас от необходимости детального анализа [1, 11]. По сути, толкование этнической ситуации сводится к пяти противоположным мнениям. М. И. Артамонов, А. А. Миллер, Т. Н. Книпович, В. П. Шилов [10, 12—14] отдают предпочтение скифскому населению, В. Ф. Гайдукевич [15] — сарматскому, Б. Н. Граков и И. С. Каменецкий [2, 16] — меотскому, Д. Б. Шелов и К. Ф. Смирнов [11, 17] — смешанному, В. Е. Максименко [1] — савроматскому.

В. П. Копылов и К. К. Марченко на основе анализа археологического материала пришли к выводу о принадлежности населения Елизаветовского городища к скифскому (в широком смысле), с одной стороны, и к выводу о гомогенности общины — с другой [18]. Тем самым они подвергли сомнению предположение Д. Б. Шелова о соответствии Елизаветовского городища Алопекии Страбона [11]. Вывод о гомогенности Елизаветовской общины убедителен и нет основания в нем сомневаться. Так же несомненно и то, что торговая деятельность городища привлекала на торжище этнически различное население степи, что и могло найти отражение в известии о смешанном населении Алопекии. Доказательство гомогенности не может отрицать предположение Д. Б. Шелова, но оно в корне отрицает смешанный характер Елизаветовской общины.

Для решения вопросов этнополитического характера обратимся еще раз к анализу письменных источников, в той или иной мере отразивших ситуацию на Нижнем Дону в рассматриваемый период. Проанализируем лишь те источники, которые были написаны до активизации сарматских племен, чьи миграционные передвижения и растущее политическое значение могли в более позднее время повлиять на объективное отражение этнической и политической ситуации на Дону. Наиболее важными в этом плане являются данные Геродота, псевдо-Гиппократа и псевдо-Скилака.

Геродот в четвертой книге своего сочинения пять раз говорит о населении степи у реки Танаис [19, IV, 20, 21, 57, 100, 116]. В серии сообщений Геродота самым ранним следует признать фрагмент из этногенетической легенды о савроматах. Он называет местность, куда переселились амазонки и скифские юноши, т. е. исконно савроматскую территорию. «...Они переправились через Танаис и затем три дня шли на восток от Танаиса и три дня на север от озера Меотида. Прибыв в местность, где обитают и

поныне, они поселились там» [19]. Указание места обитания савроматов — их исконной территории, вызывает множество споров, но нам кажется важным отметить, что изначально савроматы достаточно далеко отошли от устьев Танаиса. На этих землях они обитали и в середине V в. до н. э.

В серии других этногеографических данных, относящихся уже ко времени посещения Геродотом Северного Причерноморья, настойчиво повторяется одна и та же мысль о том, что левый берег Дона уже не скифский. Отмечая владения царских скифов, Геродот пишет: «Другие же части их владений граничат даже с Танаисом» [19, IV, 20], и далее: «За рекой Танаисом уже не скифские края, но первые владения там принадлежат савроматам. Савроматы занимают полосу земли к северу на пятнадцать дней пути, где нет не диких не саженых деревьев» [19, IV, 21]. Геродот называет типичный степной ландшафт левобережья Дона. Несколько позже, описывая реки Скифии и в частности Танаис, впадающий в Меотиду, он отметит: «...оно (т. е. Азовское море) отделяет царских скифов от савроматов» [19, IV, 57]. Из контекста ясно, что Азовское море и Танаис разделяют земли скифов и савроматов. А далее в общем очерке о Скифии Геродот прямо отмечает: «...за таврами опять живут скифы, частично дальше на восток, а частично на западе киммерийского Боспора и озера Меотиды до реки Танаис, которая впадает в озеро в самом дальнем его углу» [19, IV, 100]. Таким образом, данные текстологического анализа позволяют считать, что савроматы изначально жили на каком-то удалении от реки Танаис, а в середине V в. до н. э. им уже принадлежала земля по левобережью Дона от угла Меотиды.

Если сведения Геродота в данном вопросе конкретны и обстоятельны, то сообщение псевдо-Гиппократа (автора страдающего обобщенностью, а подчас даже идеализацией описываемых фактов) не конкретно и на его данных сложно основывать выводы [20, 24—25]. География савроматских земель «вокруг озера Меотиды» — допустимо широкая. Вместе с тем она любопытна с точки зрения появления савроматов в Приазовье. В противовес мнению Геродота, подтверждается версия о постепенном усилении савроматского влияния в Приазовье.

По сообщению псевдо-Скилака (IV в. до н. э.), «от реки Танаиса начинается Азия и первый народ ее на Понте — савроматы» [21, фр. 70]. Вновь опора на Танаис и Приазовье и вновь савроматы в Приазовье.

Итак, письменные источники позволяют говорить о постепенном усилении савроматского присутствия на левобережье Дона и в Северо-Восточном Приазовье в VI—V вв. до н. э. Мирно или

не мирно протекал этот процесс? Прямых свидетельств характера савромато-скифских отношений этого периода нет. Есть лишь косвенные свидетельства, позволяющие говорить скорее о сложности межэтнических контактов рассматриваемого периода. Не мирный характер отношений подтверждается двумя захоронениями VI в. до н. э. (гр. Высочино III, раскопки 1978 г.), в которых среди костей скелета найдены наконечники стрел — вероятная причина смерти погребенных. Косвенным подтверждением осложнений политической обстановки в Приазовье является вывод исследователей Елизаветовского комплекса [18] о гомогенности населения. Несмотря на активные торговые связи, население Елизаветовского городища оставалось этнически чистым.

Представляется возможным уточнить и время активизации степняков в Приазовье. По Геродоту, отношения между скифами и савроматами во время похода Дария I в 512 г. до н. э. были мирными и даже более того союзными, а уже в середине V в. до н. э. ко времени, когда Геродот получал информацию о Скифии, савроматы владели землями за Танаисом. То есть наращивание давления савроматов в степи произошло между 512 г. до н. э. и серединой V в. до н. э. Во времена Геродота Танаис как граница между скифами и савроматами был давно ставшей реальностью, не имевшей никаких негативных последствий ни в реальной жизни, ни в легендах и сказаниях, на которые так падок был «отец истории». Соотнесение выводов с археологическими данными — временем возникновения зимника и поселения в дельте Дона—предполагает вероятность наращивания савроматского давления уже в конце VI — начале V в. до н. э.

Не исключено, что именно события этих лет отразились в сюжете Лукиана Самосатского: «Вдруг напали на нашу землю савроматы...», а скифы стояли «...на обоих берегах Танаиса» [22, 39]. В рассказе речь идет о том периоде, когда земли за Танаисом были еще скифскими, но против них начали действовать савроматы.

Итак, реконструируемая нами схема этнополитических процессов приобретает следующий вид. В середине или второй половине VI в. до н. э. на Нижнем Дону и в Северо-Восточном Приазовье появляется группа номадов, имеющая отношение к переднеазиатским походам. Уже к началу V в. до н. э. эта группа основывает в дельте Дона постоянный зимник, а позже — городище. Оседание этой группы в дельте Дона, ее обособление, экономическая и политическая стабильность во многом зависели от общей политической ситуации. На стыке двух этнических массивов — скифского и савроматского, население дельты, сохраняя свою гомогенность в политическом отношении, видимо, было вы-

нуждено ориентироваться на более сильных соседей, и временами принимать сторону либо скифского, либо савроматского союзов. Замкнутость общины естественно усиливала этническое самосознание ее членов и, несомненно, эта группа населения имела свой этноним.

Литература

1. Максименко В. Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов н/Д, 1983.
2. Граков Б. Н. Скифы. М., 1971.
3. Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы. Л., 1974.
4. Кияшко В. Я., Кореняко В. А. Погребения раннего железного века у г. Константиновска-на-Дону // СА. 1976. № 1.
5. Лукьяшко С. И., Максименко В. Е. Экономические связи кочевников Нижнего Дона в VIII—III вв. до н. э. // Очерки древней этнической и экономической истории Нижнего Дона. Ростов н/Д, 1980.
6. Кореняко В. А., Максименко В. Е. Погребения раннего железного века в бассейне Нижнего Дона // СА. 1978. № 3.
7. Кореняко В. А., Лукьяшко С. И. Новые материалы раннескифского времени на левобережье Нижнего Дона // СА. 1982. № 3.
8. Соломаха И. В., Ларенок П. А. Амфоры из могильника Дугино X (по материалам раскопок 1984—1986 гг.) // Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1986 г.: Тез. докл. к обл. семинару. Азов, 1987.
9. Артамонов М. И. Вопросы истории скифов в советской науке // ВДИ. 1947. № 3.
10. Артамонов М. И. К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов // ВДИ. 1949. № 1.
11. Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970.
12. Миллер А. А. Археологические работы северокавказской экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры в 1926 и 1927 гг.// СГАИМК. 1929. Вып. II.
13. Книпович Т. Н. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры в 1928 г. // ИГАИМК. 1935. Вып. 104.
14. Шилов В. П. Золотой клад скифского кургана // Археологические раскопки на Дону. Ростов н/Д, 1962.
15. Гайдукевич В. Ф. Боспор и Танаис в доримский период // Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М.; Л., 1963.
16. Каменецкий И. С. Население Нижнего Дона в I—III вв. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1965.
17. Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964.
18. Копылов В. П. К вопросу о взаимодействии этнокультурных массивов на Нижнем Дону и в Северо-Восточном Приазовье в V—III вв. до н. э. (Об этнической принадлежности населения Елизаветовского городища) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов н/Д, 1986.
19. Геродот. История. Цит. по: Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 2.
20. Гиппократ (псевдо-Гиппократ). О воздухе, водах и местностях // Там же.

21. Скилак Кариандский (псевдо-Скилак). Описание моря, прилегающего к населению Европы, Азии и Ливии // Там же. № 3.
22. Лукиан Самосатский. Токсарис или Дружба // Там же. 1948. № 1.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО МОГИЛЬНИКА НА ДОНУ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

В. П. КОПЫЛОВ

Елизаветовское городище и окружающий его курганный могильник, представляющие единый историко-культурный комплекс, сегодня рассматриваются узловыми памятниками скифского времени не только Подонья — Приазовья, но и всей степной зоны Северного Причерноморья. Первостепенное их значение объясняется, во-первых, особой широтой и высокой информативностью археологического материала, полученного в ходе исследования этих памятников, во-вторых, их уникальным расположением на стыке крупнейших этнокультурных массивов того времени—скифов, савроматов и меотов, и в то же время вблизи северопричерноморских греческих колоний и, наконец, в-третьих, той ролью, которую играл этот центр в жизни населения данного региона в V—IV вв. до н. э.

Елизаветовское городище и его обширный курганный могильник, расположенные на островной части дельты Дона, были открыты более 100 лет назад, и сегодня вопросам историографии этих памятников можно посвятить специальное монографическое исследование. Наименее изученным с историографической точки зрения остается дореволюционный период, когда раскопки велись главным образом на могильнике. Данная проблема до сих пор не служила предметом специального исследования, хотя, несомненно, заслуживает этого, поскольку уже тогда, в ходе широких раскопок Елизаветовских курганов был накоплен интересный материал и сделаны важные наблюдения и выводы, не только давшие толчок последующим исследованиям, но и сохранившие в ряде случаев научное значение по сегодняшний день.

В 1853 г. профессор Московского университета П. М. Леонтьев предпринял обследование островной части дельты Дона, где, по его мнению, должен находиться ранний, дополемоновский Танаис [1]. Именно здесь, близ станицы Елизаветовской, им и было открыто обширное городище и многочисленные курганы, «расположенные чаще, нежели курганы окрестностей Недвиговки» [1, с. 512]. В результате работ, проведенных П. М. Леонтьевым на территории Елизаветовского курганного могильника с целью вы-

яснения возможности отождествления открытого им городища дополемоновскому Танаису, с 15 по 30 сентября было раскопано 23 кургана. П. М. Леонтьевым не был составлен план расположения раскопанных курганов, однако выписки из журнала работ позволяют установить, что курганы копались в разных частях могильника, преимущественно в западной его части. П. М. Леонтьев разделил весь могильник на четыре самостоятельные группы. В первую им была включена группа курганов «Пять братьев», наиболее крупные из которых потрясли П. М. Леонтьева своими размерами. Как археолог «первооткрыватель» он подчеркивал, что ни Кларку, ни Стемпковскому не удалось осмотреть эти курганы вблизи [1, с. 513]. Вместе с тем следует отметить, что эти курганы под названием «Пять братьев» нанесены на карте 1748 г., дошедшей до нас в копии, снятой И. Батраковым в 1750 г. [2, л. 1].

«Поле курганов», тянущееся ближе к городищу, П. М. Леонтьев разделил на группу, лежащую к востоку и юго-востоку от городища, и группу к западу от него. Четвертая группа, выделяемая им на могильнике, «располагалась за западной группой, состояла из нескольких курганов, употребляемых вместо кладбища», и примыкала к хут. Обуховскому [1, с. 513]. Последующие исследователи согласились с выделением указанных четырех групп курганов, визуально зафиксированных на местности П. М. Леонтьевым. Описание «способа раскопки» Елизаветовских курганов, которые мы находим у этого автора, позволяет говорить об использовании им передовой для того времени методики ведения раскопок земляных насыпей, что позволило сделать П. М. Леонтьеву ряд важных наблюдений [1, с. 400].

П. М. Леонтьеву принадлежит первая попытка классифицировать раскопанные в Елизаветовском могильнике курганы в зависимости от их высоты. В опубликованных выписках из журнала работ можно найти три категории курганов, выделяемых этим исследователем: «самые малые», «малые» и «средние». В категорию «самые малые» П. М. Леонтьевым отнесены курганы высотой до 1 м, в категорию «малые» — до 2 м и в категорию «средние» — свыше 2 м [1, с. 514—517]. Столь пристальное внимание к той части работы П. М. Леонтьева, где приводится описание Елизаветовских курганов, объясняется тем, что последующие исследователи пользовались предложенной им схемой для описания местонахождения и высоты раскапываемых ими курганов. Так как основная задача, стоявшая перед П. М. Леонтьевым, заключалась в определении местонахождения дополемоновского Танаиса, то прежде всего под этим углом зрения рассматривались погребения, обнаруженные в Елизаветовских курганах, и вывод о том, что эти «курганы не принадлежат дополемоновско-

му Танаису» был сделан им верно [1, с. 519]. Что же касается характеристики погребений и найденного в них материала, то нельзя не отметить полную растерянность П. М. Леонтьева, столкнувшегося с данными, которым он не смог дать правильную оценку. Именно этим можно объяснить противоречивость его выводов. В одном случае он пишет, что «Елизаветовские курганы не были делом греков и даже показывают цивилизацию, мало зависящую от греческого влияния», а в другом заключает, что эти курганы показывают «цивилизацию, испытавшую греческое влияние» [1, с. 518]. Противоречивость суждений объясняется, по-видимому, тем, что, с одной стороны, П. М. Леонтьеву бросился в глаза варварский обряд погребений, а с другой стороны, он не мог не обратить внимания на большое количество греческой керамики в исследованных погребениях. Не претендуя на окончательность выводов, П. М. Леонтьев верит, что «расширяющиеся исследования наших курганов дают возможность разделить их на большие группы, которые примут от науки... может быть даже имя народов» [1, с. 518].

В результате работ, проведенных в дельте Дона П. М. Леонтьевым, в научный оборот были введены новые, ранее неизвестные памятники — Елизаветовское городище и его курганный могильник. Им было оставлено пусть краткое, но самое первое, и в силу этого очень важное описание могильника в целом и открытых в этом могильнике погребений. Материалы раскопок, проведенных в дельте Дона, опубликованные П. М. Леонтьевым, привлекли внимание, и с тех пор Елизаветовское городище и его курганный могильник постоянно находились в поле зрения историков.

Следующим шагом в изучении этих памятников были раскопки, проведенные по поручению Археологической комиссии надворным советником П. И. Хицуновым в 1871 г. Материалы его раскопок опубликованы не были, и мы располагаем только краткой информацией о результатах его работы [3]. Более подробные данные о проделанной П. И. Хицуновым работе содержатся в его рукописном отчете, хранящемся в архиве ЛОИА АН СССР [4]. Можно установить, что раскопки курганов велись на участке могильника к западу от городища, где П. И. Хицуновым было «сделано раскопок в больших и малых курганах более 50» [4, л. 66]. Анализ рукописного отчета этого автора позволяет утверждать, что из-за недостаточной археологической подготовленности ему не удалось обнаружить погребений в большинстве раскопанных курганов. Сам он с удивлением замечает, что даже «в трех самых больших из раскопанных в этой группе курганов, без всякого сомнения насыпных, решительно ничего не оказалось при самом тщательном обыске и не видно было, чтобы они

когда-либо были ограблены» [4, л. 66]. О характере отдельных находок, сделанных в курганах «западной группы, можно судить по списку древностей, которые им были переданы в Археологическую комиссию и Одесский музей» [4, л. 63]. Важно отметить, что еще сегодня на участке могильника к западу от городища сохранились курганы со следами раскопок и многие из них содержат погребения, не открытые П. И. Хицуновым.

Помимо работ в западной части могильника П. И. Хицуновым были предприняты раскопки двух больших и четырех малых курганов в группе «Пять братьев». В одном из больших курганов ему удалось открыть часть «каменной гробницы», где были обнаружены детали конской сбруи, «имеющие поразительное сходство с конскими принадлежностями, найденными в скифских могилах при Днепре» [3, с. 42]. Прекрасно понимая, что им открыт неординарный погребальный комплекс, П. И. Хицунов высказывает предположение (впоследствии полностью подтвердившееся раскопками В. П. Шилова), что погребение принадлежит «одному из свиты, вероятно, конюху», похороненному по «обычаю тавро-скифов вместе с главным покойником» [4, л. 68]. Учитывая, какое значение для понимания характера погребений Елизаветовского могильника будут иметь находки, которые могут быть открыты в нераскопанной части кургана, П. И. Хицунов отдает распоряжение рабочим засыпать гробницу, тем самым сохранив ее от разрушения.

Бессистемные раскопки Елизаветовского городища, предпринятые этим исследователем, практически ничего не дали для понимания этого важного памятника, однако отдельные выводы и ценные наблюдения о конструктивных особенностях больших курганов, сделанные им в ходе работ на курганах группы «Пять братьев», обращают на себя внимание. Основной вывод П. И. Хицунова о том, что большие пятибратние курганы являются «похоронными курганами для знатных особ негреческого происхождения» [4, л. 68], в ходе последующих исследований подтвердился. Важным является впервые отмеченное П. И. Хицуновым наличие каменных крепид в больших курганах этой группы и замечания о характере насыпи раскопанных им больших пятибратних курганов. В своем отчете он писал, что «курганы построены были из комков и пластов умешенной глины, из сырцового кирпича, рядами кладенного и залитого клейким болотным илом» [4, л. 67].

Отсутствие ценных с точки зрения царского правительства находок из раскопок П. И. Хицунова в дельте Дона привело к тому, что в течение последующих 30 лет археологические исследования здесь не производились. Однако в эти годы широко развернули свою деятельность на Нижнем Дону грабители курга-

нов, о чем свидетельствуют многочисленные документы, хранящиеся в архиве ЛОИА [5]. Об ограблении Елизаветовских курганов есть указание заведующего приходским училищем ст. Елизаветинской И. И. Ушакова, сообщавшего, что у жителей станицы «чрезвычайно развита страсть кладоискания» и что «создаются даже большие и малые компании добровольцев», занимающихся этим делом [6, л. 9]. Трудно себе представить, сколько курганов Елизаветовского могильника было уничтожено в эти годы грабителями.

Работы на Елизаветовском могильнике возобновились в 1901 г., когда по разрешению Археологической комиссии [7, с. 150] И. И. Ушаковым были произведены раскопки одного из больших курганов, находящегося к югу от городища. Отсутствие опыта археологических работ у И. И. Ушакова привело к тому, что интереснейшее погребение, открытое в кургане, не было исследовано полностью. Данные раскопок не были опубликованы, однако в архиве ЛОИА имеется рукописный отчет, который больше напоминает выдержки из следственного дела об ограблении кургана [6, л. 8—15]. Тем не менее тщательный анализ имеющихся данных позволяет сделать вывод о том, что курган содержал погребение знатного воина в боевом снаряжении, которого сопровождало погребение коня. Важными являются отдельные наблюдения, сделанные И. И. Ушаковым в ходе работ, о конструктивных особенностях погребального сооружения. Им было указано на наличие каменной крепиды вокруг курганной насыпи, которая была разобрана местными жителями еще до начала работ, был отмечен кольцевой материковый выкид вокруг могилы, а также было зафиксировано камышовое перекрытие как самого погребения, так и окружавшего его кольцевого выкида. К сожалению, две амфоры, обнаруженные И. И. Ушаковым в погребении, были им оставлены на месте и судьба их неизвестна, тогда как остальные находки были переданы в Эрмитаж [6, л. 16]. Значение раскопок данного кургана заключалось в том, что найденная И. И. Ушаковым золотая обкладка ножен меча, фотографии которой были помещены в рукописном отчете [6, л. 24—26], вновь привлекли внимание археологов к памятникам дельты Дона.

Новым этапом в исследовании Елизаветовского городища и его могильника явились работы видного русского и советского археолога А. А. Миллера, который с 1908 г. приступил к планомерным исследованиям памятников дельты Дона. Он начал работы с обследования островной части дельты и дал подробное ее описание, особенно той части, где имелись остатки древней культуры [8, с. 86—90]. Проведя раскопки на территории Елизаветовского городища, он составил его план с нанесением рас-

копанных участков и опубликовал обнаруженный на городище материал [8, с. 120—124]. Наибольшее внимание А. А. Миллер уделил исследованию курганного могильника, так как методически верно оценил возможность погребального обряда для получения прямой информации об этнокультурной принадлежности памятников. Считая Елизаветовское поселение древним Танаисом, А. А. Миллер надеялся в ходе раскопок Елизаветовских курганов получить ответ на вопрос: греки или скифы погребены в этих курганах. За шесть полевых сезонов (1908—1912 гг. и 1914 г.) им было раскопано, по нашим подсчетам, 103 кургана [8—12]. При этом материалы из большей части исследованных им погребений были опубликованы. До сих пор данные о количестве раскопанных А. А. Миллером курганов указывались неверно. В. П. Шилов, считая, что А. А. Миллером было раскопано 60 курганов, не учитывал работы 1910, 1912 и 1914 гг. [13, с. 13], а И. Б. Брашинский не учел курганов, раскопанных в 1914 г. [14, с. 108].

А. А. Миллером были проведены работы во всех частях Елизаветовского могильника, за исключением курганной группы «Пять братьев». Им был составлен подробный план могильника, который, к сожалению, утрачен. Описание могильника, оставленное этим исследователем, представляет особый интерес для реконструкции топографии этого памятника в целом. Как и П. М. Леонтьев, А. А. Миллер отмечает, что курганы Елизаветовского могильника располагаются группами [8, с. 90; 15, л. 36]. При этом он указывает, что в группе, расположенной между городищем и хут. Обуховским, преобладают малые насыпи («западная» группа, по П. М. Леонтьеву). К наиболее крупным курганам этой группы А. А. Миллер относит два кургана, один из которых раскапывался И. И. Ушаковым, а второй сохранился до сегодняшнего дня. Восточную группу курганов, которая состоит преимущественно из крупных курганов, А. А. Миллер считает необходимым разделить на две самостоятельные группы. Одна из них располагалась на восточной оконечности могильника, а вторая начиналась от восточного края городища. Очень важным, на наш взгляд, является указание этого исследования на существование протока, отделявшего остров с поселением и могильником от другого острова, на котором находилась группа курганов «Пять братьев» [16, с. 100]. Для нас наблюдения, связанные с топографией могильника, сделанные А. А. Миллером [8, с. 90—91; 17, с. 85], крайне важны в связи с полной гибелью исторически сложившегося рельефа местности островной части дельты в начале 60-х гг. нашего столетия, в ходе строительства рыборазводных прудов. Многие основные наблюдения и выводы, сделанные этим исследователем по материалам раскопок Ели-

заветовского могильника, подтверждаются работами последних лет. Попытаемся обобщить эти наблюдения и выводы, так как самим А. А. Миллером такая попытка не предпринималась. Важные наблюдения были сделаны им относительно размеров и конфигурации курганных насыпей. Зафиксированное А. А. Миллером наличие вокруг них кольцевых западин [17, с. 86] позволило проследить в ходе современных раскопок границы курганных насыпей, ныне не читаемых на местности, вследствие многовекового эррозионного воздействия паводковых и нагонных наводнений. Указав, что все погребения, связанные с Елизаветовским поселением, совершены в грунтовых ямах с широтной ориентировкой, А. А. Миллер верно объяснил их незначительную глубину близостью грунтовых вод [17, с. 91]. Именно им впервые была установлена для Елизаветовского могильника прямая зависимость форм и размеров могильных ям от величины курганной насыпи и отмечены типичные детали погребального обряда богатых могил [11, с. 62]. В качестве характерных черт погребального обряда А. А. Миллер отметил наличие камышового перекрытия как для богатых, так и для бедных могил и западную ориентировку погребенных [10, с. 220], а также присутствие материкового валика вокруг могил только в больших курганах [8, с. 92]. Многолетними раскопками уже в наши дни подтвердились его выводы о стабильном положении погребенных Елизаветовского могильника, их ориентировке, о расположении погребального инвентаря в могилах [8, с. 92; 10, с. 220]. А. А. Миллером неоднократно отмечался необычайно устойчивый погребальный обряд на протяжении всего времени существования могильника [10, с. 222; 11, с. 61; 12, с. 171].

Касаясь хронологии погребений, открытых им в Елизаветовских курганах, А. А. Миллер на основании греческой керамики первоначально правильно установил время существования могильника в пределах V—IV вв. до н. э. [8, с. 110]. Однако следуя концепции существования двух Танаисов, позже он отодвинул верхнюю границу до I в. до н. э. [10, с. 221], т. е. до времени разрушения Танаиса Полемоном.

В своих работах А. А. Миллер нигде специально не останавливался на этнической атрибуции населения, оставившего курганы у ст. Елизаветовской, отдавая себе отчет о сложности данной проблемы. Первоначально, говоря о погребениях Елизаветовских курганов, он называет их «скифо-сарматскими» [9, с. 147], затем указывает, что «их можно приписать пока условно сарматам» [10, с. 221]. Позже, обращаясь уже в 20-е гг. к материалам своих дореволюционных исследований, он, не располагая новыми данными (раскопок на могильнике в советское время не велось до 1954 г.), отказывается от попытки этнического определения куль-

туры этих погребений и называет курганный могильник «варварским» [18, л. 93]. Оставаясь верным идее о соответствии Елизаветовского поселения старшему Танаису, А. А. Миллер подчеркивал, что «курганный могильник, одновременный с городищем, не является некрополем, общим для поселения», и предполагал наличие в дельте «грунтового, бескурганного некрополя» [19, с. 101].

Раскопками А. А. Миллера заканчивается дореволюционный период полевых исследований Елизаветовского могильника и длительное время материалы, полученные в ходе этих работ, служили основным источником при рассмотрении вопросов, связанных с социально-экономической, политической и этнической историей Северо-Восточного Приазовья в скифское время. Однако отмечая большое значение работ, проведенных А. А. Миллером на могильнике, следует помнить, что методика раскопок, применяемая этим исследователем, соответствовала уровню развития археологической науки того времени и не может удовлетворять современных исследователей ни качеством фиксации, ни количеством, ни качеством документации открытых им погребальных комплексов.

Первая попытка обобщить все известные данные, полученные в ходе раскопок Елизаветовского могильника, проанализировать их и сравнить с данными синхронных памятников Северного Причерноморья была предпринята М. И. Ростовцевым в его фундаментальном труде «Скифия и Боспор», подготовленном к печати в 1918 г. [20]. В этой работе, рассматривая Елизаветовский могильник в главе, посвященной анализу скифских курганных погребений, а не в главе, содержащей обзор некрополей греческих городов, М. И. Ростовцев тем самым уже высказывает свое отношение к вопросу о возможности отождествления Елизаветовского поселения с ранним Танаисом. Далее он прямо заключает, что Елизаветовское городище не может претендовать на роль древнего Танаиса и что «курганный некрополь его дает картину, типичную для некрополей около городищ Киевщины, Полтавщины и Подолья, и даже не картину некрополя смешанного, как мы его наблюдали в соседстве Нимфея, Горгиппии и полу-эллинских городов устья Днепра и Буга» [20, с. 529]. Определяя хронологию Елизаветовского могильника, М. И. Ростовцев отмечал, что дата всех погребений одинакова, а обильная греческая керамика позволяет датировать их временем не ранее второй половины IV в., но не позже III в. до н. э. [20, с. 533]. Наряду с группой Воронежских курганов он включает Елизаветовские курганы в Донскую группу скифских погребений VI—III вв. до н. э. [20, с. 529].

Рассматривая выводы М. И. Ростовцева по вопросам этниче-

ской истории дельты Дона, нужно отметить, что они не всегда последовательны. Говоря о племенах, «сидевших по обеим берегам Керченского пролива и Азовского моря», он называет их позднейшими меотами, синдами и савроматами, которые вошли в тесное общение со скифами, усвоив их культуру [21, с. 33]. Однако далее он указывает, что «скифы не позднее VII в. до н. э. прочно обосновались на всем северном побережье Черного моря: в Прикубанье, Придонье, степной части Крыма, Приднепровье и Прибужье» [21, с. 34]. Погребальный обряд Елизаветовских курганов М. И. Ростовцев определяет как «несомненно, скифский, а не греческий», скифскими он также считает убор и утварь, найденные в погребениях Елизаветовского могильника [20, с. 533—534]. Но мы знаем, что для М. И. Ростовцева «решающим и определяющим элементом, связывающим в одно целое всю массу южно-русских погребений VI—III вв. до н. э., являются вещи иранского обихода», которые он и считает скифскими [20, с. 534]. Однако важно подчеркнуть, что хорошо известные погребения Поволжья и Оренбуржья М. И. Ростовцев не включает в этот круг памятников, хотя в составе их погребального инвентаря имеются вещи «иранского обихода».

Типично скифскими М. И. Ростовцев считал погребения Кубанской и Таманской групп, так как именно с этих групп он начинает рассматривать скифские погребения VI—III вв. до н. э. Поэтому неудивительно, что погребения, открытые П. И. Хицуновым в одном из больших курганов группы «Пять братьев», М. И. Ростовцев определил «более близкими к типично скифским, чем погребения Елизаветовского некрополя» [20, с. 534], так как именно они более всего напоминали погребения Кубанской и Таманской групп. Во втором издании своей работы «Скифия и Боспор» М. И. Ростовцев склонен был видеть в населении, оставившем курганы у ст. Елизаветовской, скифов, а Елизаветовское поселение определял как «полугреческое-полускифское» [22, с. 473]. Данное определение городища представляется нам очень интересным, так как, возражая против отождествления Елизаветовского поселения с ранним, дополемоновским Танаисом [23, с. 23], М. И. Ростовцев тем не менее считал возможным назвать его греко-скифским центром.

Подводя итоги дореволюционного этапа изучения Елизаветовского могильника, необходимо подчеркнуть, что во всех публикациях, посвященных этому памятнику, авторами не предпринималась попытка глубоко проанализировать материалы, полученные в ходе раскопок, сравнить их с материалами синхронных памятников Северного Причерноморья для определения характера и особенностей памятников дельты Дона. Все исследователи ограничивались высказыванием о соответствии или не-

соответствии Елизаветовского поселения древнему Танаису, очевидно считая, что именно в этом заключается основная задача исследований. Общими недостатками работ исследователей Елизаветовского могильника можно считать: фактологичность, узость подхода и отсутствие обобщающих выводов. Однако следует отметить, что за период дореволюционного изучения Елизаветовского могильника был накоплен и введен в научный оборот обширный археологический материал, позволяющий дать хотя и первоначальные, но оказавшиеся во многом верные, несмотря на всю их фрагментарность, выводы и оценки столь сложного исторического памятника. Крайне важно, что в процессе раскопок Елизаветовского могильника совершенствовалась методика исследования степных курганов и накопленный опыт оказался весьма ценным для развития всей русской археологии в целом.

В результате работ, проведенных в дельте Дона в дореволюционный период, на Елизаветовском могильнике было раскопано 187 курганов. Благодаря публикации мы имеем данные о 72 курганах, содержащих погребения скифского времени. Что касается городища, то за исключением краткой информации с публикацией незначительного количества материалов раскопок в 1908—1909 гг., других данных о памятнике не было [8]. Именно этой диспропорцией в изучении Елизаветовского поселения и его могильника во многом объясняется та дискуссия, которая развернулась среди исследователей о характере этих памятников. Отсутствие полноценных данных о поселении способствовало тому, что эта дискуссия нашла свое отражение и в работах, вышедших уже после революции.

Литература

1. Леонтьев П. М. Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях. Пропилеи. Кн. 4. М., 1854.
2. ЦГАИ СССР, ф. 1399, оп. 1, д. 55, л. 1.
3. ОАК за 1870—1871 гг. Спб., 1874.
4. Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, д. 10. 1869.
5. Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, д. 56. 1889; ф. 1, д. 9. 1890; ф. 1, д. 2. 1891.
6. Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, д. 240. 1901.
7. ОАК за 1901 г. Спб., 1903.
8. Миллер А. А. Раскопки в районе древнего Танаиса // ИАК. Вып. 35. Спб., 1910.
9. ОАК за 1909—1910 гг. Спб., 1913.
10. Миллер А. А. Раскопки у станицы Елизаветовской в 1911 году // ИАК. Вып. 56. Спб., 1914.
11. ОАК за 1912 г. Пг., 1916.
12. ОАК за 1913—1915 гг. Пг., 1918.
13. Шилов В. П. Раскопки Елизаветовского могильника в 1954 и 1958 гг. // ИРОМК, № 1(3). Ростов н/Д, 1959.
14. Брашинский И. Б. Аттическая расписная и чернолаковая керами-

ка V в. до н. э. из Елизаветовского могильника // ТГЭ. Вып. XVII. Л., 1976.
15. Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, д. 34. 1908.
16. Миллер А. А. Новый источник об изучении связи Скифии с Кавказом // ИРАИМК. Вып. IV. Л., 1925.
17. Миллер А. А. Археологические исследования в устье Дона // Тр. XIV АС. Т. III. М., 1911.
18. Миллер А. А. Черновые отчеты Северо-Кавказской экспедиции за 1926—1927 гг. // Архив ЛОИА АН СССР, ф. 24, д. 13.
19. Миллер А. А. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1924—1925 гг. // СГАИМК. 1926. Вып. 1.
20. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925.
21. Ростовцев М. И. Эллинство и иранство на Юге России. Пг., 1918.
22. Rostowzew M. Skythien und der Bosporus. Berlin, 1931.
23. Ростовцев М. И. Бронзовая фибула с надписями из Донской области // ИАК. Вып. 65. Пг., 1918.

К ИСТОРИИ СИРАКСКОГО СОЮЗА ПЛЕМЕН (по материалам курганных погребений Среднего Прикубанья)

А. М. ЖДАНОВСКИЙ

В рассматриваемое время (IV в. до н. э. — I в. н. э.) сарматский мир не представлял (и не мог представлять) единого целого. Состоял он из множества племен, названия которых сохранили для нас античные авторы. Существует обширная библиография, включающая как разные издания древних писателей, так и труды, анализирующие их сочинения. Это обстоятельство избавляет от необходимости подробного разбора тех и других и позволяет остановиться на некоторых общих вопросах.

Наиболее полные сведения о кавказских землях содержатся в «Географии» Страбона [1], неоднократно и подробно анализировавшейся разными авторами. Наиболее детальный разбор описания Северного Кавказа содержится в работе В. Б. Виноградова [2]. Важно также, что факты, сообщаемые Страбоном, отражают реалии отрезка времени с конца II до середины I в. до н. э. с возможными колебаниями в ту или иную сторону [3, с. 124]. Именно у Страбона появляется упоминание одного из сарматских племен — сираки [1, II, 1; V, 8]. Из текста древнего географа можно определить, что они локализовались на Северном Кавказе [2, с. 42]. Такой точки зрения придерживаются все исследователи данного вопроса, расходясь лишь в конкретных границах территории, занятой сираками (об этом ниже). Такое единодушие не случайно, так как единственное упоминание о сираках в Северном Причерноморье [4, IV, 82] считается ошибочным. Отмечается, что у древних авторов только сираки не упоминаются при движении сармат на запад [5, с. 45]. Это лиш-

ний раз подчеркивает «привязанность» этих племен к степям Северного Кавказа.

Существенно уточнение Страбоном происхождения сираков и родственных им аорсов: они «...кажется, беглецы из среды живущих выше народов...» [1, V, 8]. И далее: «Аорсы живут по Танаису, а сираки по Ахардею, который вытекает с Кавказа и впадает в Меотиду» [1, V, 8]. Назвав сираков беглецами, Страбон указывает и направление поисков мест, откуда они бежали, — это районы севернее Прикаспия, районы распространения раннесарматской (прохоровской) и предшествовавшей ей савроматской культур. Такая ситуация привела к появлению двух версий. По первой сираки считаются потомками савроматов [6, с. 120; 7, с. 40], по второй — носителями прохоровской культуры [8, с. 7]. Однако сведения других античных писателей позволяют остановиться на первой версии. Тацит, описывая войну 49 г. н. э. за Боспорский престол, рассказывал, что претендент на престол Митридат VII Боспорский скрывался у царя **сираков** Зорсина [9, XII, 15—17]. Упоминает этот эпизод и Плиний, говоря, что Митридат бежал к **савроматам** [4, VI, 16—17] (выделено мною. — *А. Ж.*). Причем принято считать, что Плиний услышал об этом от самого Митридата [5, с. 9]. На это место из Плиния обратил внимание В. Б. Виноградов и вполне резонно предположил, что под савроматами следует понимать сираков [10, с. 48]. Таким образом, античные авторы отождествляли сираков с савроматами.

Как же соотносится все это с археологией? Мною был собран весь доступный материал по дореволюционным раскопкам в междуречье Лабы и Кубани так называемой зубовско-воздвиженской группы погребений, а также результаты исследований того же степного закубанского района последних лет до 1984 г. включительно [11].

Анализ собранного материала позволяет обрисовать характерные особенности погребального обряда. Подавляющее большинство захоронений (более 90%) впущено в насыпи древних курганов. Преобладающей формой могильного сооружения являются простые ямы, прямоугольные и близкие к квадрату. Есть ямы с заплечиками. Часть погребений имела деревянные сооружения (перекрытия и столбы). Выявлены случаи использования деревянного гроба. Господствует положение умершего на спине с вытянутыми руками и ногами. Преобладающей является широтная ориентировка (56,1%) с предпочтением западной (42,1%), меридиональная составляет 24,6%, из них 19,3% — южная, остальные промежуточные.

Напутственную пищу (кости ног барана) помещали в ногах, иногда в миске. Посуда из глины и металла ставилась чаще

всего в ногах, реже — в головах. Характерная деталь обряда богатых погребений — наличие литых бронзовых котлов общесарматских форм. Импортная стеклянная посуда помещалась у верхней половины туловища. Вооружение, как правило, находилось там, где его носили, так же, как и большая часть украшений. Следует отметить нахождение в ряде богатых погребений деталей конского снаряжения. Захоронения с оружием и конским снаряжением составляют 30,9%.

Характерной деталью ритуала можно считать использование покровов, украшенных золотыми нашивными бляшками, в богатых захоронениях. Составным элементом обряда является помещение в погребение сосудов с галькой и обрывком железной цепи. Наиболее вероятное объяснение этого обычая — выполнение обереговых функций при переходе души умершего в иной мир с целью отвратить «вредное» влияние на живых.

Почти треть могил содержала зеркала, что, видимо, имело магическое значение. Использовались в ритуале мел, охра, реальгар, угольки, сера, клыки животных, бараньи астрагалы, колокольчики, сосудики из алебастра. В ряде погребений найдены орудия труда: ножи, оселки, пряслица.

Было проведено сравнение этих погребений по ряду элементов обряда (ориентировка, положение рук и ног, местонахождение напутственной пищи, местоположение бус как элемента костюма) с меотской погребальной практикой, с погребениями степной части правобережья Кубани [12—14], с прохоровскими и савроматскими памятниками. Критерием сходства или различия был взят индекс Робинсона. Эти сравнения обнаружили существенные различия между анализируемыми и меотскими погребениями. Сравнение же обеих групп степных погребений по ориентировкам сначала с прохоровскими, а затем с савроматскими показало различие с первыми и сходство со вторыми.

Все это позволяет утверждать: степная часть Прикубанья к северу от реки и в междуречье Лабы и Кубани была заселена одной из групп сарматского племенного мира, обнаруживающей определенное родство с савроматами, жившими в более раннее время в Поволжье — Приуралье.

Зубовско-воздвиженские погребения в литературе не единожды связывали с сираками. Об этом писали В. Б. Виноградов [6; 10; 15], К. Ф. Смирнов [7; 16, с. 14—15] и др. И. С. Каменецкий допускал сарматский характер этих курганов, считая главным препятствием для окончательных выводов отсутствие раскопок к северу от Кубани [17, с. 204]. Теперь мы располагаем такими материалами (см. выше).

Таким образом, есть все основания говорить о принадлежно-

сти курганных погребений Среднего Прикубанья сиракам. Необходима оговорка: такой вывод не означает, что все эти погребения надо связывать только с одним этническим наименованием. Речь должна идти о группе близкородственных племен, объединенных в союз, где главная роль принадлежала сиракам. Связать какие-либо погребения с племенным названием вряд ли удастся. Такие попытки уже предпринимались К. Ф. Смирновым по роксоланам, но он сам признал неудачность подобных отождествлений [16, с. 122].

Не ясен до конца вопрос о времени появления сираков на Северо-Западном Кавказе. Письменные свидетельства не дают бесспорных фактов. Страбон пишет о сираках в то время, когда для них Северный Кавказ — привычная среда обитания, отсюда и термины — Сиракена, сарматские равнины. Ю. М. Десятчиков считает, что самое первое упоминание о сираках содержится в «Библиотеке» Диодора Сицилийского [18, XX, 22], где описывается борьба за Боспорский престол Евмела и Сатира в конце IV в. до н. э. Союзником первого был Арифарн, в рукописи названный ошибочно царем фракийцев. По одной версии описка должна читаться «фатеев», а Ю. М. Десятчиков, на мой взгляд, убедительно доказывает другую версию — сиракскую [19]. В. Б. Виноградов приводит еще одно свидетельство второй половины III в. до н. э. — Аполлоний Родосский в рассказе об аргонавтах говорит о столкновении с «враждебными **савроматами**», возможно, это сираки [20, с. 13].

Археологических данных для определения хронологии появления сираков в степях к северу от Кубани пока недостаточно. Можно лишь отметить, что погребения конца III в. до н. э. здесь есть [13]. Ю. М. Десятчиков на материалах азиатского Боспора говорит о второй половине IV в. до н. э., как времени появления здесь сарматов [21, с. 79]. Подтверждение дает несколько необычный для решения таких вопросов материал — бусы. Анализ стекла показал, что бусы сирийского производства появляются впервые на азиатской стороне Боспора в III в. до н. э. И. И. Кондратьев считает, что их принесли сарматы Поволжья [22, с. 67]. Что касается группы закубанских памятников, то самая ранняя дата — II в. до н. э. — не вызывает сомнений, возможно, есть погребения, выходящие в III в. до н. э. То есть, вряд ли можно говорить о процессе медленного, постепенного проникновения сираков в Закубанье. Прикубанская степь по обе стороны Средней Кубани становится местом обитания племен сиракского союза.

Появление сираков на Северо-Западном Кавказе связано с начавшимся в IV в. до н. э. продвижением сарматских племен на запад. В качестве первопричин движения К. Ф. Смирнов на-

зывает социально-экономические процессы [23, с. 118]. Наиболее активными были носители прохоровской культуры, именно они потеснили савроматов. Часть последних в лице сираков вынуждена была уйти на юго-запад, в то время как другие племена устремились на запад, в Северное Причерноморье.

Есть другая гипотеза о путях появления сираков на Северном Кавказе. Ю. М. Десятчиков считает, что они могли прийти южным путем: из Средней Азии через Иран и Кавказ [24, с. 69]. Гипотеза целиком основана на письменных источниках, археологических доказательств нет (во всяком случае пока).

Можно лишь предполагать, как складывались взаимоотношения сираков с меотами в первое время. Вряд ли они были мирными. Археологически достоверный факт — Елизаветинские курганы, считающиеся захоронениями меотской знати, не выходят за пределы IV в. до н. э. То же можно сказать и о других курганах Кубани, но Елизаветинские ближе всего находятся к степной зоне, где появились сираки. Может быть, в военных столкновениях с пришельцами меотская знать была уничтожена, но население оставалось прежним [25, с. 32]. Высказывалось мнение, что возникновение ряда меотских городищ в IV в. до н. э. связано с опасностью из степи [6, с. 112]. Впрочем, не исключено, что строительство укреплений было вызвано экспансией Боспора на азиатской стороне в середине IV в. до н. э. [26, с. 60]. Эти же обстоятельства могли «погасить» враждебность между меотами и сираками и привести к созданию союза для отпора Боспору.

Границы обитания сираков на Северном Кавказе (точнее сиракского союза племен) были предметом оживленной полемики с участием К. Ф. Смирнова, В. Б. Виноградова, И. С. Каменецкого, Ю. М. Десятчикова, Д. А. Мачинского и др. Западные и северо-западные пределы обозначались без расхождений: это побережье Азовского моря (Меотиды) от устья Дона до Бейсугского лимана [10, с. 45; 17, с. 122]. На юге сиракские кочевья доходили «до Кавказских гор» [1, II, 1], это указание древнего географа Страбона определило включение междуречья Лабы и Кубани в территорию сиракского союза, несколько погребений действительно известны в предгорьях (Ярославская-35). Кстати, В. А. Кузнецов приводит еще одно доказательство обитания сираков на правом берегу Средней Кубани — это Равеннский аноним [27, с. 22]. Есть предположение, что в Закубанье западной границей сираков был левый приток р. Лабы Фарс [10, с. 44]. Название объясняется из сарматского языка как «сторона», «крайний». В. А. Кузнецов связывает этот топоним именно с сиракским вариантом сарматского языка [28, с. 70].

Больше всего споров было о северо-восточных и восточных

границах сиракского союза и в связи с этим с отождествлением двух рек у Страбона: Ахардея и Мермода. Отсылая к соответствующей литературе, скажу, что наиболее подробно и убедительно этим занимался В. Б. Виноградов [2; 6; 10]. В результате он пришел к следующим выводам: Ахардей — это Маныч с его левыми притоками Егорлыком и Калаусом. Соответственно Маныч являлся северо-восточной границей сиракского союза. Мермод — это Терек. Восточной границей сираков считалось среднее его течение до впадения Сунжи. Выводы эти имеют подтверждение в археологическом материале. Так, в Среднем Притеречье выделена целая группа памятников сармато-сиракского облика [29, с. 18], в степях Ставрополья раскопаны аналогичные погребения. К сожалению, только малая часть их описаний опубликована [30; 31].

Резюмируя сказанное, надо отметить, что курганные погребения Среднего Прикубанья оставила юго-западная группа племен, входивших в сиракский племенной союз. У Плиния есть прямое упоминание об этой группе. Он пишет: «В тылу его (Питиунта. — *А. Ж.*) в Кавказских горах живет сарматский народ Евпагариты, а за ним **Савроматы** (подчеркнуто мною. — *А. Ж.*). К последним бежал Митридат...» [10, с. 47]. Порядок перечисления позволяет предположить, что речь идет о предкавказских степях, а от Питиунта (Пицунды) можно выйти через перевалы в междуречье Лабы и Кубани.

В полемике о сираках на Северном Кавказе часто употреблялся термин «центр союза». Ни один из авторов не объяснял, какой смысл вкладывался в этот термин. Употребление его для этого периода вряд ли правомерно. Ни письменные источники, ни археологические не дают материала, выделяющего какой-либо район в очерченных границах.

Необходимо остановиться на точке зрения Н. В. Анфимова. Он отрицает сиракскую принадлежность закубанских погребений и относит их к меотской культуре [32, с. 32] с оговоркой — меото-сарматские. Аргументы сводятся к следующему: погребения не образуют единой компактной группы, но это естественно для кочевников. В самом общем плане без аргументации говорится о меотской конструкции могил и таком же инвентаре. Наиболее важным аргументом можно считать существование одновременных меотских городищ по правым берегам Кубани и Лабы. Но и здесь выясняется, что картина была сложнее — выделена новая, тенгинская, культура на Лабе [33; 34]. Можно согласиться с двумя утверждениями Н. В. Анфимова: нельзя помещать центр сиракского союза в междуречье Лабы и Кубани [32, с. 32] — его просто не существовало; нет данных о завоевании и подчинении меотов сираками [35, с. 50]. Уточню, что, действительно, в на-

шем распоряжении нет ни письменных, ни археологических тому доказательств.

Сложившийся в степях Предкавказья многоплеменной союз во главе с сираками был политическим объединением, в нем **мирно** соседствовали оседлые и кочевые племена. Поэтому неудивительно, что жители правобережных городищ Средней Кубани спокойно пропускали своих союзников в закубанские степи.

На мой взгляд, происходящий процесс можно отнести к межэтнической интеграции, но не к ассимиляции [36, с. 157—158]. При интеграции контактирующих этносов происходят незначительные изменения этнических черт и в конечном итоге появляются некоторые общие элементы [36, с. 158]. Учитывая, что сираки были более активной политической силой, силой, объединяющей разные племена Северного Кавказа, в формировании новых элементов их доля была несколько больше. Отсюда ряд сарматских черт в меотских могильниках, начиная с III в. до н. э. Естественно, что в этом сложнейшем процессе формируются черты, не свойственные ни «чистым» сарматам, ни «чистым» аборигенам. Примером могут служить сосуды с галькой и особенно обрывком железной цепи, известные в границах сиракского союза [6].

Северо-Западный Кавказ стал постоянным источником угрозы для азиатских владений Боспора со временем появления здесь сираков и начала сложения мощного племенного союза. Союзные племена периодически вмешивались в боспорские дела, мешали завоевательной политике даже в период расцвета царства. Страбон сообщал: «Боспорские правители часто владели территорией вплоть до Танаиса» [1, XI, 2, 11], то есть были периоды, когда эти местности им не принадлежали. Об опасностях, поджидавших боспорян в «земле сираков», свидетельствует стелла Хрестиона из Керчи, погибшего «несчастной смертью» в этих землях [37, с. 140—141]. Известно по меньшей мере три эпизода с участием сираков в распрях правителей Боспора. Это упомянутый уже царь сираков Арифарн (события второй половины IV в. до н. э.); при Фарнаке царь сираков Абеак предоставлял ему воинов [1, V, 8]. Наконец, в середине I в. н. э. царь сираков Зорсин участвовал в борьбе Митридата VII против римского ставленника [9, XII, 15—17, 19].

Племена сиракского союза играли активную роль в сношениях с Закавказьем. В. Б. Виноградов, проанализировав данные античных авторов и грузинских летописей (Картлис цховреба), приходит к выводу о том, что первоначально враждебные отношения с Иберией к середине III в. до н. э. стабилизируются и становятся союзническими [6, с. 113—115]. Ближе к рубежу н. э. окрепшие сираки более активно вмешиваются в закавказские

события, стремясь захватить контроль над перевалами. Видимо, с этими стремлениями связано появление воинских погребений (ст. Ярославская) непосредственно в предгорьях между Лабой и Кубанью.

В конце III в. до н. э. начинается новый, наиболее крупный этап сарматского движения на запад [23, с. 118]. Важнейшим результатом его стало утверждение сарматского политического господства в Скифии [23, с. 118—119]. Но движение происходило и в юго-восточном направлении, в Среднюю Азию, о чем свидетельствуют данные археологии [23, с. 117]. А. С. Скрипкин, конкретизируя это предположение, связывает его с распространением подбойно-катакомбных погребений [36, с. 137]. Высказывается мнение, что эти переселившиеся племена приняли участие в сокрушении Греко-Бактрийского царства во второй половине II в. до н. э. [23, с. 117; 36, с. 137]. Учитывая масштабы миграции сарматов в конце III—II вв. до н. э., можно предположить проникновение части их на Северный Кавказ. И действительно, именно во II в. до н. э. появляются в некоторых районах Северного Кавказа курганные (впускные) и грунтовые подбойно-катакомбные захоронения. Причем состав новых пришельцев был неоднороден, о чем говорят еще и впускные погребения с южной и юго-западной ориентировкой II в. до н. э. [38], с серебряными фаларами [23, с. 121] — погребения с такими фаларами есть и в Северном Причерноморье. «Все они принадлежали богатым конным воинам из числа сарматов вообще» [23, с. 121]. И если в Северное Причерноморье активно продвигались языги и роксоланы, то можно предположить и продвижение части аорсов, занимавших до этого прикаспийские степи и соседствовавших с сираками по Манычу [6]. Хотя точнее будет говорить не о продвижении, а о проникновении, причем мирном, что подтверждается археологическими материалами и погребениями, среди которых и катакомбы в курганах и погребения сиракского облика.

На данном этапе приток свежих сил укрепил союз и активизировал его внешнеполитическую деятельность. Это сразу же сказалось на положении азиатской части Боспора: в середине II в. до н. э. погиб прекрасный храмовый комплекс — таманский толос. Н. И. Сокольский подчеркивает напряженность обстановки на Боспоре во второй половине II в. до н. э., причина тому — усиление натиска с востока [39, с. 89]. В I в. до н. э. на Тамани воздвигаются крепости, призванные защищать восточную границу Боспора [39, с. 112].

Активизация деятельности была направлена и в Закавказье. В. Б. Виноградов со ссылками на источники упоминает стычки сарматов (в союзе с горцами) с иберами [6, с. 118].

На рубеже II—I вв. и первой половины I в. до н. э. северокавказские племена попадают в орбиту событий мировой истории. Опасный противник Рима, понтийский царь Митридат VI Евпатор, исчерпав все свои малоазийские ресурсы, обратил взгляд на северные окраины античного мира. Именно в это время варвары проявили себя как внушительная сила. К тому же направление их движения совпадало с устремлениями Митридата. Он задумал поход через Европу на Север Италии, базой подготовки был выбран Боспор. Существует прямое свидетельство о союзе Митридата с племенами именно Северо-Западного Кавказа. Приведу его полностью: «...Митридат же, вступив в область Меотиды, над которой много династов, когда все они, ввиду славы его деяний и его власти, а также потому, что военная сила, бывшая еще при нем, была значительна, приняли его, пропустили и обменялись взаимно многими подарками, заключил с ними союз...» [40, 102]. Из текста следует, что он сам вступил в контакт с вождями местных племен, в которых можно видеть предводителей многоплеменного сиракского союза. Вероятно, путь его на Боспор пролегал по суше — из Колхиды через перевалы в Прикубанье и, после встреч с вождями, в Пантикапей. Чем кончился задуманный поход — известно. Митридату не удалось собрать достаточное войско, а восстание боспорян против него заставило его покончить с собой в 63 г. до н. э. [41].

Эти события подтверждаются археологически: большое количество дорогих привозных вещей найдено в курганах Среднего Прикубанья. О связи их с войнами Митридата в свое время говорил К. Ф. Смирнов [16, с. 14]. Наиболее выразительны находки 1979 г. в кургане у хут. Песчаного: богатое ожерелье и особенно брошь-фибула александрийского производства [11, прилож. 2, рис. 44], стеклянные кубки малоазийского производства, неизвестные в городских центрах Северного Причерноморья. Анализ импортных предметов показал преобладание южного, закавказско-малоазийского направления торговых связей [11, с. 94].

Активные и разнообразные взаимоотношения с более развитыми обществами привели к ускорению социальных процессов внутри сиракского союза. В. Б. Виноградов, характеризуя в целом строй союза, говорит о военной демократии [6, с. 120]. Имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства античных авторов и археологии не противоречат этому. Вспомним хотя бы приведенные выше слова Аппиана о «многих династах» в области Меотиды.

Надо только уточнить следующее. В литературе последних лет военная демократия, во-первых, рассматривается как **начальный этап** длительной эпохи классообразования, ведущей к

государству; во-вторых, она не считается универсальным этапом для всех в развитии общества. То есть военная демократия является лишь одной из форм управления обществом в период создания крупных межплеменных союзов [42, с. 96].

Я уже показал, что путь социального развития прикубанских племен был сложным, извилистым, даже прерывистым [25]. В рассматриваемое время судьбы меотов были тесно связаны с сиракским союзом. Надо сказать, что появление сираков в Прикубанье затормозило процесс социального разделения местного общества. К тому времени у меотов уже сложились условия для классообразования. Уместно вспомнить богатейшие погребения в Елизаветинских курганах, сопровождавшиеся пышным обрядом, массовыми жертвами лошадей и человеческими жертвоприношениями. Люди, погребенные в этих курганах, вплотную были приближены к положению царей [43, с. 169]. Дифференциация (имущественная) наблюдалась даже в среде рядового населения (по материалам грунтовых могильников). С появлением же сираков этот процесс затухает.

В литературе отмечалось, что кочевники-скотоводы могли сливаться с местным населением, если существовали условия для занятий земледелием, без ущерба для скотоводства [44, с. 26]. Снова вспомним Страбона, сообщавшего об аорсах и сираках: «...одни из них кочуют, другие живут в шатрах и занимаются земледелием» [1, II, 1]. Из контекста следует, что последняя фраза скорее всего относится к сиракам.

Дальнейшее развитие многоплеменного сиракского союза должно было идти по пути углубления имущественной и социальной дифференциации. В рамках равноправного союза, каковым скорее всего был сиракский, должны были развиваться внутриобщинные формы эксплуатации. Заметное проявление этих процессов фиксируется археологически лишь со средины I в. до н. э.— I в. н. э. К этому времени относятся наиболее богатые погребения междуречья Лабы и Кубани. Достаточно определенно, исходя из этих материалов, можно говорить о двух слоях кочевого населения — они различаются богатством и бедностью инвентаря, сопровождающего погребения. В качестве гипотезы можно предположить существование жреческой прослойки по трем погребениям с жезлами — моделями мирового дерева. Последние могли быть символами принадлежности к особому сословию.

Наиболее сложен вопрос о конкретных формах взаимоотношений кочевников и оседлых местных племен. Существование разных мест и форм погребения позволяет предположить обособленное существование этих двух групп, со своим образом жизни у каждой. Однако было и какое-то зависимое население в рамках союза. Об этом сообщает Тацит в связи с событиями

49 года: при осаде римлянами сиракской Успы победителям было предложено 10 тысяч рабов в обмен на жизнь для свободных [9, XII, 17]. Трактовка этого места неоднозначна [45, с. 147]. Можно ли на основе краткого сообщения определить статус так называемых рабов у сираков? Наиболее важными признаками рабства считаются следующие: 1) раб — собственность другого человека; 2) раб оторван от средств производства; 3) он работает в силу внеэкономического принуждения [46, с. 79]. Из перечисленных признаков мы располагаем сведениями только по первому, да и то характер собственности неясен — может быть, здесь какая-то форма коллективной зависимости. Так что ответ на поставленный вопрос будет отрицательным. Остается констатировать только наличие зависимого населения. Никаких археологических данных по этому поводу мы не имеем.

До начала нашей эры активность племен сиракского союза носила в определенной степени подчиненный (пассивный) характер — их чаще привлекали как союзников в тех или иных событиях. Так было и в 35 г. н. э., когда царь Иберии Фарасман призывал на помощь сарматов в борьбе с Парфией: «Фарасман... призывает сарматов, князьки которых, получив дары с обеих сторон, **по обычаю** своего племени помогли и тем и другим» [9]. Это описание разительно отличается от известных в последующее время опустошительных походов алан. Найденная в первом Зубовском кургане (I в. н. э.) серебряная фиала с надписью о принадлежности храму в Фасисе скорее всего связана с названными событиями.

Заключив союз с Митридатом VI, вожди сиракского союза показали себя противниками Рима. Продолжение этой политики в I в. н. э. привело союз во главе с сираками к политическому и военному краху. В 40-х годах I в. н. э. сираки во главе с царем Зорсином поддержали претендента на Боспорский престол Митридата VII Боспорского, противника римлян. По словам Тацита, Зорсин **«возобновил** враждебные к ним (римлянам; выделено мною. — *А. Ж.*) отношения» [9, XII, 15]. Дальнейшее описание Тацита показывает, что ситуация как внутри сиракского союза, так и в целом на Северном Кавказе изменилась по сравнению с предшествующим временем. Умело используя политику «разделяй и властвуй», римские военачальники обращаются к вождю аорсов Эвнону. В результате военных действий в 49 г. н. э. сираки терпят сокрушительное поражение. Достоверность описанных событий не вызывает сомнений. Ю. М. Десятчиков считает, что Тацит был знаком с официальными документами и военными донесениями [47].

Вероятно, еще до открытого столкновения между двумя союзами племен — сиракским и аорским — возникла напряженность.

Проникновение на сиракскую территорию какой-то части поволжских аорсов со II в. до н. э. отмечено захоронениями в виде катакомб и подбоев. К I в. н. э. внутренние процессы, видимо, вывели северокавказских аорсов на тот уровень, когда их не удовлетворяло сложившееся положение, они рвались к установлению собственного контроля над перевалами Кавказа и непосредственных контактов с Боспором. Благоприятная обстановка сложилась в середине I в. н. э., чем аорсы незамедлительно воспользовались.

Археологические материалы полностью подтверждают такую картину. Со второй половины I в. н. э. в Закубанье полностью отсутствуют захоронения сиракского типа. То же отмечается и на других территориях союза, в частности, в терско-сунженском междуречье [20, с. 161]. Как эти события отразились в археологических степных памятниках к северу от Кубани, пока неясно, материал еще не опубликован.

Таким образом, сираки утрачивают свою роль в союзе, перестают быть его решающей силой. Определенные изменения прослеживаются по материалам грунтовых могильников. И. С. Каменецкий считает, что «где-то в I в. н. э. меотское население начинает покидать правый берег Кубани и Приазовье» [17, с. 87—88], появляясь в Подонье. Может быть, это «организованное» переселение происходит с целью разобщить своих бывших противников, подорвать основы прежнего союза. А Подонье издавна считалось местом обитания аорсов [1].

Литература

1. Страбон. География. М., 1964.
2. Виноградов В. Б. Описание Северного Кавказа в «Географии» Страбона (XI, V, 1—8) // Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. науки. 1975. № 4. С. 36—43.
3. Мачинский Д. А. Некоторые проблемы этнографии восточноевропейских степей во II в. до н. э. // АСГЭ. 1974. Вып. 16. С. 122—132.
4. Плиний. Цит. по: Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1949. № 2.
5. Скржинская М. В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977. 128 с.
6. Виноградов В. Б. Сиракский союз племен на Северном Кавказе// СА. 1965. № 1. С. 108—121.
7. Смирнов К. Ф. Сарматы Нижнего Поволжья и междуречья Дона и Волги в IV в. до н. э. — II в. н. э. (историко-археологический очерк) // СА. 1974. № 3. С. 33—44.
8. Десятчиков Ю. М. Процесс сарматизации Боспора: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1974. 22 с.
9. Тацит. Анналы. Цит. по: Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1949. № 3.
10. Виноградов В. Б. Локализация Ахардея и сиракского союза племен (по письменным источникам) // СА. 1966. № 4. С. 38—50.
11. Ждановский А. М. История племен Среднего Прикубанья во II в.

до н. э. — III в. н. э. (по материалам курганных погребений): Дис... канд. ист. наук. М., 1985.

12. Козенкова В. И. Комплексы сарматского времени из станицы Ново-Титаровской (Краснодарский край) // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. С. 72—91.

13. Марченко И. И. Впускные сарматские погребения Правобережья Кубани (Калининская курганная группа) // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984. С. 37—71.

14. Скрипкин А. С. Два погребения раннего железного века из Прикубанья//Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 218—224.

15. Виноградов В. Б. Об интерпретации сарматских погребальных памятников Предкавказья III в. до н. э.—I в. н. э. // СА. 1968. № 1. С. 48—55.

16. Смирнов К. Ф. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья // КСИИМК АН СССР. 1952. Вып. 46. С. 3—18.

17. Каменецкий И. С. Население Нижнего Дона в I—III вв. н. э.: Дис... канд. ист. наук. М., 1965.

18. Диодор Сицилийский. Библиотека. Цит. по: Латышев В. В. Известие древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 4.

19. Десятчиков Ю. М. Арифарн, царь скифов // История и культура античного мира. М., 1977. С. 45—48.

20. Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа // Тр. Чечено-Ингушского НИИ. Т. 6. Грозный, 1963. 224 с.

21. Десятчиков Ю. М. Сарматы на Таманском полуострове // СА. 1973. № 4.

22. Кондратьев И. И. Сирийские бусы в погребениях Северного Причерноморья в античное время // Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней: Тез. докл. М., 1984.

23. Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. 184 с.

24. Десятчиков Ю. М. Процесс сарматизации Боспора: Дис... канд. ист. наук. М., 1974.

25. Ждановский А. М. Назревание проблемы социально-политической истории меотов Прикубанья // Археология и краеведение—вузу и школе. Грозный, 1981. С. 31—32.

26. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. 624 с.

27. Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984. 303 с.

28. Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа (материалы и исследования по археологии СССР). М., 1962. Вып. 106. 137 с.

29. Петренко В. А. Культура населения Среднего Притеречья в сарматскую эпоху (III в. до н. э. — IV в. н. э.): Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1980. 22 с.

30. Кореняко В. А., Найденко А. В. Погребения раннего железного века в курганах на р. Томузловке (Ставропольский край) // СА. 1977. № 3. С. 230—248.

31. Мирошина Т. В. Сарматские погребения Александровского района Ставропольского края // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1985. Вып. 184. С. 95—100.

32. Анфимов Н. В. К вопросу о восточной границе меотских племен и центре сиракского союза в Прикубанье // Девятые Крупновские чтения по археологии Кавказа: Тез. докл. Элиста, 1979.

33. Каменецкий И. С. Разведки в Усть-Лабинском районе в 1982 г.// Материалы к научно-практическому семинару археологов на тему: «Итоги полевых исследований археологических памятников Краснодарского края в 1982—1983 гг. и задачи на 1984—1985 гг.». Краснодар, 1984. С. 9—10.

34. Каменецкий И. С. Разведки и раскопки в бассейне Кубани//Археологические открытия 1982 года. М., 1984. С. 121—122.

35. Анфимов Н. В. К вопросу о сарматизации Прикубанья // Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа: Тез. докл. Махачкала, 1975. С. 49—51.
36. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. 284 с.
37. Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965. 952 с.
38. Волков И. Г. Об этнической принадлежности впускных погребений в курганах бронзового правобережья р. Кубань // Восьмые Крупновские чтения по археологии Кавказа: Тез. докл. Нальчик, 1978. С. 35—36.
39. Сокольский Н. И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. 128 с.
40. Аппиан. Митридатовы войны. Цит. по: Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1948. № 1.
41. Молев Е. А. Митридат Евпатор. Создание Черноморской державы. Саратов, 1976. 75 с.
42. Хазанов А. М. «Военная демократия» и эпоха классообразования // Вопросы истории. 1968. № 12. С. 87—97.
43. Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л., 1976. 191 с.
44. Авербух М. С. Войны и народонаселение в докапиталистических обществах. М., 1970. 216 с.
45. Грантовский Э. А. Проблемы изучения общественного строя скифов // ВДИ. 1980. № 4. С. 128—155.
46. Коростовцев М. А. Рабовладельческая формация в свете исторического материализма // Проблемы социально-экономических формаций: Историко-типологические исследования. М., 1975. С. 78—89.
47. Десятчиков Ю. М. Митридат Боспорский и Зорсин Сиракский // Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье: Тез. докл. М., 1981. С. 49.

К ВОПРОСУ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ С РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ

Ю. Е. ЖУРАВЛЕВ

В начале II в. до н. э., когда Рим распространил свое политическое влияние в Восточном Средиземноморье, возникла реальная возможность для включения в сферу римских интересов и Северного Причерноморья, но начало политических связей Северного Причерноморья с Римом принято относить лишь к периоду Митридатовых войн [1, с. 5; 2, с. 13]. На возможность более ранних контактов указывают сообщения двух античных авторов: текст Тита Ливия дает основание предположить, что река Танаис была упомянута в качестве пограничной реки в Апамейском мирном договоре, который Римская республика заключила в 188 г. до н. э. с селевкидским царем Антиохом III [3, 38]. Полибий [4, XXV, 2] сообщает об участии сарматского царя Гатала в договоре малоазийских государств, заключенном в 179 г. до н. э. при посредничестве Рима. Эти сообщения, не подтвержденные другими источниками, не получили убедитель-

ного объяснения, и их значение для истории внешнеполитических связей античного Северного Причерноморья остается неопределенным.

Попытаемся выяснить, насколько реальны события, о которых сообщают Ливий и Полибий, для римской политики начала II в. до н. э. В этой связи нам придется обратиться к восточной политике Римской республики и, хотя бы кратко, проследить ее развитие в конце III—начале II в. до н. э.

Началом восточной политики Рима современная историография признает Иллирийские войны (229 и 219 гг. до н. э.), в которых Рим преследовал сначала ограниченную цель: обеспечение плавания римских судов в Адриатике и устранение угрозы для Италии со стороны Македонии и Иллирии [5, с. 66]. Выполнение этих оборонительных задач привело к появлению римских легионов на Балканах и созданию плацдарма на восточном побережье Адриатики. Таким образом, римская оборона на Балканах перерастала в агрессию [5, с. 70] Основным противником Рима здесь была Македония. Опасность со стороны Македонии усилилась в годы Второй Пунической войны, когда армия Ганнибала в течение многих лет действовала на территории Италии. Первые победы Ганнибала послужили македонскому царю Филиппу V сигналом к началу враждебных действий против Иллирии и подготовке вторжения в Италию. В 215 г. до н. э. македонский царь заключил союз с Ганнибалом. Началась Вторая Македонская война, которую Рим вел параллельно с тяжелой для него Ганнибаловой войной. Не удивительно, что война с Македонией для Рима вначале имела по необходимости оборонительный характер, и Рим искал себе союзников в греческом мире. В ходе войны Рим заключил направленный против Македонии союз с греческими государствами Этолией, Спартой, Пергамом, Элеей, Иллирией, Фракией и Мессенией [3, XXVI, 24]. Договор о союзе, заключенный в 212—211 гг. до н. э. претором Валерием Левином, показал расширение сферы политических интересов Рима в греческом мире: в число союзников были включены далекие от Адриатики Фракия и Пергам. Основная тяжесть войн легла на плечи союзников, которым Рим, занятый борьбой с Ганнибалом в Италии, помогал мало. В 205 г. до н. э. римляне вынуждены заключить мир, после того, как их главный союзник — Этолия — вышел из войны. По условиям мира Рим терял часть своих владений в Иллирии. Однако более важным результатом войны было установление союзных отношений Рима с рядом греческих государств. В число участников мирного договора с римской стороны включены его военные партнеры, а также Афины и малоазийский город Илион [3, XXIX, 12]. Включение в договор незначительного малоазийского города говорит о далекоидущих

планах римской дипломатии. Ближайшая цель Рима — ревизия итогов Первой Македонской войны. Поводом к новой войне против Македонии послужило обращение к нему греческих союзников за помощью против македонской агрессии: Филипп V предпринял захватнические действия в районе черноморских проливов и в Малой Азии. Рим, видимо, охотно откликнулся на просьбы Пергама, Родоса и Афин. Недавно заключенные союзные договоры с греческими государствами дали практические результаты. Рим вступил во Вторую Македонскую войну как защитник греческой свободы (200—197 гг. до н. э.).

С этого времени можно говорить о черноморском направлении в восточной политике Римской республики. В ходе войны римский флот вместе с флотами Пергама и Родоса обеспечивал господство союзников в Эгейском море, а на суше решающей победы добился консул 198 г. до н. э. Тит Квинкций Фламинин. Ситуация менялась в связи с появлением нового претендента на район черноморских проливов. Селевкидский царь Антиох III, пользуясь трудным положением Македонии, терпящей поражение от Рима, в течение 198—196 гг. до н. э. овладевал зоной малоазийского побережья, включавшей Киликию, Ликию, часть Карии, Ионию и Троаду. В 196 г. до н. э. войска Антиоха III переправились в Европу и захватили Фракию [3, XXXIII, 38]. С этими событиями связана попытка союзников Рима — родосцев — воспрепятствовать захвату проливов Антиохом III. Наступление селевкидских войск в районе проливов ускорило заключение мира между Римом и Македонией, причем Филипп V получил мир на сравнительно мягких условиях. Список городов, которые Филипп должен был освободить по условиям мира, также свидетельствует о внимании, проявленном римлянами к району проливов [4, XVIII, 44].

На первый план после окончания Второй Македонской войны выдвигались римско-селевкидские отношения. Большое место в дипломатической борьбе между сенатом Рима и селевкидским правительством занимал район проливов. Большинство городов Малой Азии без сопротивления признали власть селевкидского царя, но два года — Смирна и Лампсак — отказались подчиниться, и Антиох III не мог преодолеть их упорство ни силой, ни дипломатическими средствами. К тому же Лампсак при посредничестве массалиотов направил посольство в Рим с просьбой к сенату включить город Лампсак в мирный договор с Македонией и гарантировать его свободу. Селевкидскому посольству, прибывшему в Коринф, где находился римский командующий Тит Кв. Фламинин, было предъявлено требование освободить захваченные им птоломеевские и македонские владения в Малой Азии, а также свободные города Малой Азии [4, XVIII, 47]. Рим-

ское посольство отправилось в Лизимахию для встречи с царем, провозглашая свободу городов фракийского побережья, ранее принадлежащих Македонии. Со своей стороны Антиох III объявил о твердом намерении закрепиться в европейской Фракии, где Лизимахия должна была отныне стать резиденцией его сына Селевка.

Дискуссия в Лизимахии определила позиции сторон, которые они затем отстаивали в дипломатической борьбе, продолжавшейся до начала военных действий в 192 г. до н. э. Римляне считали всю Европу сферой своих политических интересов и появление селевкидских войск во Фракии рассматривали как угрозу своим интересам. В то же время они считали возможным вмешиваться в отношения Антиоха III с городами Малой Азии и выступили перед царем в защиту их независимости [6, с. 51—52]. Борьба велась по поводу Лизимахии, Смирны и Лампсака. Первый из этих городов — опора Селевкидов во Фракии. Два других сопротивлялись подчинению власти Антиоха III, опираясь на поддержку Рима [7, с. 81—99]. Назревала война, и селевкидский царь искал союзников, главным образом в Малой Азии. Источники сообщают, что помимо династического брака с дочерью египетского царя Антиох III установил дружественные отношения с царем Каппадокии Ариаратом, укрепил связи с галатами, стремился заручиться поддержкой Византия и других греческих городов, перед которыми он выступал в роли защитника от варваров [8, с. 189]. Однако получить поддержку большинства государств Балканской Греции Антиоху III не удалось: римская политика в Греции привлекла симпатии большинства греческих рабовладельцев на сторону Рима. В других случаях действовал страх перед военной мощью Рима. В военном столкновении Рим быстро доказал свое превосходство перед державой Селевкидов. После поражения при Магнезии в 190 г. до н. э. Антиох III вынужден был просить мира.

Какие выводы мы можем сделать из этого краткого обзора восточной политики Римской республики в период между 230 и 190 гг. до н. э.? За четыре десятилетия римская политика в греческом мире прошла несколько этапов: от локального конфликта в Иллирии к установлению политического контроля Рима над всем Восточным Средиземноморьем. Для римской политики на протяжении всего этого периода характерно стремление к расширению сферы своего влияния: даже там, где Рим вынужден обороняться, он всегда думает о переходе в наступление. Внешнеполитические успехи достигались военными средствами, но они всегда были подготовлены римской дипломатией: в 212 г. до н. э. Рим впервые установил союзные отношения с государствами Балканской Греции и Малой Азии, в 205 г. до н. э. расширил

круг своих союзников, в годы Второй Македонской войны выступил под лозунгом свободы всех греков, вмешался в политические отношения государств Малой Азии и спустя несколько лет предотвратил попытку селевкидского царя создать антиримский союз греческих государств.

Окончание Сирийской войны и заключение Апамейского договора открыло новый этап в истории Восточного Средиземноморья. Победив две крупнейшие эллинистические державы—Македонию и царство Селевкидов, Рим сделал решающий шаг к образованию крупнейшего государства древности — Римской Средиземноморской державы. Новая политическая ситуация, сложившаяся в это время в Восточном Средиземноморье, и была отражена в Апамейском договоре.

Предмет нашего интереса—не весь круг вопросов, связанных с Апамейским договором. Все ранее изложенное необходимо для оценки интересующего нас момента: упоминания Титом Ливием реки Танаис в Апамейском договоре. Полный текст договора не сохранился. Сообщения о нем мы находим у Полибия, Диодора, Ливия и Аппиана. Только Ливий, рассказывая об установлении западной границы Селевкидского царства в Малой Азии, в качестве пограничной реки называет Танаис. Текст Ливия гласит, что Антиох обязуется очистить города и земли, селения и крепости по эту сторону Тавра до реки Танаис и от долины Тавра до хребта, поворачивающего в Ликаонию... [3, XXXVII, 35]. Однако реки с таким названием в районе Тавра и вообще в Малой Азии не было. Страбон [9, 6, 4, 2 р. 297] сообщает, что римлянам после войны с Антиохом III подчинилась Малая Азия до Тавра и реки Галис. Упоминание реки Танаис между горным хребтом Тавр и долиной того же названия у Тита Ливия не имеет объяснения, и поэтому переводчики стали исправлять Танаис на Галис. Против этого исправления решительно выступил в прошлом веке известный немецкий историк Теодор Моммзен. Он указал, что граница, проведенная по Галису и Тавру, была бы неполной и предложил идентифицировать Танаис Ливия с малоазийской рекой Кестрос. Позднейшая историография разделилась в этом вопросе на два направления: одно стремится идентифицировать Танаис с какой-либо рекой Малой Азии, а другое вернулось к исправлению Танаиса на Галис, считая упоминание Танаиса в рукописи Ливия ошибкой переписчика.

Поставим вопрос иначе. Разумеется, не вызывает сомнения тот факт, что граница Селевкидского царства не проходила по Танаису, но значит ли это, что Танаис не мог упоминаться на римско-селевкидских переговорах и в документах, связанных с Апамейским договором? Откуда же появился Танаис в тексте

Тита Ливия? Ошибка переписчика скорее привела бы к искажению названия, чем замене одного названия другим.

Политическая ситуация, сложившаяся в эллинистическом Средиземноморье в первые десятилетия II в. до н. э., и анализ восточной политики Римской республики в предшествующий период позволяют предположить, что уже в это время в Риме наметился интерес к установлению контактов с Северным Причерноморьем и могли быть предприняты действия в этом направлении. Вспомним, что на переговорах с Антиохом III перед началом войны римская дипломатия отстаивала исключительное право Рима на гегемонию в Европе. Это значит, что теоретически зона римских интересов распространялась и на Северное Причерноморье вплоть до Танаиса. Думается, не слишком смелым выглядит предположение, что именно в такой связи он мог упоминаться в сенатских протоколах, которые затем использовал Тит Ливий, допустив при этом неточность. Еще Т. Моммзен отметил в рассказе Т. Ливия об Апамейском договоре детали, которых нет у Полибия. Немецкий историк допускал здесь использование Ливием протоколов сената [10, с. 529]. Правда, расхождения между Полибием и Ливием Т. Моммзен относил за счет ошибок переписчиков, но отмечал и у Полибия противоречия в передаче содержания договора. Впоследствии в европейской науке возобладало гиперкритическое направление, в глазах которого все части произведения Ливия, не восходящие к Полибию, не представляли ценности. Современная наука уже далеко не так категорична в оценке Полибия и Ливия. Поэтому к замечанию Т. Моммзена об использовании Ливием сенатских документов об Апамейском договоре мы должны отнестись с полным вниманием.

Конечно, политическое влияние Рима на Северное Причерноморье тогда еще не распространилось, но первый шаг в этом направлении мы можем отнести как раз к рассматриваемому периоду: мы имеем в виду упоминание сарматского царя Гатала в мирном договоре 179 г. до н. э., подписанном государствами Малой Азии Понтом, Пергамом, Вифинией и Каппадокией. Трудно доказать, что инициатива привлечь сарматского царя к договору исходила от Рима, но хорошо известно, что ни один политический шаг в это время не мог быть предпринят в Малой Азии без ведома и согласия Рима.

Может показаться необъяснимым тот факт, что первые шаги Рима в направлении Северного Причерноморья отделены столетним промежутком времени от начала более активной римской политики в этом регионе, но история развития римско-родосских и римско-египетских отношений дает нам аналогичные примеры.

Родос был, вероятно, первым греческим государством, с ко-

торым установил отношения Рим. Мы узнаем об этом событии из сообщения Полибия, относящегося к 167 г. до н. э. Полибий говорит о «почти 140 годах сотрудничества» родосцев с Римом [4, XXX, 5]. Это замечание Полибия было воспринято без возражений первым исследователем истории эллинизма Дройзеном и другими учеными прошлого столетия. В 1902 г. оно было подвергнуто критике М. Олло, «исправившим» Полибия таким образом, что начало римско-родосских связей было им отнесено не к 306 г. до н. э., а к 206 г. до н. э. Лишь более полувека спустя это «исправление» было подвергнуто серьезной критике западногерманским историком Х. Шмиттом [11, с. 3—30]. Здесь не место разбирать аргументы М. Олло и возражения Х. Шмитта по поводу римско-родосских отношений. Заметим лишь, что доказательства М. Олло основаны на том, что слова Полибия о 140 годах сотрудничества Родоса с Римом не что иное, как ошибка переписчика, т. е. тот же аргумент, который фигурирует при объяснении появления Танаиса в тексте Тита Ливия, использован и здесь.

Через 30 лет после установления римско-родосских связей в Риме было встречено посольство египетского царя Птолемея II и заключен договор о дружбе (amicitia). Рим ответил на инициативу царя своим посольством. Видимо, после успешной войны с Пирром Рим рассматривался в эллинистическом мире как сила, с которой следовало считаться [11, с. 40].

Х. Шмитт полагает, что и экономические и политические интересы обеих сторон делали уже тогда вполне возможным соглашение между ними. Однако, как мы уже знаем, только в самом конце III в. до н. э. политические связи Рима с эллинистическими державами приобрели реальное значение. Мы можем допустить подобное развитие событий и для Северного Причерноморья, если даже здесь приходится говорить не о заключении договоров, а только о возможности установления контактов, в то время не получивших дальнейшего развития.

Литература

1. Голубцова Е. С. Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1957.

2. Цветаева Г. А. Боспор и Рим. М., 1979.

3. Ливий Т. История Рима от основания города. Цит. по: Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе//ВДИ. 1949. № 3.

4. Полибий. История // Там же. 1947. № 3.

5. Трухина Н. Н. Политика Рима в Восточном Средиземноморье во второй половине III в. до н. э. (229—205) // Вестник МГУ. Сер. История. 1975. № 2.

6. Bickermann E. Bellum Antiochicum. Hermes, 1932. B. 67.

7. Badian E. Rome and Antiochus the Great // Classical Philology. 1959. N 54.

8. Walbank F. W. Philip V of Macedon. L., 1967.
9. Страбон. География. М., 1964.
10. Mommsen T. Der Friede mit Antiochos und die Kriegszüge des Gn. Manlius Volso//Römesche Forschungen. Berlin, 1879. Bd. 3.
11. Schmitt H. Rom und Rodos. München, 1957.

К ДИСКУССИИ О ГРУЗИНСКОМ ВЛИЯНИИ В X—XIII ВВ. НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

В. Б. ВИНОГРАДОВ

Поиски следов социально-политического и культурного влияния Грузии в X—XIII вв. на полиэтническое население Прикубанья, как органическую часть Северо-Восточного Причерноморья всегда вызывали дискуссии среди ученых. Так, В. А. Кузнецов считает, что в свете его разработок «говорить о серьезном политическом и культурном влиянии Грузии в пределах западной Алании (а это — часть разветвленного бассейна верховьев Кубани. — *В. В.*) вряд ли приходится. Тем более не приходится говорить о вассалитете Западной Алании по отношению к феодальной Грузии даже в пору ее расцвета в XII в.» [1, с. 59—61]. Но целый ряд других ученых-алановедов, с которыми он полемизирует, придерживаются другого мнения [2—7].

Попытаюсь внести вклад в решение дискуссионной проблемы, сконцентрировав внимание читателя на некоторых авторских трактовках, касающихся отдельных комплексов и ансамблей памятников или узко-локальных районов. Существует определенная тенденция противопоставить и даже взаимоисключить грузинское и византийское влияние в отдельных областях Северного Кавказа, и прежде всего в Прикубанье. Происходит так прежде всего потому, что во главу угла анализа ставятся все еще эпизодические археолого-архитектурные объекты, главными толкователями которых выступают археологи, тогда как строго архитектурный подход к подобным источникам открывает иные, более широкие горизонты и уж во всяком случае часто не оставляет места для однозначных оценок [8, с. 111—116]. К тому же — и в этом В. А. Кузнецов совершенно прав: «История архитектуры — часть материализированной истории общества, специфически отражающая не только крупные и длительные общественные процессы, но и некоторые исторические явления. Вряд ли нужно доказывать, что архитектурное развитие не существует отдельно и изолированно от общеисторического и что одно с другим тесно взаимодействует при условии конечного примата истории» [1, с. 61].

Однако это отнюдь не обязательно «примат истории» Византии или какого-либо еще культурного феномена или даже искусственно сконструированной группы таковых. Вот почему, например, вызывает неудовлетворенность тот факт, что в обобщающей книге «Очерки истории алан» В. А. Кузнецов, наметив с помощью специальных глав пути взаимных связей алан с Ираном, Византией, хазарами и русами, совершенно устранился от комплексной оценки алано-грузинских взаимоотношений и взаимовоздействия. Но без них панорама истории алан и их государственного образования никак не может быть полна и объективна [9].

Чтобы последнего не случилось, следует стремиться восполнить этот досадный пробел привлечением другой (прежде всего—общеисторической) литературы, базирующейся на тех источниках, которые, собственно, и создают реальную канву исторических процессов и конкретных явлений.

Круг научных работ, освещающих (обычно сквозь призму древне-русско-восточных связей) взаимоотношения Грузии с Северо-Западным Кавказом, не так уж мал и принадлежит перу весьма знающих специалистов [10—14]. В нем необходимо особо выделить ценную монографию З. В. Папаскири, в которой он отмечает: «Так как взаимоотношения Грузинского царства с народами Северного Кавказа были составной частью общей северной политики Грузии, мы сочли нужным (в отдельной главе) кратко остановиться на грузино-северокавказских связях XI—XII вв. и определить место и значение этих отношений в северном направлении грузинской внешней политики в целом» [14, с. 46—102].

З. В. Папаскири впервые охарактеризовал каналы русско-грузинских контактов, в том числе собственно черноморского, обеспечивающегося способом каботажного плавания вдоль восточного побережья, и Прикубанский сухопутный, роль которого возросла в результате «завоевания Тамани и создания там русской политической единицы (Тмутараканского княжества)...» В XI—XII вв. границы Грузинского феодального государства на северо-западе находились где-то под Туапсе [14], что определяло хорошую взаимную осведомленность.

В книге убедительно показано, что «важным связующим звеном между Русью и Грузией (особенно с конца X в.) являлась Византия», чья политика была к той поре достаточно активна в Алании и Прикубанье. Автор внес, пожалуй, окончательную ясность в трактовку вопроса о «варангах» в Грузии. Таковые представляются крупной военной дружиной, пришедшей из земель Киевской Руси в 1046 г. на помощь непосредственно Багарату IV и состоявшей из русских и «варягов» (норманов).

Здесь уместно вспомнить оригинальные и довольно веские поиски возможных следов варягов и лингво-этнографической традиции адыгов Прикубанья [15], а также новые открытия Ю. М. Десятчикова на Таманском полуострове, где обнаружено и исследуется мощное городище, часть истории которого сопоставляется с деятельностью «русов» в Предкавказье в X в. н. э., имевших тут, вероятно, крупный военный «перевалочный» лагерь [16].

З. В. Папаскири далее рассмотрел «грузино-овсские» (т. е. грузино-аланские) отношения. Он очень тактично провел историографический обзор и анализ источников, сумев прийти к доказательному выводу о том, что «грузино-овсские отношения XI—XII века являются новым этапом развития связей между народами... На первом этапе (Георгий I) грузинская дипломатия не смогла добиться существенных успехов. Однако уже со времен Баграта IV намечаются определенные сдвиги, в результате которых грузинский царь к концу своего царствования оказался в силах привлечь многочисленное овсское войско для участия в военной экспедиции против эмира Гандзи. В это время уже можно проследить элементы вассальной зависимости Овсетии (т. е. Алании) от Грузинского царства. В эпоху Давида Строителя Овсетия окончательно вошла в круг вассально зависимых от Грузии стран и продолжала пребывать в нем почти целое столетие» [14, с. 57]. Автор резонно акцентирует, что в этом вопросе «в современной грузинской историографии нет принципиальных разногласий» [14, с. 57]. И неправомерно, как это делает В. А. Кузнецов, игнорировать столь авторитетное мнение.

Если же пытаться противопоставлять историческую ситуацию в «западной Алании» остальной части аланского государственного образования, то, очевидно, следовало бы учесть и особенности реальных взаимоотношений Грузии с адыгами Прикубанья, которые на основе изучения письменных источников З. В. Папаскири суммирует так: «Джики, кашаги редко упоминаются в грузинских хрониках. Несмотря на это, можно предположить, что некоторая часть и этих племен в XI—XII вв. попала под влияние Грузии. Мы обращаем внимание на тот факт, что северо-западная граница феодальной Грузии в это время доходила до Никопсии. Еще в XI в. один из грузинских авторов называл Никопсию «нашей страной — Абхазией». Давид Строитель своему сыну оставлял землю от Никопсии до Дарубандского моря. Царица Тамар владела землями от «Понтийского (Черного) моря до Гурганского (Каспийского) моря всех кавкасийцев, имеров и амеров до Хазарии и Скифии». По сообщению «Матиане», еще абхазский царь Георгий II (929—957 гг.) одного непокорного феодала отправил в Джикети для отбывания там наказания.

Кашаги примкнули к сторонникам Юрия Андреевича и Вардана Дадиани во время конфликта 1191 г. Они же перечислены среди народов, «опекаемых царицей Тамар». Приведенные факты могут засвидетельствовать распространение грузинского влияния и на этой части Северного Кавказа» [14, с. 64—66].

Немалые по объему и содержанию извлечения из монографии З. В. Папаскири вовсе не означают моей принадлежности к числу апологетов идеи создания «единой феодальной монархии в Грузии и на всем Кавказе в XI — первой половине XIII в.» [ср. 17, с. 72—76; 18, с. 167—175]. Однако, не увлекаясь естественными преувеличениями средневековых источников, нужно признать, что версия исторического процесса, отстаиваемая З. В. Папаскири, имеет серьезные основания. И нельзя делать вид, что таковых вроде и не существует, подменяя критическое исследование наличных данных хлесткими декларациями постоянного приоритета Византии.

При толковании и трезвой оценке имеющихся фактов, большое значение приобретает объективный учет роли Абхазии как транзитной территории не только византийского, но и собственно грузинского влияния на Северо-Западный Кавказ. Для периода XI—XIII вв. представляются несколько абстрактными и схоластическими споры и мнения некоторых коллег о признаках и соотношении «грузинской» и «абхазской» архитектурных традиций, «школ» как таковых в их взаимодействии на алан и касогов Прикубанья [19], об «опосредованном через Абхазию грузинском влиянии», исключающем, де, «прямое влияние из Картли» [20]. Реальность того, что с 20-х гг. XI в. Абхазия была включена в состав Грузинского государства и находилась под сильным воздействием собственно грузинской культуры [21], позволяет считать такую дискуссию в известной мере излишней, не учитывающей ясный исторический контекст.

Напомним теперь и наличные архитектурные и вещественные материалы во всем их доступном сегодня (и постепенно растущем) разнообразии.

На Ильичевском раннесредневековом городище в верховьях р. Уруп (в границах «западной Алании») М. Н. Ложкиным выявлены руины трех церквей, которые отмечены явным сходством с христианскими зданиями Закавказья, в частности Грузии [4; 5]. В 1977 г. В. А. Кузнецов писал о них: «Появление **группы грузинских памятников** (выделено мною. — *В. В.*) в хорошо освоенных византийскими миссионерами районах западной Алании вносит некоторые коррективы в наши представления о ходе христианизации этой части Алании и исторических особенностях этого процесса» [20, с. 94]. Сегодня он настаивает на «специальном исследовании» этих объектов и, всячески преуменьшая воз-

можный «политический смысл грузинского влияния», готов свести вопрос лишь к тому, что «иерархи Аланской церкви», находясь под диктатом Константинополя, но «нуждаясь в опытных строителях, **иногда** приглашали их из близлежащих и единоверных Абхазии и Грузии» [1, с. 59—60].

Не стану оспаривать возможности такого поворота дел в каких-то конкретных случаях, но следует учесть, что настойчивые изыскания М. Н. Ложкина ввели в научный оборот сведения о христианских храмах грузинской архитектурной школы и на северокавказском отрезке Черноморского побережья (Ахун, Агуа), за пределами западной Алании [22, с. 92]. Нуждается в учете и выявляемое ныне «присутствие грузинского элемента... в деталях (композиция завершений, форма, конструкция и материал покрытия зданий)» знаменитых зеленчукских храмов Алании, что связывается весьма компетентным исследователем с «вторичным строительным периодом», датируемым «не ранее XI века» [19, с. 123].

Наконец, архитектурные доводы и соображения В. Б. Бесолова [7] относительно храма Сенты в Теберде, высказанные в печати под редакцией такого знатока монументальной архитектуры Грузии и Закавказья, как В. В. Беридзе, заслуживают спокойной и деловитой оценки. Только так можно определить меру исторической достоверности отнюдь не противоестественной гипотезы, согласно которой архитектурные веяния проникали на Северо-Западный Кавказ не обязательно морским или прибрежным путем из Византии, но и «просачиваясь и преломляясь сквозь... грузинскую и, частично, абхазскую культуры, видоизменяясь в местных условиях и конкретной среде...» [7, с. 18].

Но, как теперь выясняется, источники не ограничиваются лишь архитектурными объектами. Наличие определенных и ранее не уловимых связей Грузии с Северо-Восточным Причерноморьем фиксируется данными нумизматики.

Еще недавно бытовало убеждение о полном отсутствии к северу от Главного Кавказского хребта каких-либо грузинских монет первых трех веков II тысячелетия н. э. Размышляя над этим «странным на первый взгляд фактом», Е. И. Крупнов писал: «Надо помнить, что период наивысшего расцвета средневековой грузинской культуры и государственности — XI — XIII вв. — одновременно является и временем прекращения чеканки серебряных монет», которая «возобновилась только при царице Русудан в 1230 году. А медные монеты, чеканившиеся в предшествующий период в Грузии, были абсолютно бесформенными и вряд ли могли привлечь внимание горских красавиц как украшения. В монетах же как в денежных знаках горские общества, даже будучи вассальными Грузии, пока потребности не

испытывали» [23, с. 140—141]. Эта схема как будто бы подтверждалась и тем, что в Киевской Руси не было известно грузинских монет позднее X в. (тбилисских Джафаридов и Давида Куропалата) [23—25].

Теперь, однако, положение дел существенно изменилось [26]. Выплыл из забвения случай 1848 г., когда «при постройке российского укрепления Хадыженского Майкопского отдела на Кубани найдено более 500 медных монет Русудани 1227 г.» [27, с. 54, № 135]. В 70-е годы нашего столетия в г. Азове Ростовской области была найдена «серебряная монета Багратиони: Русудан, 1227 г.» [28, с. 47]. Эти яркие (хотя и все еще эпизодические) находки делают отнюдь не безнадежными наши ожидания дальнейшего пополнения коллекции грузинских монет в Прикубанье и Восточной Европе вопреки логике цитированных выше мнений.

Представляется, что все приведенные выше факты неизбежно должны поставить под сомнение уверенность В. А. Кузнецова «о проникновении закавказско-грузинского влияния» только «в район западной Алании, ограниченный пока верховьями р. Уруп» [1, с. 60]. Учет их должен помочь уяснению реального соотношения византийского и грузинского влияния на Северо-Западном Кавказе в X—XIII вв., которое до сего дня допускалось как бы теоретически.

Остается упомянуть и о некоторых нюансах «Аланского послания» епископа Феодора, относящегося ко времени между 1222 и 1240 гг. [29, с. 11—27] и многократно привлекавшегося В. А. Кузнецовым для доказательства постоянного византийского влияния на положение дел в Аланской епархии. Однако в действительности ситуация была (как то и должно) значительно сложнее. Это легко улавливается в сюжете послания, «содержавшего в себе живые и современные свидетельства об аланах» [29].

После ряда дорожных мытарств по пути из Никеи Феодор прибыл, наконец, к месту назначения («следует полагать, — поясняет В. А. Кузнецов, — в ущелье Большого Зеленчука», т. е. в центр Западной Алании—9, с. 210). Там-то он и обнаружил, что какой-то купец из страны лазов воспользовался отсутствием епископа в Алании и, объехав всю страну, сам рукоположил священников, а себя объявил епископом. После появления Феодора он скоро ретировался в Лазику.

Горько сетуя по поводу того, что аланы могли поверить «самозванцу» (а именно так аттестовал его Феодор как «истинный» иерарх церкви), священнослужитель сокрушался, что «между ними есть люди, пережившие смену трех епископов, а теперь видят меня—четвертого». Далее Феодор сообщает, что вынужден

рукоположить многих лиц из тех, которые были рукоположены самозванцем, «так как опасность грозила всей церкви...»

Все эти коллизии, по моему разумению, плохо укладываются в конъюнктурно-наивную версию Феодора о «самозванстве» некоего лазского «купца», а скорее выдают соперничество двух церквей в стремлении установить свой контроль над Аланской епархией. Оригинальную и убедительную, как представляется, интерпретацию этого случая предложил М. К. Джиоев [30]. В ней нет места доверчивому восприятию жалоб и субъективных толкований епископа Феодора. Вопрос решается именно в плоскости реального столкновения интересов византийской и грузинской церквей в целях борьбы за преобладающее влияние среди алан, переживших ужас первого знакомства с монголо-татарской агрессией. И «опасность» всей системы церковно-византийского диктата на Северо-Западном Кавказе возникла не вдруг, а была подготовлена ходом предшествующих событий.

Данная небольшая статья меньше всего претендует на роль решающей в развернувшейся дискуссии о грузинском влиянии на Северо-Восточное Причерноморье в X—XIII вв. Ее цель скромна: путем сводки фактов и существующих исследовательских их трактовок поставить назревшую и ранее упускавшуюся проблему не только грузино-западноаланских, но и грузино-адыгских, грузино-русских связей на Северо-Западном Кавказе конца раннего средневековья, потому что сводить вопрос лишь к постоянной и безоговорочной политико-конфессиональной доминанте Византии уже нельзя.

Литература

1. Кузнецов В. А. Алания и Византия // Археология и традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе, 1985.

2. Дьячков-Тарасов А. Н. Сентинский храм и его фрески // Кубанский сб. Т. V. Екатеринодар, 1899.

3. Зардалишвили Г. К установлению некоторых географических наименований Клухорского района // Изв. Всесоюз. геогр. об-ва. Т. 84. Вып. 3. Л., 1952.

4. Ложкин М. Н. Новые памятники средневековой архитектуры в Краснодарском крае // СА. 1973. № 4.

5. Ложкин М. Н. Каменная алтарная преграда храма № 1 Ильичевского городища XII—XIII вв. в Отрадненском районе Краснодарского края // Второй Междунар. симпоз. по грузинскому искусству. Тбилиси, 1977.

6. Виноградов В. Б. Новое о периодизации и характере грузино-северокавказских историко-культурных связей // Четвертый Междунар. симпоз. по грузинскому искусству. Тбилиси, 1983.

7. Бесолов В. Б. Архитектура храма Сенты и многоаспектное сравнение его с памятками христианского Востока и Византии // Там же.

8. Гольдштейн А. Ф. Еще раз об изучении памятников архитектуры в горах Северного Кавказа // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984.

9. Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.
10. Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
11. Анчабадзе З. В. и др. Очерки истории горских народов Кавказа. Тбилиси, 1969 (на груз. яз.).
12. Папаскири З. В. Варанги грузинской «Летописи Картли» и некоторые вопросы русско-византийских контактов //История СССР. 1981. № 3.
13. Новосельцев А. П. Киевская Русь и страны Востока // Вопросы истории. 1983. № 5.
14. Папаскири З. В. У истоков грузино-русских политических взаимоотношений. Тбилиси, 1982.
15. Лавров Л. И. Возможный след варягов на Северо-Западном Кавказе // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Май, 1978 г. Л., 1978.
16. Археологические открытия 1985 года. М., 1986.
17. Шавхелишвили А. И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами (с древнейших времен до XV в.). Грозный, 1963.
18. Виноградов В. Б., Саламов А. А. Об одной попытке освещения грузино-вейнахских связей // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1966.
19. Перфильев Л. А. Архитектурные памятники средневековой Алании // Тез. докл. конф. «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье». М., 1981.
20. Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977.
21. Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии. Сухуми, 1959.
22. Ложкин М. Н. Христианские памятники домонгольского периода как источники изучения внешних связей народов Северо-Западного Кавказа // Тез. докл. конф. «Культурные взаимосвязи...» М., 1981.
23. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.
24. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических) / Сост. А. Марков. Спб., 1910.
25. Капанадзе Д. Грузинская нумизматика. М., 1955.
26. Виноградов В. Б. Монетные находки — малоизвестный источник о грузино-северокавказских связях (в печати).
27. Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. I. Баку, 1926.
28. Федоров-Давыдов Г. А. Новые находки восточных монет VIII—XIII вв. на территории Восточной Европы//Эпиграфика Востока. Т. XIII. Л., 1985.
29. Епископа Феодора «Аланское послание» / Пер. Ю. Кулаковского // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XXI. Одесса, 1898.
30. Джиоев М. К. Алания в XIII—XIV вв.: Дис. ...канд. ист. наук. М., 1982.

АЗОВСКАЯ ЭПОПЕЯ: ПОСЛЕДНИЕ ОПЕРАЦИИ ДОНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ФЛОТА

В. Н. КОРОЛЕВ

Героическая Азовская эпопея донского казачества включает в себя взятие Азова в 1637 г., период казачьего Азова, который стал столицей Войска Донского и его военно-морской базой, зна-

менитое осадное сидение, закончившееся 26 сентября 1641 г. славной победой казаков и крупным поражением турецко-крымских войск, последний период пребывания донцов в Азове и, наконец, оставление его в 1642 г. Эта эпопея получила широкую известность в странах Европы и Азии и имела многообразные последствия как для Османской империи и Крымского ханства, так и для самого казачества; она затронула и русско-турецкие и польско-турецкие отношения. Неслучайно взятию казаками Азова и последующей его обороне посвящены специальные работы [1—7]. К сожалению, роль донского казачьего флота в Азовской эпопее до последнего времени не изучалась, хотя без применения судов донцы не могли ни взять эту крепость, закрывавшую выход в Азовское море, ни защищать ее, не говоря уже о том, что в 1637—1642 гг. Азовский порт являлся исходным пунктом всех донских казачьих экспедиций на море.

Плохо сохранившиеся источники не позволяют раскрыть все детали этих военно-морских операций и, по всей вероятности, даже не упоминают некоторые походы, но тем не менее дают возможность выявить характерные черты и особенности применения Войском Донским своего флота в те или иные периоды Азовской эпопеи. Настоящей статьей автор заканчивает цикл исследований [8, 9], посвященных действиям донского казачьего флота в 1637—1642 гг., и предпринимает попытку охарактеризовать их в самом конце эпопеи. При этом надо иметь в виду, что обстоятельства ухода казаков из Азова и возвращения туда турок подробно еще никем не рассматривались, и если о морских кампаниях донцов 1637—1941 гг. мы знаем очень мало, то о военно-морских операциях казаков в период между осадным сидением и оставлением города известно еще меньше.

Обычно считают, что после Азовского осадного сидения до самого оставления Азова, т. е. осенью 1641 и весной 1642 г., донцы в море не выходили и операций на судах не производили. По сводке Ю. П. Тушина, например, в 1642 г. донские казаки не совершали вовсе морских походов [10, с. 166]. Казалось бы, так оно и должно было быть: потери азовских «сидельцев» были огромны, город лежал в руинах, силы Войска Донского истощены. Казак Петр Федоров рассказывал в Посольском приказе в Москве, что, когда отходивший от Азова османский флот попал в страшный шторм и на берег было выброшено восемь кораблей с «запасами многими», донцам «возить... тово запасу (было. — *В. К.*) не на чом: которые де у них были суды, и те де все розбиты в осаду...» [11, с. 377—378]. Согласно турецкому современнику и участнику Азовской осады Эвлии Челеби, от окончания Азовского сидения до самого оставления города казаки будто бы «из страха перед татарами не могли высунуться из крепости» [12, с. 39].

Но эти показания источников не следует понимать буквально. Факты говорят о том, что в Азове осталась, хотя и небольшая, часть казачьих судов, и кроме того суда, в том числе морские, были в Черкасске и других городках, расположенных вверх по течению Дона. Несомненно, какая-то часть поврежденных судов была отремонтирована после сидения, а возможно, построены и новые; не воспользоваться ими донцы не могли. Тот же П. Федоров в некотором противоречии с цитированным утверждением говорил, что «у ково де после осады остались будары, и те де для запасу (турецкого. — *В. К.*) ездили и тово запасу привезли» [11, с. 378]. По П. Федорову, казаки сняли с выброшенных на сушу османских кораблей сухари и муку, а показания атамана Наума Васильева (Шелудяка) и «Документальная повесть об Азове» говорят о взятых пушках, порохе, свинце, «приступных мудростях», казне «турского царя», железе, кирпиче и извести (донцы «розбитое место града кирпичем тем и известью заделали») [2, с. 91; 13, с. 394].

9 октября 1641 г. Войско нашло в себе силы послать «...своих донских казаков стругами и бударами на море для проведыванья турских и всяких воинских людей». Казаки, по сведениям войсковой отписки, адресованной царю, захватили в бою большой «беломорский» (средиземноморский) корабль, «...на том бою многих турских людей побили и языков раненых поимали...» Пленники, вскоре скончавшиеся («потому что на взятье вельми были ранены»), дали показания об отходе турок от Азова и османских потерях при осаде крепости—«не дочлися», де, 70 тыс. погибших. Вероятно, об этом же походе писал 28 марта 1642 г. в челобитной царю атаман Аввакум Сафонов: «...мы... ходили на море за турскими людьми, и... многих турских людей побили, и каторги, и суды мелкие, и карабль з запасы и с снарядом у них поймали...» [11, с. 285, 313].

С ранней весны 1642 г. казаки возобновили морские разведывательные поиски, хотя донская станица в Москве уверяла правительство, что Войско, ослабевшее в ходе сидения, не сможет весной снарядиться на море [14, с. 138]. Видимо, слишком важная задача стояла перед донцами — определить намерения турецкого командования — чтобы не попытаться получить разведывательную информацию. Морской театр представлял первостепенный интерес, поскольку, как показал опыт 1641 г., именно флот мог доставить к Азову большую неприятельскую армию, тяжелые орудия, боеприпасы, инженерное оборудование и продовольствие для сухопутных войск.

27 марта Войско послало «...казаков на море стругами, а конных степью под Крым, под их села и деревни, для подлинных языков, что в области турского царя и в Крыму деетца».

Посланные на море и в степи «многих... языков турских, и крымских, и горских черкес поимали» [11, с. 449—450]. Пленники были подвергнуты допросу.

На «святой неделе» (Пасха в 1642 г. была 10 апреля) под командованием атамана Осипа Петрова (Калуженина) вышли в море 11 стругов, которые вошли в Керченский пролив, били на села «позади Керчи, которые... блиско моря стоят», на селе и деревни в других мечтах «на крымской стороне», взяли здесь много языков и 7 мая благополучно вернулись в Азов. Захваченные пленники показали, что турки намереваются, если казаки не отдадут крепость, ставить свои города на Мертвом Донце в 5—10 верстах выше Азова и на Каланче «выше Азова в версте или мало больши», что эти намерения уже начали осуществляться, что турки морем и сушей, а крымцы «коньми» идут на Дон, что галеры уже везут лес для постройки города на Мертвом Донце. Показания пленных подтверждались тем, что казаки сами видели заготовленный в прибрежных пунктах «на городовое дело» лес и даже во многих местах его пожгли [11, с. 427, 428, 430, 445, 446].

В апреле или мае (точно определить дату не удается, но во всяком случае до 23 мая) донцы, услышав, что к «Тайганрогу» пришли трое татарских мурз, направлявшихся со своими людьми на Азов, послали в разведку к этому месту 70 конных казаков и один струг [11, с. 447—448]. Результаты этой морской экспедиции, к сожалению, не нашли отражения в источниках.

Таким образом, нам известно уже о трех морских разведывательных походах казаков весной 1642 г., но вполне возможно, что экспедиций было больше: угрожавшая обстановка требовала получения все новых и новых разведывательных данных [1].

28 апреля 1642 г. на переговорах в Посольском приказе с атаманами донских станиц, находившихся тогда в Москве, Н. Васильевым (Шелудяком) и А. Сафоновым обсуждался вопрос о посылке на Дон трех дворян с извещением о царском решении оставить Азов; один из них должен был поехать с грамотой в Азов, второй — по оставлении казаками крепости выйти навстречу туркам морем, а третий — навстречу крымцам степью, причем два последних должны были сказать мусульманам, «чтоб они к Азову не ходили, а поворотилися б назад, чтоб им, атаманам

[1] В 1642 г. татары пленили нескольких человек из числа казаков, совершавших нападения на побережье Крыма; пленники показали, что на Дону живут всего лишь две недели, в круг не допущены и о планах Войска ничего не знают [15, с. 208]. Так ли это было на самом деле или казаки просто не захотели давать информацию, а также, в каких конкретных экспедициях они участвовали, определить невозможно. Непонятно, что имел в виду П. П. Сахаров под «неудачными морскими походами 1642—1643 годов» [16, с. 146]: сведений о неудачных походах 1642 г. в источниках нет.

и казакам, от них тесноты не было». Н. Васильева и А. Сафонова спросили, проводят ли донцы этих двух дворян навстречу неприятелям? Атаманы отвечали, что «они за то иматца не смеют и иматца им не мочно, потому что им всем турские и крымские воинские люди гораздо грубны, а они (казаки. — *В. К.*) люди вольные, в неволю никово послать не мочно. А своею волею нихто ехать не посмеет и не похочет, потому что де им турские и крымские люди никак не смолчат, побьют». Атаманы заявили, что судно для второго дворянина казаки сыщут, но «надобно де в то судно кормщик да гребцов и провожатых навычных людей, которым бы морской ход был за обычай, по меньшей мере 30 человек. ...Только де они (атаманы станиц. — *В. К.*) про то ведают подлинно, что атаманы и казаки проводить... никак не поедут, бояся турских... людей убойства, а в неволю никово послать не мочно» [11, с. 330]. Переговоры лишний раз показали, что Войско Донское располагало тогда определенным числом судов.

Когда рассматривался вопрос об отправке русских дворян, казаки уже «возились» из Азова на Махин остров [11, с. 365, 428, 429, 447] [2]. Решение об уходе из крепости было принято, несомненно, в войсковом кругу. Эвлия Челеби даже приводит

[2] Местоположение острова в точности не известно, и существуют различные версии на этот счет. Обычно полагают по схожести названий, что речь идет о районе современного хутора Махина (левобережье Дона). Мы знакомы с неопубликованным исследованием А. А. Колесникова (1986 г.), который также пришел к выводу о большой вероятности расположения Махина острова в окрестностях хутора Махина. По мнению А. А. Колесникова, поскольку перемещение казаков из Азова на Махин происходило во время половодья, они могли подниматься на судах вверх не только по Дону, но и по другим, полноводным в тот период речкам; исследователь не исключает, что донцы поднялись к Махину по Койсуге. В этой связи приведем сообщения источников о местоположении Махина острова. Согласно показаниям воронежцев, бывших в 1641 г. в Азове, остров располагался «ниже Монастырскова яру», а по данным усманского атамана Сергея Кокорева — «меж Нижнева городка (Монастырского? Бодка? — *В. К.*) и Черкаскова». Белгородские разведчики, посылавшиеся в 1641 г. на Дон, свидетельствовали, что казаки перевозились из Азова «вверх, пониже Черкаского городка, и у яру на Махин остров». Донской атаман Осип Лосев в 1644 г. писал в челобитной царю, что казаки «из Озова города вышли и поселились на Дону, на Монастырском острову». На Махин из Азова донцы вывезли всю церковную утварь и устроили там часовню; известно, что после сидения на Монастырском острове существовала часовня, иконы которой сгорели при взятии Монастырского городка турками в 1643 г. [11, с. 365, 366, 428, 429, 447, 580, 587]. Приведенный материал создает впечатление, что Махин остров либо включал в себя Монастырский остров, либо являлся его частью, либо имел два названия (Махин и Монастырский), либо, наконец, оба острова были расположены совсем рядом. На карте, составленной спустя столетие после Азовской эпопеи («лонкарт, сочинена сего 1748 году в сентябре месяце»), ерик Монастырский окружает два правобережных острова, которые находятся по соседству и разделяются безымянным ериком [17, л. 1]; есть искушение считать, что это как раз Махин и Монастырский острова.

речи казаков на «совещании азовских кяфиров», но содержание этих речей передано, разумеется, далеко не текстуально и скорее всего даже измыслено самим турецким автором; впрочем, в кругу, действительно, должны были говорить о тяжести положения Азова и о том, что «на подходе османы с флотом и войском, подобным морю» [12, с. 39]. Важно отметить, что перевоз имущества осуществлялся главным образом на судах, и здесь казачий флот сыграл определяющую роль. «Забрав все свои пушки, ружья, луки и стрелы, они (казаки. — *В. К.*), — говорит Эвлия Челеби, — живо погрузили их на речные суда и решили бежать. Они постановили идти берегом реки Дон (вдоль берега. — *В. К.*) в крепости Черкес-керман, Хорос-керман, Тузла-керман и другие» [12, с. 39—40] [3]. Думаем, что в эвакуации участвовали не только речные, но и морские суда казаков.

Около 1 мая 1642 г., согласно показаниям бывших в Азове воронежских казаков, донцы «...из Азова вышли вон з женами и з детьми, и образы и норяд (артиллерию. — *В. К.*) вывезли, и учали де жить на Махине острову...» Азов не был, однако, покинут полностью, поскольку там была оставлена особая казачья застава, о которой источники говорят следующим образом: «...а живут де в Озове донския казаки для береженья на заставе пополам, а для де тово они... живут в Озове на заставе пополам, (что.—*В. К.*) ожидают к себе... государства указу» [11, с. 429—430]. Усманский атаман С. Кокорев, покинувший Азов около 23 мая, показал, что «из Озова... норяд донские козаки весь вывозили на Махин остров, и козаки де иные вывезлися на Махин остров, а в Озове де... козаки остались небольшие люди». С. Кокорев сообщал, что войсковой атаман Иван Каторжный находится уже на Махине, а атаманом казаков в Азове остался О. Петров (Калуженин) [11, с. 447—448]. При заставе, несомненно, находилось несколько донских судов, осуществлявших функции разведки и связи. 7 мая, как сказано выше, в полупустой тогда Азов вернулась с моря казачья флотилия О. Петрова (Калуженина), которому и было поручено командование в крепости.

22 мая в Азов приехал из Москвы казак Иван Заика и сообщил, что дворянин Михаил Засецкий везет царскую грамоту (от 30 апреля) об оставлении крепости, а 28 мая казаки на су-

[3] Черкес-керманом автор называет Черкасск; остальные турецкие названия казачьих городков не идентифицированы. А. П. Григорьев, единственный, кто пока занимался изучением этих названий у Эвлии Челеби, Тузла-керман идентифицировать не смог, а под Хорос-керманом («Петушиной крепостью») понимает Кочетовский городок, или, как он выражается, «станицу Кочетовскую» [12, с. 35, 223, 240, 273, 280]. Нам это определение не кажется вполне убедительным.

дах встретили выше Черкасска и самого М. Засецкого [11, с. 365, 450—451]. Последний позже рассказал, что еще до его приезда «казаки... учали возитца на Махин остров, а при нем, Михайле, атаманы и казаки и достальную свою рухлядь, и пушки, и пушечные и всякие запасы вывезли, и сами все вышли до одного [человека на Ма] хин остров, и оставили Азов пусто и все разорено...» Согласно разным источникам, при оставлении крепости казаки ее подожгли, а сохранявшиеся еще после сидения участки стен и остатки башен взорвали, так что «снизу поднялась вода, а сверху огонь» [18, с. 312; 19, с. 198; 20, с. 56]. По донским преданиям, казаки вывезли из Азова 80 пушек, железные крепостные ворота с петлями, железные калитки, железные городские весы со стрелой, медное пятиярусное паникадило, а также выкопали и перевезли на Монастырский остров прах погибших товарищей [см., напр.: 21]. Доставить все это на Махин и Монастырский можно было только на судах.

Таким образом, уход казаков из Азова был осуществлен постепенно и планомерно, а версии Эвлии Челеби о том, что донцы «в течение одного дня покинули крепость», и петровского адмирала, голландца Крюйса об оставлении казаками Азова «с неимоверною скоростью» [12, с. 39; 22, с. 490; то же повторяет и 23, с. 101] не соответствуют действительности. 23 июня в Москве была получена войсковая отписка об оставлении Азова, а 27 июля в царской грамоте Войску Донскому объявлялась за это «похвала» и предписывалось, как и в грамотах до Азовского сидения, с азовцами помириться, жить «с ними смирно, задоров не чинить и на море не ходить» [11, с. 451, 457—458].

Османская империя, разумеется, не могла смириться с неудачей азовской осады 1641 г., сохранением Азова в руках донского казачества и, следовательно, продолжением и возможным усилением казачьих морских набегов; сам Стамбул оказался бы в таком случае под угрозой. Османское командование спешно укрепляло оборону причерноморских портов и начало стягивать крупные силы армии и флота для второй азовской экспедиции. Сердаром нового похода на Азов был назначен член султанского дома Османов, праправнук великого султана Сулеймана Кануни (Законодателя) везир Джуван-капуджибаши (Султан-заде) Мехмед-паша, перемещенный с должности правителя Египта на пост силистрийско-очаковского наместника. Флотом командовал лично капудан-паша [12, с. 39, 223; 18, с. 312; 19, с. 198; 24, с. 423; 25, с. 518—519; 26, с. 11] [4].

[4] В русском источнике Мехмед-паша назван Магмет-пашой [27, с. 26]. А. И. Ригельман и Н. А. Полевой ошибочно называют сердара Мустафа-пашой [1, № 5, с. 45; 20, с. 56]. Пияле-паша (Длинный, Высокий), великий адмирал империи, по происхождению хорват, был известным турецким флотоводцем [28, с. 141—142; 29, с. 159, 161—163, 340; 30, с. 253].

По И. В. Цинкайзену, сухопутные войска и флот, направлявшиеся к Азову, были по меньшей мере в таких же силах, как и в предыдущем году [25, с. 519]. Эвлия Челеби указывал, что на Азов «морем и сушей» шло «войско более многочисленное, чем в прошлом году, с богатыми припасами, снаряжением, с минерами и подкопных дел мастерами» [12, с. 39] [5]. У этого автора есть указание на то, что турецкий флот состоял из 300 судов; согласно К. Крюйсу же, в экспедиционные силы флота входили 38 больших галер, «кроме еще большего числа поменьше судов» [31, с. 180; 22, с.491] [6].

По некоторым данным, двигавшийся флот изрядно потрепал шторм. К. Крюйс писал: «...немалое счастье туркам было, что козаки так скоро отправились (ушли из Азова. — *В. К.)*, понеже на флот, в котором большая часть съестных припасов и осадная артиллерия находилась, такая сильная буря во устье Кафы (в Керченском проливе. — *В. К.)* напала, что оной, ежели б по счастию не удалось скоро в Константинопольскую гавань паки возвратиться, вдруг бы раззорился, и в сухопутном войске скоро бы во всем недостаток претерпели» [22, с. 491] [7]. Настроение турецких воинов после неудачи 1641 г. было в целом подавленным [33, с. 71—72].

Наиболее подробно о занятии пустого Азова татарами и турками рассказывает Эвлия Челеби [12, с. 40—41]. Татарская конница, шедшая к Азову во главе с крымским ханом, схватила на берегу реки Сют (Молочной) нескольких казаков, от которых татары, а затем и турки впервые узнали об оставлении донцами крепости. Передовой татарский отряд в конце мая или начале июня 1642 г. (здесь и далее даты даются по расчетам А. П. Григорьева [12, с. 223—224]) вошел в Азов. Это был разрушенный, безжизненный город: «Не видно было не только людей, но даже мыши, кошки, бобра и тому подобной твари. Из крепостных укреплений уцелела только Генуэзская башня». Немедленно донесение о занятии Азова было направлено в Стамбул; главнокомандующий получил это известие в Кафе, когда уже готовился выступать в поле [19, с. 198]. 9 июня татары схватили неких

---

[5] О большей, чем в 1641 г., численности османских сил писал ряд авторов; так, Н. А. Полевой считал, что велено было «собирать войско многочисленнее прежнего» и «великий флот» [1, № 5, с. 45].

[6] 38 галер фигурируют во многих сочинениях [1, № 5, с. 59; 14, с. 150; 20, с. 56; 23, с. 101]. А. Н. Скрипов в популярной работе почему-то сообщает, что только передовой отряд турецких сил насчитывал 88 галер [32, с. 54]. Оценку состава османского флота в период Азовского осадного сидения 1641 г. см. в [9].

[7] То же у Г. З. Байера и Н. А. Полевого ,но вместо устья Кафы фигурируют «устье Азовского моря» и «Керченский пролив» [1, № 5, с. 59; 23, с. 101].

русских лазутчиков, прибывших к казакам в Азов из Стамбула с сообщением о движении неприятельских сил на Азов; разведчики опоздали, в крепости уже были татары.

11 июня к Азову подошли, наконец, турки, «с пышностью и блеском прибыл главнокомандующий». Три дня войска «отдыхали», не входя в Азов и полагая, что здесь, «вероятно, замешана какая-нибудь хитрость и дьявольская проделка кяфиров»[8]. В конце концов на четвертый день войска вошли в город, над которым впервые после 1637 г. прозвучал эзан — призыв мусульман к молитве[9]. Допустимо предположить, что казаки наблюдали за вхождением крымских и османских войск в Азов, причем сделать это было легче всего с применением судов.

Турецкие солдаты сразу же приступили к восстановительным работам, суда начали возить камень «из старой разрушенной крепости, находившейся на острове Тимурленка» (одном из островов Донской дельты). По данным К. Крюйса, сердар, не имея ни лесу, ни камня, «повелел разломить четыре галеры, кои в большой негодности состояли, чтоб из них сделать брустверины, полисады и штурмовые палы; а при том иметь дрова на сжение кирпича и извести...» [22, с. 491]. Турки трудились «день и ночь с полным усердием»; в течение месяца первоначальные восстановительные работы были закончены, и только после этого главнокомандующий отбыл в столицу. В Азове были оставлены 20 ода (рот) янычар, 6 ода пушкарей, 10 ода оружейников, 7 тыс. человек охранного войска из татар Каратаяка, 70 пушек бал-емез, 40 кулеврин, 300 пушек шахи (см. также цифры у И. фон Хаммера-Пургшталля и И. В. Цинкайзена [18, с. 312—313; 25, с. 519—520]).

Укрепившись в Азове, турки перешли к наступлению на казачьи городки, в 1643 г. взяли и выжгли Монастырский и Черкасск, и донцам пришлось отступить в Раздоры. Начался новый, очень тяжелый период в истории донского казачества.

Казачий флот выполнил свою задачу в последние месяцы Азовской эпопеи. Небольшой по численности, жестоко пострадавший в ходе кампаний 1637—1641 гг. и осадного сидения, он обеспечил Войску Донскому получение важнейшей разведывательной информации осенью 1641 и весной 1642 г. и затем перевозку казаков, их семей, имущества, оружия, боеприпасов и продовольствия из Азова вверх по Дону на Махин остров. Сыграв

---

[8] Иозеф фон Хаммер-Пургшталль, И. В. Цинкайзен и Зыгмунт Абрахамович считают, что османы прибыли под Азов через три дня по эвакуации казаков из крепости [18, с. 312; 24, с. 423; 25, с. 519]. Согласно Эвлии Челеби, это ошибка.

[9] Провозгласил его, между прочим, Эвлия Челеби [12, с. 224], сведения которого являются одним из основных источников для данной статьи.

важную роль в наступлении казаков, донской флот сыграл не менее важную роль и при их отступлении в 1642 г.

Литература

1. Полевой Н. Завоевание Азова в 1637 г. // Московский телеграф. 1827. Ч. 13. № 4—5.
2. Орлов А. Исторические и поэтические повести об Азове (взятие 1637 г. и осадное сидение 1641 г.). Тексты. М., 1906.
3. Особая повесть об Азове. 1637—1641 гг. К изданию подготовил и объяснил А. Орлов. М., 1907.
4. Лунин Б. В. Азовское сидение. Ростов н/Д, 1939.
5. Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949.
6. Попов М. Я. Азовское сидение. М., 1961.
7. Тихонов Ю. А. Азовское сидение // Вопросы истории. 1970. № 8.
8. Королев В. Н. Морские кампании донских казаков 1637—1641 годов // Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. науки. 1986. № 1.
9. Королев В. Н. Азовское сидение: действия турецкого и донского казачьего флотов // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов н/Д, 1986.
10. Тушин Ю. П. Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях (XVII век). М., 1978.
11. Донские дела. СПб., 1906. Кн. 2.
12. Челеби Э. Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). М., 1979. Вып. 2.
13. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869.
14. Броневский В. История Донского войска. СПб., 1834. Ч. I.
15. Новосельский А. А. Из истории донской торговли в XVII веке // Исторические записки. М., 1948. Вып. 26.
16. Сахаров П. П. Белое рабство на Дону // Донская церковная старина. Новочеркасск, 1911. Вып. 3.
17. ЦГИА СССР. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 55.
18. Hammer J. von. Geschichte des Osmanischen Reiches. Pest, 1829. Bd. 5.
19. Naima Efendi. Zatargi z Otomanami z powodu Kozakow // Collectanea z dziejopisow tureckich rzeizy do histiryi polskiey sluzacych. Warszawa, 1824. T. 1.
20. Ригельман А. История или повествование о донских козаках. М., 1846
21. Егоров-Хоперский В. И. Сокровища «Старого города». Ростов н/Д, 1968.
22. Крейс К. Розыскания о Доне, Азовском море, Воронеже и Азове (с некоторыми сведениями о козаках) // Отечественные записки. 1824. № 12.
23. Байер Г. З. Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения оного под российскую державу. 3-е изд. Спб., 1782.
24. Czelebi E. Kriega podrozy Ewliji Czelebiego (Wybor). Warszawa, 1969.
25. Zinkeisen J. W. Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa. Gotha, 1856. Th. 4.
26. Jorga N. Geschichte des Osmanischen Reiches. Gotha, 1911. Bd. 4.
27. Наказ, данный стольнику Ильс Даниловичу Милославскому и дьяку Леонтию Лазоревскому при отправлении послами в Царьград. М., 1851.

28. Evlija Efendi. Narrative of Travels in Europe, Asia and Africa in the Seventeenth Century. L., 1834. V. 1. P. 1.
29. Le khanat de Crimee dans les Archives du Musee du Palais de Topkapï. Paris, 1978.
30. Traljic S. M. Organizacja turske mornarice u XVI stoljecu // Lepantska bitka. Zadar, 1974.
31. Челеби Э. Неудачная осада Азова турками в 1641 году и занятие ими крепости по оставлении оной козаками // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1872. Т. 8.
32. Скрипов А. Н. На просторах Дикого поля. 2-е изд. Ростов н/Д, 1973.
33. Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в. Документы и материалы. М., 1968. Т. 2.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ВОЙСКЕ ДОНСКОМ XVII в. (на примере тюркоязычных переселенцев)

С. В. ЧЕРНИЦЫН

О неоднородном этническом составе населения донских казачьих городков сообщают различные источники XVI—XVII вв. Это подтверждают многие иностранцы, бывшие в то время в России. Так, голландец И. Масса писал, что «казаки — люди различных племен из земли Московской, татарской, турецкой, польской, литовской, корельской и немецкой, но «...по большей части московитяне» [1, с. 107].

Отмечается различное происхождение казаков и в русских документах. Дьяк Хотунский и подъячий Степанов, посланные в 1647 г. в Крым, в ответ на жалобы хана о набегах казаков, отвечали, что последние бежали из Московского государства «...и живут в тех местах изстари кочевным обычаем, и с ними живут разных вер люди, литва и немцы, и горские и запорожские черкасы, и крымцы, и ногайцы, и азовцы» [2, с. 311]. По свидетельству Г. Котошихина, донские казаки «породою Москвичи и иных городов, и новокрещенные тотарове, и запорожские казаки, и поляки, и ляхи...» [3, с. 135]. Сказанное подтверждают и документы, составленные самими казаками. В. Войсковой челобитной от 12 января 1656 г. сообщалось, что «...в Войске живут перещики иноземцы Турки и Тотаровя, да и Греки, и иных разных земель люди..., и служат они, живучи у нас в Войску, тебе, великому государю, всякие твои государевы службы с нами ж вместе...» [4, с. 371—372].

К XVII в. среди казаков преобладают выходцы восточно-славянского происхождения, в первую очередь — русские. Это подтверждает фундаментальное исследование А. П. Пронштейна, где, в частности, выделяются районы России и Украины, из ко-

торых шел основной приток переселенцев на Дон [5, с. 49]. Именно они определяли политическое развитие Войска и основные черты культуры донского казачества. Но даже приведенные выше материалы показывают, что в состав казачьего населения входили и представители других, в том числе неславянских этносов. Здесь следует подчеркнуть преобладание тюркоязычных выходцев — ногайцев, татар, турок, так как именно с ними казаки жили в соседстве и имели постоянные контакты. В исследованиях по донскому казачеству при упоминании об «иноземцах» и «переещиках», пополнявших его ряды, основное внимание уделяется лишь их ассимиляции. Она преобладала, но этнические процессы на Дону ею не ограничивались. Уже в источниках XVII в. упоминается интегрированная в Войске группа донских татар. Они считались казаками и несли казачью службу. В документах эту группу называют также «наши тотарове», «донские» и «юртовые» татары. Тем самым они отделяются от своих, зачастую враждебных казацким общинам соплеменников.

Во второй половине XVII в. начинается формирование аналогичной группы донских (базовых, юртовых) калмыков. И если им посвящено немало работ, в том числе одна кандидатская диссертация [6, с. 15—30, 211—215], то специальных исследований о донских татарах нет. Вместе с тем наличие подобных групп свидетельствует о протекании в казачьих общинах не только этнической ассимиляции, но также консолидации и интеграции [7, с. 233—244]. В данной работе предпринимается попытка рассмотреть названные процессы на примере представителей тюркоязычных народов, различными путями попавшими в Войско. Особое внимание уделяется группе донских татар.

Сначала ознакомимся с источниками формирования этой прослойки. Одним из них были пленные, в первую очередь — женщины и дети. Часть пленных продавалась, обменивалась за выкуп. В то же время турчанок, татарок, женщин из горских аулов брали в жены. В «Повести об Азовском осадном сидении» казаки отвечают туркам: «...А серебро и золото за морем у вас находим. А жен себе красных, любых, выбираючи от вас же уводим...» [8, с. 176]. Браки с «полонянками» нашли отражение в казачьих песнях [9, с. 108] и преданиях [2, с. 226—227; 10, с. 74]. Казаком мог стать и пленный мужчина. Об одном из них говорится в челобитных на имя царя за ноябрь 1649 г. и февраль 1650 г., что казак «родом татарин, а взятия Азовска», что в прошлом он был «взят в Азове Донскими казаки» [11, с. 311, 315].

Количество казаков неславянского происхождения пополнялось и за счет добровольных «переещиков». Рассмотрим некоторые сведения о них. В Войсковой отписке, присланной из занятого казаками Азова 11 февраля 1638 г., говорилось, что «прибе-

жали, де, к ним в Азов из Нагай Татарове...» и дали сведения о приготовлениях крымского хана [12, с. 667]. По словам служилого человека И. Шишкина и его товарищей, при них 18 января «переехал из Крыму в Азов Тотарин за четыре дня до Николина дня, а как, де, тово Татарина зовут, и они тово не упомнят» [13, с. 5]. В период, когда Азов находился в руках казаков, подобных «выходов» было немало. В отписке от 18 апреля 1640 г. казаки подчеркивали: «...Полоняники и **переещики** (здесь и далее выделено мною. — *С. Ч.*) переезжают из Турской и ис Крымской и ис Горских черкес» [13, с. 19]. Продолжаются переезды и после оставления Азова. В апреле 1645 г., давая показания в Посольском приказе, воронежец Василий Струков приводил рассказ казаков, что в этом месяце к ним «переехал, де, на Дон к Войску тотарин Большова Нагаю Астраханских татар», а позже «маия во 2 день из Большова Нагаю выехол на Дон татарин к атаманом и казаком» [13, с. 740, 743]. 30 мая 1645 г. из Крыма к казакам перешли «татарин Аннашка Сарыев Камуратского роду», а 1 августа уже из турецкого Азова — «татарин Ахтюян Янгильдеев...» [14, с. 253]. В Войсковой отписке 4 ноября 1646 г. говорится о трех «переещиках» из Азова 2 октября, называется имя одного из них: «...А зовут Токмаметком Абызко, Шамаметев сын, родства Кипчаскова, Азовские были жильцы» [14, с. 268]. «Родство Кипчаское» свидетельствует о ногайском происхождении «выходца» [15, с. 393]. 9 мая 1648 г. в Посольском приказе казаки Василий Моисеев и Корнила Яковлев среди прочих вестей с Дона сообщали: «А как, де, Калмыки переходили Дон реку и от тех, де, калмыцких людей переехали в Войско шесть человек Едисанских татар» [11, с. 3—4]. Мы рассмотрели некоторые примеры, когда переселение осуществлялось неорганизованными группами, либо в одиночку. Но к казакам могли переходить и крупные коллективы, имевшие свою организацию и предводителей. Пример тому — перекочевка под Азов ногайских мурз в конце 30-х гг. XVII в. Вскоре после взятия города казаками начались переговоры с ними о возвращении в русское подданство. Причем еще до прихода мурз к Азову начинают переходить их люди. Войсковая отписка гласила: «А из их, государь, улусов и многие черные мужики перешли к нам, холопям твоим, с женами и со всеми своими животами, а пришед, кочуют возле Азова» [16, с. 19]. После перехода ногайских владельцев «выходы» их подданных продолжались — «...а которые черные люди с ними вместе не пошли, остались в улусах и тех черных людей к ним же мурзам приходит человек по десяти, и по двадцати, и по тридцати и с женами, и с детьми...» [16, с. 23]. О попытке переселения в Войско крупной организованной группы свидетельствует письмо Флора Минаева астраханскому губернатору 7 марта

1700 г. В нем сообщалось о желании переехавшего из-за Кубани Есенея-мурзы жить в Черкасске. В улус, кроме него самого, жены и трех сыновей, входили тридцать мужчин с семьями. Мурза ссылался на письмо брата, очевидно, уже поселившегося среди казаков [17, с. 191—192]. Эти же два варианта переселения наблюдаются при формировании калмыцкого населения в Войске [6]. Очевидно, в отличие от калмыков, крупными организованными группами представители тюркоязычных этносов переселялись редко. Имеющиеся в настоящее время у автора сведения по данному вопросу исчерпываются вышеизложенными фактами. Интеграция в Войске таких коллективов происходила замедленно. Это же наблюдается и у донских калмыков. Пришедшие к Азову ногайские мурзы либо откочевали под Астрахань, либо вернулись к крымскому хану и затем сражались против казаков.

Тюркоязычная этническая прослойка пополнялась и за счет выходцев из России. Только отсюда могли перейти «новокрещенные тотарове», о которых упоминает Г. К. Котошихин [3, с. 135]. Жалуясь на побеги вольных людей, нанятых для похода на Дон, воронежский воевода в мае 1644 г. писал: «...бегут черкесы и **тотарове** и стрельцы московские» [13, с. 817]. В попустительстве и подстрекательстве он обвинял живших в городе казаков с атаманом Иваном Каторжным: «И у тех, государь, Донских казаков, объявились на Воронеже многие беглые боярские холопи и тотарове» [13, с. 891]. В июне 1640 г. «торговый иноземец Павел Вестов в челобитной сообщал о побеге купленного им татарина Ахтамара Бахметьева. В царской грамоте на имя воронежского воеводы Вельяминова уточняется: «...русское имя татарина Ивашко» [13, с. 38]. Пойманный в Воронеже Ахтамар признался, что на побег его подговорил донской казак Кирей Молодой, а помогал ему сын боярский Василий из Ряжска [13, с. 39—42]. Есть и другие примеры. В списке бежавших на Дон людей стольника Романа Боборыкина упоминается Панфилко Тотарин [11, с. 146]. Челобитная стрелецкого пятидесятника Любима Максимова в феврале 1650 г. свидетельствует о побеге купленного «малова Турскова полону» Боярона Ахматова, «а во крещение Ивана Федорова», причем бежавший оставил в Москве «мать свою и братей и жену и детей своих» [4, с. 447]. Согласно челобитной тяглеца Ивана Михайлова, представленной в Посольский приказ в марте 1653 г., от него бежал купленный татарин Александр Петров, при этом подчеркивалось, «а родинаю, государь, тот мой тотарин Озовец» [11, с. 657]. В обоих последних примерах указывалось, что к побегу подговорили донские казаки [4, с. 447; 9, с. 657]. В рассматриваемое время приток извне был важным источником пополнения рядов казачества, поэтому в документах часты упоминания о сманивании казаками на Дон

крестьян и горожан. Аналогичное практиковалось в это и позднее время у запорожцев днепровской и дунайской Сечи [18, с. 530; 19, с. 124; 20, с. 177—178], у некрасовцев [21, с. 20—24] и черноморцев [22, с. 239—240] и др.

Мы рассмотрели основные пути, по которым тюркоязычные этнические элементы попадали на Дон. Их непосредственное вхождение в состав Войска осуществлялось двояко. Во-первых, «переещик» мог принять христианство (что сопровождалось сменой имени) и влиться в преобладавшую численно восточно-славянскую, русскую часть казачества. Это наиболее распространенный путь, который вел к ассимиляции неславянских, в том числе большей части тюркоязычных выходцев. Как пример можно привести биографические сведения в одной из казачьих челобитных на царское имя: «А я, холоп твой Ивашко, взят в Азове Донскими казаками, и на Дону, я... провидя православную християнскую сущую веру, крестился, и служил я ... военные службы своеи братьеи пять лет» [13, с. 311—312]. На тюркское происхождение казаков могут указывать прозвища «татарин», «новокрещен», «татаринов». Воронежский воевода М. А. Вельяминов в отписке 19 июня 1640 г. писал, что посланные им служилые люди у городка Верхнего Курман Яра встретились с казаками, которыми оказались Ортемий Есауловский, «да с ним татарин Ивашка Новокрещеной...» [13, с. 43—45]. Среди казаков было немало потомков от межэтнических браков. Таких обычно обозначали прозвищем «болдырь», «тума». Это отражено в документах: «Емельяном зовут, Кузьмин, а сын тума; родился, де, он, Емелька, на Дону в Черкаском. Отец, де, ево, Кузьма, был русский человек, Тамбовец, солдат, а мать Туркеня» [23, с. 4]. В происхождении казачьих фамилий до настоящего времени сохраняется память о неславянских в первую очередь тюркских предках [24, с. 226—227]. И другие общины восточно-славянского казачества пополнялись путем ассимиляции соседних этносов. Важным условием при этом было принятие последними христианства. Источники отмечают подобное у запорожцев [20, с. 177—178]. Казаки Дунайской Сечи включали в свои ряды не только выходцев из Украины и России, но также болгар, молдаван, а при смене религии и турок [25, с. 297]. А. Л. Лебедева, исследовавшая русское население Забайкалья, писала: «Забайкальские казаки в большинстве своем метисы с бурятами и эвенками, но считают себя русскими. Они нередко знают свою родословную и могут сказать, в каком колене, кто из их предков был бурят или эвенк» [26, с. 10]. Представители татар, ногайцев, местных горских народов входили в казачьи общины на Кавказе [24, с. 38, 49, 56].

В XVII в. среди служилых людей Терского городка приняв-

шие христианство выходцы из местного населения под названием «новокрещены» составляли особую слободу. Они жили обособленно как от мусульман, так и от русских [27; 28, с. X; 29, с. 38, 125].

Но был и другой путь, когда тюркоязычные переселенцы в Войско, не меняя мусульманского вероисповедания, вливались в группу базовых татар. Биография такого казака приводится в одном из документов XVII в.: «А татарин, который прислан с Дону, в распросе сказал, что он, Мевлютка, не хотя жить в Азове, а похотя служить великим государям на Дону, выехал на их государство имя в нынешнем году тому недель семь, и на Дону женился на татарке» [23, с. 4].

Рассмотрим эту группу подробнее. Время ее появления неизвестно. Впервые казаки тюркского происхождения, не принявшие христианство, упоминаются в докладе по челобитной атамана Неустроя Федорова. 21 июля 1636 г. в составе его станицы называются Олиманко Татарин и Сенчурко Татарин [12, с. 492]. Однако на наш взгляд, донские татары появляются раньше. Историк В. Д. Сухоруков, наблюдавший эту группу казачества, писал: «По крайней мере теперешнее племя их считает до осьми колен, живших на Дону, следовательно, начало поселения их здесь можно начать трехсот лет...» (т. е. как минимум в XVI в.— *С. Ч.*). По его данным, сами татары предполагали «свое пришествие на Дон и поселение на месте г. Черкасска в то время, когда между Раздорами и Азовом казачьих жилищ не было» [30, с. 98]. Уместно вспомнить предание и о самом возникновении города Черкасска, которое приводит А. Ригельман. По нему, на месте казачьей столицы ранее существовало татарское селение [15, с. 10]. Предание, очевидно, было известно и С. Г. Гмелину, в 1760-х гг. посетившему Войско Донское. Он писал, что донцы «...начали в прошлых столетиях населять снова оставленные татарскими казаками места» [31, с. 259]. Заманчиво предположить, что первоначальным ядром донских татар были группы тюркоязычных казаков, которые жили на Дону и порой действовали вместе со славянской вольницей. Упоминание о них имеется в источниках XV — XVI вв. Например, в 1538 г. московские власти во время переговоров с Ногайской ордой отмечали, что «на поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки, а и наших украин казаки с ними ходят» [32, с. 64]. На основе упоминания о смешанных отрядах русских и татарских казаков Р. Г. Скрынников делает вывод, что первоначально в казачестве преобладали татары из разных орд, и лишь позднее возобладал приток населения из славянских поселений [32, с. 64]. Уже в XVII в. группа донских татар существует как сформировавшаяся единица в составе Вой-

ска Донского. Возможно, здесь отражены остатки прежнего деления некоторых ранних казачьих станиц на славянскую и тюркскую части. Несмотря на скудость сведений о донских татарах, можно сделать вывод об их этнической неоднородности. Даже упомянутые нами характеристики «выходцев» показывают, что они происходят из разных мест, причем преобладает ногайский этнический элемент. Среди тех, кто переходил в Войско чаще всего упоминаются именно они. Помимо близких по языку и культуре ногайцев и татар нельзя исключать возможность вхождения в состав этой группы турок и горцев, хотя прямых подтверждений этому у нас пока нет. Можно привести упоминания в станице Федора Будана, посланной в Москву в мае 1660 г. Хозяйко Тотарина и Кумыка Янбатметьева [4, с. 672]. Не исключено, что в последнем случае имя казака свидетельствует о его этнической принадлежности. Следует обратить внимание, что много переселенцев приходили из Азова. Это объясняется в описании Эвлии Челеби тем, что в Азове жили татары и ногайцы, особенно, в пригороде Каратаяк [33, с. 204—205]. Существование донских татар — пример этнической консолидации (не только ассимиляции) представителей соседних с казаками мусульманских тюркоязычных народов в одну группу. Ее название является обобщающим, обозначающим не только этнических татар. Сказанное характеризует не одних казаков-мусульман Дона. Можно, например, отметить этническую неоднородность служилых татар Сибири, вошедших в состав сибирского казачества. В тюменской окладной книге 1626/1627 гг. в их составе называются иноземцы: табынец, сарт (узбек), два бухарца [34, с. 69].

Неизвестны условия, на которых принимали «выходцев» на Дону. Некоторый свет проливают распросные речи в Посольском приказе Василия Лаптева и Корнилы Яковлева. Когда от калмыков переехали к казакам шесть едисанцев, то «...в Войску, де, по них взяли поруки и привели к шерти...» [11, с. 4]. Можно предположить, что поручители были из числа донских татар. Войсковые документы выделяют «лутчих», «нарочетых» татар, выполнявших сложные поручения и имевших заслуги, называются имена тех, кто подолгу служил на Дону.

Упоминаются и семьи донских татар. В отписке в Москву, характеризуя посланного с поручением к ногайцам «лутчего» татарина Кармыша, казаки сообщают, что он — человек надежный: «...нам он ведом и верен и живет на Дону у нас в Войске и **з женою** и **з детьми** и служит он тебе, великому государю, с нами лет с двадцать» [11, с. 880]. Донские татары нередко имели родственников в улусах. У того же Кармыша, согласно отписке, «... в тех улусах семья есть, братья и племянники...» [11, с. 880]. Рассмотрим другой пример. Когда в 1638 г. посланные

от Войска звать ногайских мурз донские татары были пойманы, то, утаив истинные цели, они объявили крымскому хану, «... что, де, мы приехали от казаков в Ногаи с родимцами своими повидатца» [16, с. 19]. Хитрость удалась, из чего можно сделать вывод, что контакты с родственниками не были чем-то необычным.

Так как число донских татар постоянно колебалось, говорить о нем можно лишь предположительно. Бывшие в 1641 г. в казачьем Азове служилые люди О. Кожухов и С. Деревягин определяли их численность в «человек с 500 и больши...» [13, с. 128]. По статистическим сведениям начала XIX в., эта группа казаков включала 936 человек. Можно вслед за А. П. Пронштейном признать, что для XVIII в. (и тем более для XVII в. — *С. Ч.*) численность донских татар не превышала названной цифры [5, с. 72]. В XVII в. донские татары жили компактно в низовьях Дона при главном Войске, сохраняя определенную обособленность. Автору неизвестны сведения об их проживании в других казачьих городках. По сообщению О. Кожухова и С. Деревягина, в 1641 г. в Азове они селились «за городом, де, блиско городовой стены» [13, с. 128]. В городе Черкасске, ставшем с 1644 г. столицей донских казаков, одной из 11 городовых станиц была Татарская, заселенная только донскими татарами, имевшими свою мечеть и самоуправление по казачьему образцу. По мнению В. Д. Сухорукова, эта станица возникает в 70-е гг. XVII в. [30, с. 98], хотя эта дата, на наш взгляд, приблизительна.

Донские татары несли службу наравне с остальными казаками. Вот некоторые сведения об участии их в стычках и набегах. Судя по отписке в мае 1641 г. «...наши казаки и тотаровя» привели «...с Крымской степи языков, Крымских мужиков, а иных перерубили» [13, с. 176]. Об участии донских татар в набеге на ногайцев в апреле 1645 г. упоминает воронежец В. Струков, причем в мае отряд вернулся с пленными [13, с. 745]. О набегах казаков и татар на крымские и ногайские улусы писал в декабре 1646 г. из Черкасска служилый Петр Красников [14, с. 368]. По сообщению в Москве атаманов Веневитинова и Петрова, в январе 1647 г. казаки и татары совершили набег на Молочные воды и на Уклюки [14, с. 368]. Разведывательные поиски с участием казаков-мусульман предпринимались в мае 1653 г. [11, с. 660], в сентябре и октябре 1655 г. [4, с. 153]. О походе казаков и юртовых татар «для языков» в июне 1659 г. писал прибывший с жалованьем на Дон Савелий Хомицкий [4, с. 338]. Подобные набеги на крымские улусы состоялись в мае, апреле и марте 1660 г. [4, с. 670, 659]. 2 апреля 1661 г. низовые казаки и татары ходили в Крым, взяв пленных на реке Тотьмак, а 15 мая, повторив набег, — на Перекопе [4, с. 868, 882]. Это лишь некоторые сведения.

Часто донских татар использовали для выполнения сложных дипломатических поручений и разведки. При этом помимо хорошего знания обычаев и образа жизни недавних соплеменников могли пригодиться и сохранявшиеся родственные связи. Известно, что зимою 1648 г. часть ногайских мурз, собираясь перейти в русское подданство, просили прислать для переговоров именно «лутчево низового тотарина», а русских не присылать [14, с. 817]. В 1637 г., выполняя указ царя о склонении ногайцев откочевать под Астрахань, казаки посылали к ним трех татар [16, с. 19]. В 1645 г. с тою же целью в помощь людям государева посланника Бажена Мизинова из Войска отправили «своих Донских татар двух человек нарочетых людей» [13, с. 655]. В январе 1648 г. с посланником Юдиным поехал «лутчий» татарин Алибек [14, с. 628]. Когда 29 января 1648 г. к Черкасску неожиданно подошли калмыки, то для переговоров и выяснения численности к ним из города посылали «лутчих своих татар» [14, с. 829]. В 1654 г. по поручению Войска к Урмаметовым мурзам для переговоров ездил татарин Кармыш, который жил у ногайцев «полтретя месяцев» и после этого «впотай» ездил в Крым и жил там месяц [11, с. 879, 871]. Известны и другие факты [напр. 11, с. 445, 447]. Посылали донских татар и в составе станиц в Москву, при этом они получали жалованье наравне с остальными станичниками [напр. 13, с. 23, 177 и др.]. Мы рассмотрели лишь некоторые сведения о службе казаков-мусульман в тех случаях, когда источники их выделяют из общей массы казачества. Уже из перечисленного видно, что названная группа активно участвовала в жизни Войска. Донские татары (как и донские калмыки) в составе войскового сословия Дона существовали до начала XX в. Рассмотрение дальнейшей судьбы этой группы выходит за рамки настоящей работы.

Консолидация выходцев из числа соседних неславянских этносов была характерна и для других общин русского и украинского казачества. На Кавказе в XVIII—XIX вв. представители горских народов составляли отдельную станицу Гривенскую в Черноморском войске [35, с. 40]. В Кизляро-Гребенском полку это были грузины, населявшие станицы Александровскую и Шелковскую, а в Горско-Моздокском — выходцы из Кабарды и Осетии [36, с. 44]. По данным астраханского губернатора Кречетникова, в 70-х гг. XVIII в. среди казаков Кизляра выделяются семнадцать человек «охоченских магометанского вероисповедания» [29, с. 38]. Среди служилых людей Терского городка в XVII в. помимо уже упоминавшихся «новокрещенов» жили представители разноплеменного мусульманского населения: охочены, черкасы, шубутяне, мичкизяне, юртовские татары [29, с. X]. По данным М. Хорошхина, в XIX в. в составе Уральского, Сибир-

ского, Оренбургского казачьих войск были группы калмыков, татар, киргизов и др. [37, с. 133]. В то же время консолидация неславянских выходцев не была повсеместной. Так, она отсутствовала у запорожцев. Для вхождения в состав «товарищества» здесь было обязательным принятие христианства, что вело к ассимиляции. Неизвестны интегрированные группы и у некрасовцев.

Мы видим, что этнические процессы в среде казачества не сводились к ассимиляции неславянских выходцев и консолидации русских и украинских переселенцев. Они были гораздо многограннее. Изучение групп, подобных донским татарам, позволит глубже понять процессы формирования и особенности культуры различных общин восточно-славянских казаков.

Литература

1. Сказание Массы и Геркмана о смутном времени в России. СПб., 1874.
2. Сухоруков В. Д. Историческое описание земли Войска Донского. Новочеркасск, 1903.
3. Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. 4-е изд. М., 1906.
4. Донские дела. СПб., 1917. Кн. 5.
5. Пронштейн А. П. Земля донская в XVIII веке. Ростов н/Д, 1961.
6. Шовунов К. Н. Калмыки в системе военной организации России в XVIII в.: Дис... канд. ист. наук. Элиста, 1980.
7. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983.
8. Повесть об Азовском осадном сидении // Хрестоматия по древнерусской литературе. М., 1969.
9. Народное творчество Дона. Ростов н/Д, 1952.
10. Харузин М. Н. Сведения о казацких общинах на Дону. М., 1885. Вып. 1.
11. Донские дела. СПб., 1913. Кн. 4.
12. Донские дела. СПб., 1898. Кн. 1.
13. Донские дела. СПб., 1906. Кн. 2.
14. Донские дела. СПб., 1907. Кн. 3.
15. Ригельман А. История или повествование о донских казаках. М., 1846.
16. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным. Новочеркасск, 1887. Т. I.
17. Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежские акты. Воронеж, 1887. Т. I.
18. Кошовик К. Семен Гаркуша // Киевская старина. 1883. Т. 5.
19. Лупулеску. Русская колония в добрудже // Киевская старина. 1889. Т. 24.
20. Эварницкий Д. История запорожских казаков. СПб., 1895. Т. 2.
21. Короленко П. П. Некрасовские казаки // Известия общества любителей изучения Кубанской области. Екатеринодар, 1900. Вып. 2.
22. Щербина Ф. Беглые и крепостные в Черномории // Киевская старина. 1883. Т. 6.
23. Дружинин В. Г. Раскол на Дону в XVII в. СПб., 1892.
24. Тумилевич Т. И. Донские предания о Ермаке // Русская народная проза, русский фольклор. Л., 1972.

25. Сведения о дунайских запорожцах в 1826 г. // Киевская старина. 1891. Т. 35.
26. Лебедева А. Л. Из опыта изучения хозяйства и культуры русского населения Забайкалья // Советская этнография. 1964. № 3.
27. Заседателева Л. Б. Культура и быт русского и украинского населения Северного Кавказа в кон. XVI—XIX вв.//Кавказский этнографический сборник. 1984. Вып. 8.
28. Попко И. Терские казаки со стародавних времен. СПб., 1880.
29. Потто В. А. Два века терского казачества. Владикавказ, 1912.
30. Сухоруков В. Д. Краткое известие о бывшем на Дону городе Черкасске // Северный архив. 1823. Ч. 8.
31. Гмелин С. Г. Путешествие из Санкт-Петербурга до Черкасска, главного города Донских козаков в 1768 и 1769 гг. СПб., 1771.
32. Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982.
33. Челеби Э. Книга путешествия. М., 1979. Вып. 2.
34. Бахрушин С. В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Исторические записки. 1937. Т. 5.
35. Попко И. Черноморское казачество. СПб., 1850.
36. Писарев С. 300 лет терского казачьего войска. Владикавказ, 1881.
37. Хорошхин М. Казачьи войска. Опыт военно-статистического описания. СПб., 1881.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ПОЛОВЕЦКИХ ЗЕМЕЛЬ

С. В. ГУРКИН

В первой половине XI в. в южнорусских степях появляются пришедшие из-за Волги половцы (куманы, кипчаки) — кочевые тюркоязычные племена. С этого времени они в течение двухсот лет оказывают значительное влияние на внешнюю политику Древней Руси, Византийской империи, Венгерского королевства, то выступая в качестве военных союзников (а иногда и близких родственников) лидеров различных политических группировок этих феодальных государств, то совершая опустошительные набеги на их территории.

Естественно, что половцам посвящено немало работ русских дореволюционных, советских и зарубежных историков [1—12]. Однако до сих пор одной из самых неразработанных тем является историческая география Половецкой земли, хотя в исследование этой проблемы внесли свой вклад Д. А. Расовский [6], К. В. Кудряшов [7; 13—14], Б. А. Рыбаков [15], Г. А. Федоров-Давыдов [9], С. А. Плетнева [8; 10; 16—18].

Русские летописи говорят о расположении половецких веж только с начала XII в., когда кипчаки, по мнению С. А. Плетневой, освоили южнорусские степи и, уже повсеместно перейдя

ко второй стадии кочевания, стали досягаемы для русских дружин в глубине степей [18, с. 243—257; 19, с. 56—65].

Так как больших родовых могильников, принадлежащих кипчакам, пока не обнаружено (Саркельский могильник оставлен печенегами и торками, могильники Поросья — черными клобуками, теми же печенегами, торками и берендеями, а Каменский могильник принадлежит «диким половцам»), то места их зимовищ определены С. А. Плетневой по скоплениям каменных половецких изваяний. Наиболее ранние типы половецкой скульптуры концентрируются на Северском Донце, Нижнем Дону и в Северо-Восточном Приазовье. По мнению С. А. Плетневой, половцы захватили эти территории уже в 30—40 гг. XI в. и в первое же десятилетие своего обитания там перешли от «таборной» стадии кочевания к «сезонной» [18, с. 253]. На Днепре на вторую стадию кочевания куманы перешли примерно к началу XII в. [18, с. 255, 257]. С этого времени русские предпринимают походы в степь. Первый крупный поход на половцев был совершен Владимиром Мономахом в 1103 г. [20, стб. 255; 21, с. 183—185].

Уже в XI в. намечаются две крупные группировки половецких орд, хотя, по справедливому замечанию С. А. Плетневой, источники не дают нам прямых сведений для предположений, что в это время у половцев были большие и сплоченные политические объединения, но косвенными свидетельствами о начавшемся процессе кристаллизации таких объединений мы все же располагаем. Эти свидетельства заключаются в неоднократных упоминаниях имен могущественных половецких ханов в исторических записях XI в. и в повествованиях о тех бедствиях, которые приносили их набеги соседним государствам [18, с. 255].

В конце XI — начале XII в. выделяются два союза половецких орд: Приднепровский и Донской (Донецкий), что вполне соответствует старой традиции кочевников Евразии делиться на две части, два крыла [9, с. 241; 19, с. 60]. Если Донскому объединению специально посвящена крупная работа С. А. Плетневой [18], то на истории становления и развития приднепровских половцев в советской историографии внимание не заострялось.

Ряд исследователей полагает, что в 70-е гг. XI в. часть западных половцев появилась на Нижнем Дунае. Вытеснив разгромленных печенегов, куманы заняли их земли во Влахии, Молдове, Трансильвании. По имени новых пришельцев вся эта территория начала называться Куманией [22, с. 1—64; 23, с. 101; 24, с. 52]. Другие, ссылаясь на территориальное распространение половецких каменных изваяний и сведения Ипатьевской летописи под 1152 г. «...и вся Половецкая земля, что же их межи Волгою и Днепром» [20, стб. 455], считают, что, хотя нередки случаи появления и даже длительного пребывания половецких

орд на правом берегу Днепра, все же обитали они главным образом к востоку от этой реки, т. е. на днепровском Левобережье [18, с. 250—251; 25. с. 270].

Целью данной работы является попытка проследить по материалам доступных нам письменных источников становление западной половецкой группировки, историю ее развития до перехода на вторую стадию кочевания и ее локализацию.

В 1054 г. русские летописи упоминают о появлении половцев у границ Переяславской земли: «В семь же лете приходи Болушь с половци, и створи Всеволодъ миръ с ними, и возвратишася половци вспять, отнюду же пришли» [21. с. 109]. С 1061 по 1068 г. половцы совершают набеги на территории Переяславского и Черниговского княжеств, расположенных на левобережье Днепра [21. с. 109, 112, 115]. В большинстве случаев из-за скудости информации трудно судить, к какому объединению они принадлежали.

Однако уже в 1071 г. «воеваша половци у Ростовця и у Неятина» [20. с. 164]. Эти города расположены сравнительно далеко к западу от Днепра, в верховьях р. Рось. О переправе какой-либо половецкой орды через Днепр у Витичева, Заруба или на других бродах источники умалчивают. Следовательно, можно предположить, что эти половцы уже являлись обитателями днепровского Правобережья. На наш взгляд, удобнее всего напасть на окрестности Ростовца и Неятина можно из района междуречья Южного Буга и Днестра по степному «коридору», которым половцы иногда пользовались и в XII в. [10, с. 269; 26, с. 28].

В 1078 г. происходит первое столкновение половцев с войсками Византийской империи [27, с. 56]. В 1080 г. между печенегами, половцами и Византийской империей был заключен мир. Но, уже осенью 1083 г. половцы вновь напали на границы Византии и, разбив посланные против них войска, взяли в плен командующего византийской армией Григория Пакуриани. Императору Алексею I Комнину пришлось выкупать своего полководца из половецкого плена [28, с. 116—117]. Можно предположить, как это в свое время сделал В. Г. Васильевский, что половцы участвовали в войнах с империей по приглашению печенегов. На Дунай они приходили с берегов Днепра и Дона [5, с. 8, 48]. Однако В. А. Арутюнова и Я. Н. Любарский убедительно доказали, что чаще всего половцы действовали самостоятельно, независимо от печенегов [28, с. 119; 29, с. 3—9; 30, с. 100—101]. На наш взгляд, куманы вторгались в пределы Византии не из Подонья и Приднепровья, а из степного Побужья.

Владимир Мономах в своем «Поучении» упоминает, что в 1083—1085 гг. он участвовал в обороне городов Святославля, Торческа, Юрьева, Красна, расположенных в бассейне р. Рось, и

в погонях за воинами этой половецкой орды «за Рось». После своих набегов куманы не стремятся уйти на левобережье Днепра, а отступают в степи днепровского Правобережья [21, с. 159—160].

В 1085 г. на территории Болгарии половцы участвуют в антивизантийском восстании павликиан под предводительством Травла [27, с. 56]. В этом же году половцы вторглись на территорию Венгрии (Трансильвания) по приглашению свергнутого с венгерского престола своими двоюродными братьями (сыновьями короля Белы I — Гейзой I, Лампертом и Ласло I) Соломона — сына венгерского короля Андрея I и русской княжны Анастасии Ярославны [31, с. 125]. Весной 1087 г. половцы хана Кутеска совместно с печенегами Челгу-хана при участии Соломона совершили набег на византийские владения [5, с. 48; 29, с. 6, прим.; 31, с. 125]. Следует отметить, что в борьбе за венгерскую корону Соломон постоянно пользовался услугами половецкой орды под предводительством хана Кутеска [5, с. 48] или Капольча-Копульха [31, с. 131].

В промежутке между августом 1087 г. и весной 1090 г. половцы дважды упомянуты Анной Комниной в качестве союзников Византии в борьбе с печенегами [5, с. 56; 29, с. 7; 32, с. 240—265].

В 1091 г. ханы Боняк и Тугоркан и, возможно русский князь Василько Ростиславич разбили в Византии, близ города Эноса (около устья реки Гебра — Марицы) печенегов Челгу-хана и спасли Константинополь от разгрома. В ночь с 29 на 30 апреля, после боя, византийцы перебили 30 тысяч пленных печенегов. Устрашенные жестокостью союзников, половцы, взяв добычу, начали отступать к Дунаю. После этого, по мнению В. Г. Васильевского, половцы потерпели поражение от венгерских войск Владислава I (Ласло) и вынуждены были вернуться к себе в степи [5, с. 90—104].

В 1092 г. русские летописи отметили «...и рать велика бяше от половец и отовсюду; взяша 3 грады: Песочен, Переволоку, Прилук и многа села воеваша по обема странома. В се же лето воеваша половцы ляхи с Васильком Ростиславичем» [21, с. 141]. Хотя имен половецких ханов русская летопись пока еще не называет, можно предположить, что в 1092 г. не обошлось без участия Боняка и Тугоркана в войне на правом берегу Днепра и в походе в Польшу.

1093 г. был особенно удачным для половцев. 13 апреля умер великий князь Всеволод Ярославич. Новый киевский князь Святополк Изяславич опрометчиво бросил в тюрьму половецких послов, пришедших заключить мир. Половцы начали воевать в Поросье и «...оступиша Торцийский град» [21, с. 141—142]. Свя-

тополк, Владимир Мономах и его брат Ростислав решили совместными усилиями отразить врага и со своими дружинами переправились через Стугну у Треполя. Битва состоялась около оборонительных валов 26 мая. Русские были разбиты, а князь Ростислав утонул в Стугне в момент бегства. 23 июля дружина Святополка еще раз была разбита половцами на Желани под Киевом [21, с. 144—145]. В конце июля пал Торческ. Владимир Мономах в «Поучении» упоминает еще одну битву с половцами, которая состоялась у Халепа между Треполем и Витичевом [21, с. 160]. Возможно, «на Киевской стороне» воевали и левобережные половцы, так как летописями не отмечено военных действий на левобережье Днепра, а Владимир Черниговский и Ростислав Переяславский, оставив свои земли, ушли на правобережье на помощь Святополку.

Весной 1094 г. с половцами был заключен мир, скрепленный браком Святополка с дочерью Тугоркана [21, с. 147—148]. По-видимому, Тугоркан был среди предводителей западного половецкого союза самым старшим, ведь не зря великий князь вступил в брак именно с его дочерью. По мнению С. А. Плетневой, владения Тугоркана могли располагаться на обеих берегах Днепра, однако вероятно, большая часть их концентрировалась на левобережье, так как в дальнейшем, до своей гибели Тугоркан нападал только на Переяславское княжество [10, с. 273; 16, с. 18—19]. На наш взгляд, Тугоркан после 1094 г. не тревожил правобережное пограничье Руси, так как там княжил его родственник Святополк.

Осенью 1094 г. половцы во главе с Тугорканом вместе с претендентом на константинопольский трон — самозванцем, выдававшим себя за сына византийского императора Романа IV Диогена, отправились в пределы империи попытать счастья* [32, с. 266—274]. В русских летописях под 6603 г. сказано: «Идоша половци на Греки с Девгеневичем, воеваша по Гречьстей земли; и цесарь я Девгеневича, и повеле и слепити» [20, стб. 217; 21, с. 148]. В придунайских областях и на фракийских равнинах половцы могли задержаться до весны 1095 г.

В 1095 г. половцы подошли к Юрьеву: «В се же лето придоша половци к Гургеву, и стояша около его лето все, и мало не взяша его. Святополкъ же омири я. Половцы же придоша за

---

* Самозванец появился в Константинополе около 1090 г. Через некоторое время он был сослан императором Алексеем I Комнином в Херсон. Со стен Херсонских укреплений самозванец в 1092 г. договорился с половцами, часто приезжавшими в город для торговли и покупки необходимых вещей, о побеге [5, с. 109—111; 32, с. 266]. После обмена клятвами, он ночью, обвязав себя веревками, спустился к половцам с крепостных стен и ушел с ними в степь.

Рось, Гюргевцы же выбегоша и идоша Кыеву... А Гюргев зажгоша половци тощь» [21, с. 149—150].

В «Повести временных лет» в статье 6604 г. сообщается, что в одно из майских воскресений пришел Боняк к Киеву «и пожже на Берестовом двор княжь» [21, с. 150—151]. В июле того же года набег Боняка на Киев повторился: «И 20 того же месяца, в пяток, 1 час дне, приде второе Боняк безбожный, шелудивый, отай, хышник, к Киеву внезапу» [21, с. 151—152]. 20 июля, пятница, приходилось на 1095 г. или 6604 г. по ультрамартовскому стилю.

19 июля 1096 г. под Переяславлем погиб союзник Боняка — хан Тугоркан [21, с. 151—152]. После смерти Тугоркана Боняк, по-видимому, возглавил правобережную половецкую группировку и нашел себе нового союзника в лице хана Алтунопы.

В мае 1099 г. хан Боняк совместно с Алтунопой, участвовавший в междоусобице русских князей на стороне Давыда Игоревича, Володаря и Василька Ростиславичей, разбил под Перемышлем союзное Святополку Изяславичу войско венгерского короля Кальмана. В августе — сентябре того же года Боняк вместе с Давыдом Игоревичем осаждают в Луцке сына Давыда Святославича Черниговского Святошу. Особый интерес представляет тот факт, что Давыд Игоревич дважды срочно отправлялся в степь за половецкой помощью с юго-западных окраин Древнерусского государства и очень быстро получал ее [21, с. 178—180].

Владимир Мономах и Святополк Изяславич, судя по данным «Поучения», в 1099 г. дважды гнались за Боняком за Рось, на Буг, но не настигли его [21, с. 161—163]. Можно предположить, что в конце XI — начале XII вв. на Южном Буге концентрировались кочевья наиболее воинственной части западных половцев, возглавляемых Боняком.

В 1103 г. русские дружины совершили поход в глубь половецких степей и разбили основные силы западной группировки куманов на реке Молочной-Сутени [21, с. 183—184]. Среди погибших половецких ханов упомянут и Алтунопа. В этой битве были подорваны силы западной группировки куманов. Однако Боняк еще пытался удержаться в степях днепровского Правобережья и на Буге. По сведениям «Поучения», Владимир Мономах совместно со Святополком между 1100 и 1106 г. гнались за Боняком за Рось, но опять его не настигли [21, с. 162].

Под 1105 г. в Ипатьевской летописи отмечено, что Боняк пришел зимой «на Зарубь» (к Зарубинскому броду на Днепре) и победил торков и берендеев [20, стб. 257]. Впервые Боняк нападает на правобережную Русь из-за Днепра.

В 1106 г. половцы воевали у Заречска на Волынщине. Святополк послал на них Яна, Иванка Захарьича и Козарина, которые гнали кочевников до Дуная, пленных отняли, а самих половцев перебили [20, стб. 257; 21, с. 186]. После этого сообщения сведения о нападениях правобережных половцев на Киевское и Волынское княжества на долгие годы прекращаются. Видимо, у Боняка не хватило сил в одиночку удержаться на Южном Буге и он вынужден был отступить за Днепр.

С 1107 г. Боняк начинает тревожить земли левобережной Руси: в мае он захватывает коней у Переяславля, а в августе «...приде Боняк и Шарукань старый и ины князи мнози и сташа около Лубьна» [21, с. 185—186]. Боняк нашел себе союзника в борьбе с Русью в лице Шарукана-старейшего и, по-видимому, главного хана восточной (Донской) половецкой группировки. После поражения 1103 г., нанесенного куманам, и активных действий русских на правобережье Днепра Боняку ничего не оставалось делать, как обратиться за помощью к восточному половецкому объединению. 12 августа 1107 г. союзники были разбиты русскими. В бою под Лубном погиб Таз, брат Боняка, младшие братья Шарукана попали в плен, а сам Шарукан едва спасся бегством. После этого Шарукан больше не упоминается русскими летописцами.

12 января 1108 г. Владимир Мономах, Давыд и Олег Святославичи пошли в степь «ко Аэпе, и ко другому Аэпе» — новым политическим лидерам двух половецких объединений и «сотвориша миръ, и поя Володимир за Юрья Аэпину дщерь Осеневу внуку, а Олег поя за сына Святослава Аэпину дщерь, Гиргеневу внуку» [21, с. 186; 33, с. 173—174].

В «Поучении» Владимира Мономаха описанные события освещены несколько иначе—в 1107 г. Боняк «со всей половецкой землей» подошел к Кснятину, а не к Лубну. В 1108 г., после заключения мира с двумя Аэпами, Владимир и Святополк ходили походом на Урубу. Вслед за этими событиями упомянут поход на Боняка к Лубну, который приходится приблизительно на 1108—1109 гг.

В последующие годы русские переключают свое внимание на восточное объединение половцев и наносят ему несколько чувствительных ударов. 2 декабря 1109 г. Дмитр Иворович взял вежи у Дона [20, стб. 260]. В 1111 и 1116 гг. русские князья совершают победоносные походы на Дон [20, стб. 273; 21, с. 201]. Однако разгромленные западные половцы еще пытаются совершать походы на русское пограничье. Об этом красноречиво говорится в Ипатьевской летописи под 1110 г.: «Идоша весне на Половце Святополкъ и Володимеръ, Давыдъ и дошедше Воиня

воротишася. Того же лета пришедшие Половци Воиня воротишася. Того же лета пришедше Половци воеваша около Переяславля по селом. Того же лета взяша полонъ Половци оу Тчючина» [20, стб. 260, прим. 48]. Взять полон у Чючина могла лишь какая-то орда западных половцев, переправившаяся на правый берег Днепра у Заруба.

Боняк не сложил оружия против русских князей. В борьбе с ними он нашел себе очередного союзника — хана Аэпу (возможно, родственника Олега Святославича Черниговского). В «Поучении» Владимира Мономаха приблизительно под 1113 г. упомянуты Аэпа и Боняк, пришедшие к Вырю, расположенному на черниговско-переяславском пограничье [21, с. 153—167].

Анна Комнина в «Алексиаде» упоминает под 1114 г. о переправе куманов через Дунай. Но при первом же приближении византийских войск они быстро, налегке ушли обратно в степь, не ввязываясь в сражение [32, с. 394—397]. Отборные византийские конники не смогли их догнать. Расправившись с богомилами в Болгарии, Алексей I Комнин тем самым на время устранил повод для половецких вторжений на Балканы. Активные антиполовецкие действия русских на днепровском Правобережье заставили половцев в начале XII в. перенести свои кочевья с Южного Буга на Днепр. Восточное половецкое объединение, занятое тяжелой борьбой с Русью, не могло оказать Боняку серьезной поддержки, и его внешнеполитическая активность в середине второго десятилетия XII в. прекращается.

Лишь в конце 20-х гг. XII в., после смерти Владимира Мономаха и его союзника и родственника хана Аэпы (1117 г.), Боняк предпринял попытку напасть на Русь. Об этом событии имеются туманные сведения в Ипатьевской летописи в поздней статье 1140 г.: «В то же время взидоста княжича ис Царягорода заточены били Мъстиславомъ великимъ княземъ Киевскимъ, зане не бяхоуть его воли и не слышахоуть его коли е зовяшеть в Роускоую землю в помощь, но паче молвяхоу Бонякови шелоудивомоу во здоровье и про се ся и Мстиславъ разгневася на не и хотяше на не ити, но нелзе бо бяшеть ити зане бяхоу бо тогда налегли Половци на Роусь и тому стояшеть бьюся с ними ся перемагаюся се бо Мъстиславь великыи и наследи отца своего потъ Володимера Мономаха великого. Володимеръ сам собою постоя на Доноу и много пота оутеръ за землю Роускою, а Мьстиславъ моужи свои посла загна Половци за Донъ и за Волгоу, за Гиикъ и тако избави бог Роускоую землю от поганыхъ и оупразьняся Мстиславъ от рати и помяноу первеи посла по Кривитьстеи князе по Давида, по Ростислава и Святослава и Рогволодовича два и оусажа оу три лодьи и поточи и Царюградоу за

неслоушанье ихъ» [20, стб. 303—304]*. Откуда и на какие русские княжества в 1129 г. напал Боняк неизвестно.

Последний раз Боняк упоминается Ипатьевской летописью под 1167 г.: «...том же лете бися Олегъ Святославичъ с Бонякомъ и победи Олегъ Половци» [20, стб. 527]. Однако был ли это великий Боняк или другой половецкий хан, сказать трудно.

Итак, в первой половине XI в. пришедшие из-за Волги половцы захватывают степи в бассейне Северского Донца, Нижнего Дона и в Северо-Восточном Приазовье. Отсюда они распространяют свое влияние на всю территорию южнорусских степей. В 70-х гг. XI в. наиболее активная часть западного половецкого объединения, переправившись через Днепр, обосновалась на Южном Буге, откуда совершала свои опустошительные набеги на Русь, Византию, Венгрию и Польшу. Пик агрессивности этого половецкого объединения приходится на 80—90 гг. XI в. Однако перейти на вторую стадию кочевания здесь куманам не удалось. Поэтому и нет в Побужье больших половецких родовых могильников и святилищ с каменными или деревянными изваяниями, которые связываются с культом предков. Из-за активизации русских на правобережье Днепра и, возможно, сильного сопротивления печенежско-торческих орд, обитавших в степях Северо-Западного Причерноморья, в начале XII в. половцы, возглавляемые Боняком, вынуждены были перенести свои кочевья к Днепру, где и перешли на вторую стадию кочевания. Западная граница половецких земель с этого времени стала проходить по Ингульцу, о чем красноречиво свидетельствует распространение половецких святилищ.

---

* Вызывает недоумение мнение С. А. Плетневой о большой политической значимости Боняка в 20—40-х гг. XII в.: «...снова единственным ханом, оставшимся в своих кочевьях, способным к тому же противостоять Руси, был Боняк. Недаром к нему обратились в 1140 г. два византийских царевича, очередные политические изгнанники Империи. Они же при дворе Мстислава Владимировича в Киеве осмелились говорить о Боняке столь лестные речи, что князь, разгневавшись, заточил их, а сам собрался в поход на Боняка, и только благоразумие и предусмотрительность этого великого русского политика предотвратили слабо подготовленный поход на половцев, которые, по словам летописца, сильно «налегли на Русь» в те годы» [17, с. 177]. Увы, Мстислав Владимирович никак не мог в 1140 г. гневаться на мифических византийских царевичей, якобы обратившихся к Боняку, так как в 1132 г. он благополучно отошел в мир иной. Только невнимательностью, выдергиванием отдельных фраз из текста Ипатьевской летописи и нежеланием вникнуть в общий смысл статьи 1140 г., возвращающей читателя к событиям 1129 г., порождены эти грубые ошибки [34, с. 415, 706, прим. 187; 35, с. 240].

Литература

1. Куник А. А. О торских печенегах и половцах по мадьярским источникам с указанием на новейшие исследования о черноморско-торских народах от Аттилы до Чингис-хана//Уч. зап. АН по первому и третьему отделениям. 1855. Т. 3. Вып. 5.

2. Аристов Н. Я. О земле Половецкой: Историко-географический очерк. Киев, 1877.

3. Голубовский П. В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX—XIII вв. Киев, 1884.

4. Городцов В. А. Типы погребений печенегов, торков, половцев и татар до XIV в.//Тр. XIII АС. М., 1907. Т. II.

5. Васильевский В. Г. Византия и печенеги. СПб., 1908. Т. I.

6. Расовский Д. А. Половцы//SK. Praha, 1935—1940. Т. 7—11.

7. Кудряшов К. В. Половецкая степь: Очерки исторической географии. М., 1948.

8. Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях//МИА. 1958. № 62.

9. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью Золотоордынских ханов. М., 1966.

10. Плетнева С. А. Половецкая земля//Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975.

11. Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. L., 1971.

12. Оболенский Д. Связи между Византией и Русью в XI—XV вв. М., 1971.

13. Кудряшов К. В. О местоположении половецких веж в Северном Причерноморье в XII в.//ТИЭ. Нов. сер. 1947. Т. 1.

14. Кудряшов К. В. Северное Причерноморье в IX—XII вв.: Автореф. дис.... докт. ист. наук//КСИЭ. М., 1948. № 4.

15. Рыбаков Б. А. Русские земли по карте Идриси 1154 г.//КСИИМК. М.; Л., 1952. Вып. 43.

16. Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния//САИ. М., 1974. Вып. Е 4—2.

17. Плетнева С. А. Хан Боняк и его время//Проблемы археологии: Сб. статей в память профессора М. И. Артамонова. Л., 1978. Вып. II.

18. Плетнева С. А. Донские половцы//«Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985.

19. Плетнева С. А. Кочевники средневековья. М., 1982.

20. Ипатьевская летопись//ПСРЛ. М., 1962. Т. II.

21. Повесть временных лет. М., 1950. Ч. I.

22. Расовский Д. А. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии// SK. Praha, 1931. Т. VI.

23. Malingoudis P. Die Nachrichten des Nicetas Choniates über die Entstehung des zweiten bulgarischen Staates//Byzantina, 1978. 10.

24. Ангелов Д. Восстание Асеней и восстановление средневекового Болгарского государства//ВВ. М., 1986. Т. 47.

25. Скржинская Е. Ч. Половцы. Опыт исторического истолкования этникона//ВВ. М., 1986. Т. 46.

26. Плетнева С. А. Древности Черных Клобуков//САИ. М., 1973. Вып. Е 1—19.

27. Добролюбовский А. О. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев, 1986.

28. Арутюнова В. А. К вопросу о взаимоотношениях Византии с печенегами и половцами во время норманской кампании//ВВ. М., 1972. Т. 33.

29. Любарский Я. Н. Византийско-печенежская война 1086—1091 гг. на территории Балкан//Славянские исследования. Л., 1966.

30. Бибиков М. В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII—XIII вв.)//Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1980 год. М., 1981.
31. История Венгрии. М., 1971. Т. I.
32. Комнина Анна. Алексиада. М., 1965.
33. Летопись Несторова съ продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 г. СПб., год издания не указан.
34. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1959. Кн. I. Т. 2.
35. Татищев В. Н. История Российская. М., 1963. Т. II.

СОДЕРЖАНИЕ

Кореняко В. А. О времени появления раннескифских памятников на Северном Кавказе 4
Лукьяшко С. И., Максименко В. Е. Этнополитическая ситуация на Нижнем Дону и Северо-Восточном Приазовье в VI—V вв. до н. э. 17
Копылов В. П. История изучения Елизаветовского могильника на Дону в дореволюционный период 25
Ждановский А. М. К истории сиракского союза племен (по материалам курганных погребений Среднего Прикубанья) 35
Журавлев Ю. Е. К вопросу об установлении политических связей Северного Причерноморья с Римской республикой 48
Виноградов В. Б. К дискуссии о грузинском влиянии в X—XIII вв. на Северо-Восточное Причерноморье 55
Королев В. Н. Азовская эпопея: последние операции донского казачьего флота 62
Черницын С. В. Некоторые аспекты этнических процессов в Войске Донском XVII в. (на примере тюркоязычных переселенцев) 72
Гуркин С. В. К вопросу об исторической географии Половецких земель 82

ДОН
И СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ
В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНИЕ ВЕКА

Редактор Т. М. Климчук
Технический редактор Д. В. Свавицкая
Корректор Г. А. Бибикова
Обложка М. П. Сафиуллиной

ИБ 1473

Изд. № 90/2072. Сдано в набор 22.12.89. Подписано в печать 7.05.90. ПК 80101. Формат 60x84 1/16. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Высокая печать. Физ. п. л. 6. Усл. п. л. 5,58. Уч.-изд. л. 5,55. Тираж 1000 экз. Заказ 8. Цена 1 р. 60 к.
Издательство Ростовского университета. 344006, г. Ростов-на-Дону, 6, ул. Пушкинская, 160.
Типография им. М. И. Калинина Ростовского областного управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 344081, г. Ростов-на-Дону, 81, ул. Советская, 57.

РЕФЕРАТЫ

Кореняко В. А. **О времени появления раннескифских памятников на Северном Кавказе** // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов н/Д. Издательство Ростовского университета, 1990.

В настоящее время древнейшие северокавказские памятники скифской культуры большинством исследователей датируются VII в. до н. э., причем имеется тенденция к углублению этой даты. В статье на основе исторического и источниковедческого анализа письменных свидетельств и археологических фактов обосновывается гипотеза о датировке северокавказских комплексов скифской архаики первой половиной VI в. до н. э. Появление этих памятников связывается с возвращением скифов в Восточную Европу после переднеазиатских походов. В статье по-новому ставятся важные для археологии методические вопросы (проблема учета времени бытования вещей до попадания их в закрытый комплекс и др.). Предлагается новая хронология для ряда археологических памятников, являющихся опорными в изучении древней и средневековой истории Северного Кавказа и Нижнего Дона.

Библиогр. 32 назв.

Лукьяшко С. И., Максименко В. Е. **Этнополитическая ситуация на Нижнем Дону и Северо-Восточном Приазовье в VI—V вв. до н. э.** // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов н/Д. Издательство Ростовского университета, 1990.

На основе новейших материалов в исследуемом регионе представляется возможность проследить появление во второй половине VI в. до н. э. кочевой группы скифского населения. В начале V в. до н. э. из-за изменившегося политического влияния других групп эта группа переходит к оседлости и основывает в дельте Дона сеть поселений с центром в Елизаветовском городище. В результате седентаризации существенные изменения происходят в экономике и духовной культуре общины. Развивается этническое самосознание и погребальная обрядность, генетические корни которой восходят к кочевническим памятникам VI в. до н. э.

Библиогр. 22 назв.

Копылов В. П. **История изучения Елизаветовского могильника на Дону в дореволюционный период** // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов н/Д. Издательство Ростовского университета, 1990.

В статье рассматривается история изучения в дореволюционный период Елизавстовского курганного могильника, расположенного вблизи одноименного городища скифского времени в дельте Дона и являющегося сегодня памятником скифского времени не только Подонья — Приазовья, но и всего Северного Причерноморья.

История дореволюционного изучения этого историко-культурного комплекса преимущественно связана с исследованием Елизаветовского могильника, так как работы на городище в тот период почти не проводились.

Проблема изучения Елизаветовского могильника в дореволюционное время до сих пор не была предметом специального исследования, хотя по ней накоплен интересный материал, позволивший сделать важные наблюдения и выводы, имеющие научное значение и сегодня.

Впервые предпринимается попытка собрать воедино и обобщить наблюдения и выводы дореволюционных исследователей, связанные с определением исторического места данного памятника в ряду памятников скифского времени.

Библиогр. 23 назв.

Ждановский А. М. **К истории сиракского союза племен (по материалам курганных погребений Среднего Прикубанья)**//Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов н/Д. Издательство Ростовского университета, 1990.

В статье рассматривается историческая ситуация, сложившаяся в Прикубанье в IV в. до н. э. — I в. н. э. По данным античных письменных источников, степи Прикубанья в это время были населены сираками, кочевниками сарматского круга.

Анализ археологического материала из дореволюционных раскопок и исследований автора позволил выделить группу курганных погребений, которые можно связать с сираками. На основе всего собранного материала в статье предлагается ряд новых моментов реконструкции этнополитической обстановки в рассматриваемое время.

Библиогр. 47 назв.

Журавлев Ю. Е. **К вопросу об установлении политических связей Северного Причерноморья с Римской республикой** // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов н/Д. Издательство Ростовского университета, 1990.

В статье рассматривается вопрос о возможности политических контактов Северного Причерноморья с Римом в начале II в. до н. э. на основе сообщений Тита Ливия и Полибия и анализа восточной политики Римской республики на рубеже III—II вв. до н. э. Упоминание реки Танаис в рассказе Тита Ливия о римско-селевкидском договоре в Апамее и включение сарматского царя Гатала в договор малоазийских царей автор связывает с последовательным развитием римской экспансии в эллинистическом мире.

Библиогр. 11 назв.

Виноградов В. Б. **К дискуссии о грузинском влиянии в X—XIII вв. на Северо-Восточное Причерноморье** // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов н/Д. Издательство Ростовского университета, 1990.

Статья преследует цель дать исчерпывающую (на сегодняшний день) сводку объективно существующих фактов и их исследовательских трактовок о социально-политическом и культурном влиянии Грузии на полиэтническое население Прикубанья (Северо-Восточного Причерноморья), что позволяет ставить и решать перспективную и ранее упускавшуюся проблему грузино-западноаланских, грузино-касожских, грузино-русских связей в Северо-Восточном Причерноморье рубежа раннего и позднего средневековья, избегая преувеличений, но и не сводя вопроса к постоянной и безоговорочной доминанте Византии.

Библиогр. 30 назв.

Королев В. Н. **Азовская эпопея: последние операции донского казачьего флота**//Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов н/Д. Издательство Ростовского университета, 1990.

Статья посвящена событиям последнего периода Азовской эпопеи донского казачества (1637—1642 гг.) — апогея антиосманской борьбы XVII в. В ней рассматриваются действия казачьего флота между окончанием Азовского осадного сидения и оставлением казаками Азова, т. е. осенью 1641 — весной 1642 гг. Вопреки широко распространенной точке зрения, что донской казачий флот, почти уничтоженный в ходе осадного сидения, не предпринимал после него никаких операций, в статье показана активная деятельность казаков на

море, носившая разведывательный характер. Автор приходит к выводу, что казачий флот обеспечил Войску Донскому получение важной разведывательной информации и затем эвакуацию казаков, их имущества, оружия и боеприпасов из Азова вверх по Дону, на Махин остров.

Библиогр. 33 назв.

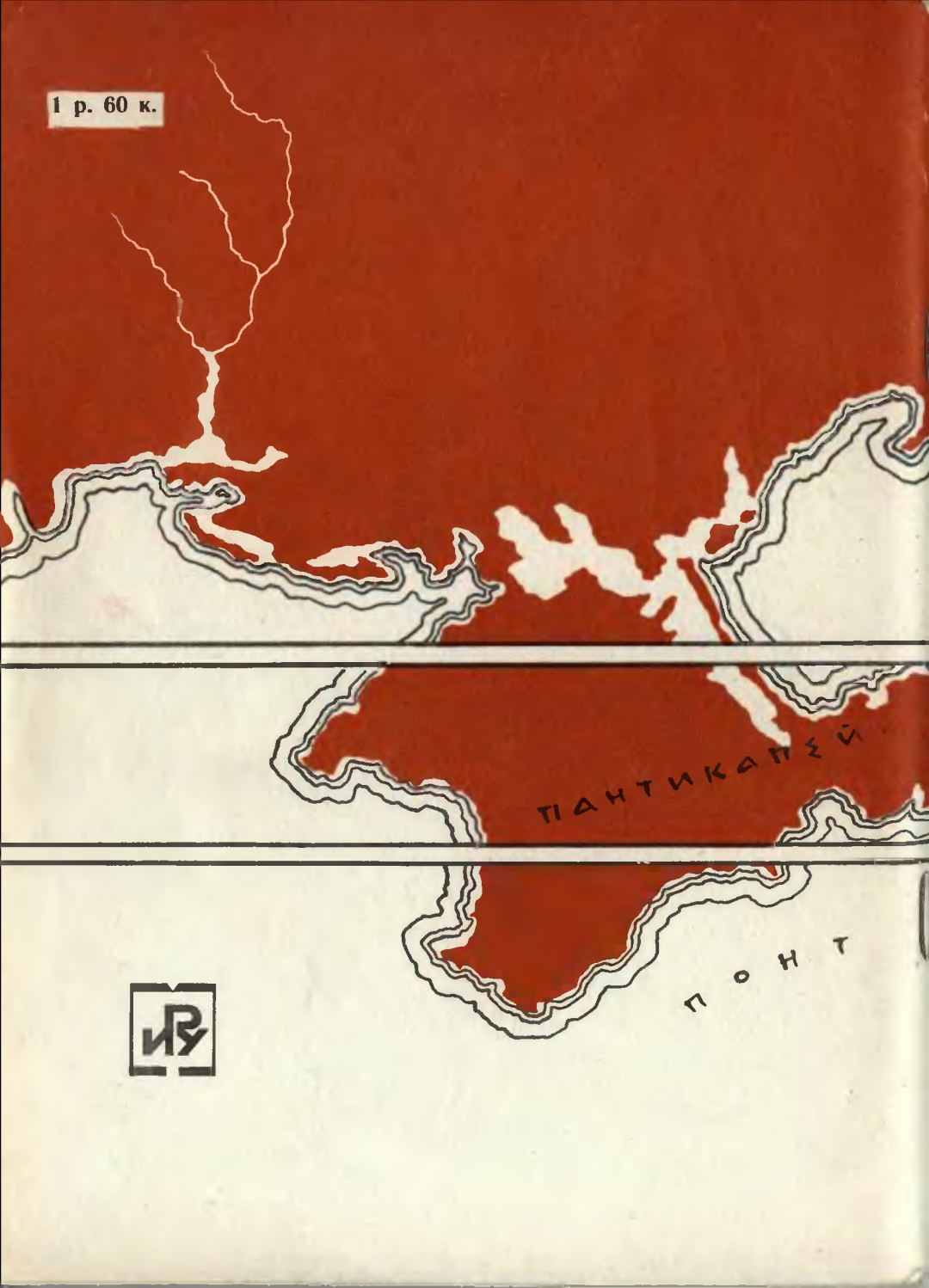
Черницын С. В. **Некоторые аспекты этнических процессов в Войске Донском XVII в. (на примере тюркоязычных переселенцев)** // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов н/Д. Издательство Ростовского университета, 1990.

В статье рассматриваются пути формирования тюркоязычного населения в Войске Донском и его дальнейшая судьба. Большая часть переселенцев принимала христианство и вливалась в преобладавшую численно и политически восточно-славянскую, русскую часть казачества. Это вело к ассимиляции «выходцев». Второй путь, который не рассматривался в литературе, это этническая консолидация, когда тюркоязычные переселенцы вливались в группу так называемых донских (юртовых, базовых) татар, сохранявших культурную и религиозную обособленность. И в других казачьих общинах на Урале, Кавказе, в Сибири наряду с ассимиляцией наблюдается консолидация неславянских переселенцев. Изучение групп, подобных донским татарам, позволяет глубже понять процесс формирования казачества и особенности его культуры.

Библиогр. 37 назв.

Гуркин С. В. **К вопросу об исторической географии Половецких земель**// Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов н/Д. Издательство Ростовского университета, 1990.

Статья посвящена разработке одной из актуальных проблем средневековых кочевников Восточной Европы, а именно приходу половцев в степи Нижнего Подонья — Северо-Восточного Приазовья и их дальнейшему распространению в причерноморских степях. На материале доступных письменных источников рассматривается становление и развитие Западного половецкого объединения, переход его от «таборной» стадии кочевания к «сезонной», военные столкновения с Древней Русью, Византией, Венгрией.

Библиогр. 35 назв.

1 р. 60 к.